63.3(2)612
Ц 99

В.В. Цысь

Монография
Часть 2

ТРУДОВЫЕ АРМИИ ПЕРИОДА ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

ХОЗЯЙСТВЕННАЯ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

КОНТРОЛЬНЫЙ ЛИСТОК
СРОКОВ ВОЗВРАТА

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

– 2011 –

Колич. пред. выдач. _____

15.11- 6-ка

2012

9.10-49571

63.3(2)612
Ц97

В.В.Цысь

ТРУДОВЫЕ АРМИИ ПЕРИОДА ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Монография

В двух частях

43-1

Часть 2

ХОЗЯЙСТВЕННАЯ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

НИЖНЕВАРТОВСКОЕ МБУ «БИС» инв. № 180261 А
Обязательный экземпляр ИНВ.№ 1288

Издательство
Нижневартовского государственного
гуманитарного университета
2009

3061861060

ББК 63.3(253.3)
Ц 47

Печатается по постановлению Редакционно-издательского совета
Нижневартовского государственного гуманитарного университета

Научный редактор
доктор исторических наук, профессор *Я.Г.Солодкин*

Рецензенты:
доктор исторических наук, профессор *В.М.Кружилов*
(Тюменский государственный университет);
доктор исторических наук, профессор *Г.Е.Корнилов*
(Уральский государственный педагогический университет);
кафедра гуманитарных и естественнонаучных дисциплин филиала
Южно-Уральского государственного университета в г.Нижневартовске
(зав. кафедрой — кандидат педагогических наук, доцент *Г.Г.Харисова*)

Цысь В.В.

Ц 47 **Трудовые армии периода Гражданской войны:** Монография: В 2 ч. — Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. гуманит. ун-та, 2009. Ч. 2: Хозяйственная и общественно-политическая деятельность. — 231 с.

ISBN 978–5–89988–625–0

В монографии исследованы основные направления хозяйственной, военно-политической, культурно-просветительской деятельности трудовых армий периода Гражданской войны. Раскрыт вклад трудовых армий в восстановление экономики страны.

Адресована специалистам в области отечественной истории, преподавателям вузов, средних учебных заведений, студентам, изучающим историю Гражданской войны. 1917—1921 гг., историю вооруженных сил, проблемы трудовых отношений советского периода.

ББК 63.3(253.3)

ISBN 978–5–89988–625–0

© Цысь В.В., 2009
© Издательство НГГУ, 2009

ВВЕДЕНИЕ

Процесс становления социально-экономической системы советского государства протекал в сложной ситуации Гражданской войны, в непримиримой борьбе различных политических, национальных, общественных группировок. В этих условиях большевики вынуждены были прибегнуть к мобилизации сил и средств на отпор внешней и внутренней «контрреволюции» достаточно условно названной политикой «военного коммунизма».

Однако военный коммунизм, как признается большинством современных историков — не просто сумма мер, обусловленных чрезвычайной обстановкой. В не меньшей степени это и результат завышенных ожиданий относительно реальной готовности России к переходу на новые принципы общественного устройства. Эксперименты в сфере трудовых отношений оказались так же радикальны и неоднозначны по результатам, как и в других областях социально-экономической действительности.

Одним из таких экспериментов являлись трудовые армии, на определенном этапе воспринимавшиеся как специфическая форма всеобщей трудовой повинности, элемент системы военного коммунизма, соединивший в себе милитаризованное и трудовое начала.

Изучение их истории показывает, какая роль отводилась попыткам «планомерно» использовать трудовые ресурсы в решении стоявших перед страной хозяйственных задач, способствует более полному пониманию политики военного коммунизма в целом. Обращение к данной теме позволяет уточнить ответы на вопросы, на протяжении последних двух десятков лет активно обсуждавшиеся в отечественной историографии: в какой степени большевистские схемы и теории соотносились с реальной жизнью, имелись ли какие-либо основания для того, чтобы на их основе приступить к решительной перестройке веками сложившегося хозяйственного уклада, можно ли считать, что крайности военного коммунизма были вызваны необходимостью мобилизовать экономику для обеспечения нужд фронта или же определяющую роль здесь сыграл доктринальный фактор? Таким образом, анализ основных проблем, связанных с различными аспектами деятельности трудовых армий поможет лучше разобраться

в принципах функционирования данной системы, определить, насколько эффективно она работала, справилась ли с теми задачами, которые ставились ее вдохновителями и создателями.

Исследование истории трудовых армий также дает возможность существенно дополнить наши представления о том, как велся поиск путей и направлений военного строительства в первые годы Советской власти. Следует выяснить, можно ли говорить о позитивном значении перевода воинских частей с боевого на хозяйственный фронт и если да, то в чем именно оно заключалось; насколько успешно трудовые армии применялись, выполнили ли свою историческую миссию; с какими проблемами приходилось сталкиваться командованию трудовых соединений и как эти проблемы решались. Немаловажным представляется также анализ влияния опыта создания и деятельности трудовых соединений периода Гражданской войны на последующую историю нашей страны.

Армия — не только инструмент защиты от внешнего посягательства, это также государственный институт, осуществляющий социализацию молодого поколения, формирующий определенные стереотипы поведения, морально-нравственные ценности и установки, которые затем могут переноситься и в мирную жизнь. Советское руководство очень активно использовало вооруженные силы именно в таком качестве. Собственно говоря, армия в данном отношении подверглась столь же мощному воздействию, как и другие общественные, профессиональные, просветительские, молодежные организации, ставшие проводником коммунистической идеологии, средством влияния на умы подрастающего поколения.

Вооруженные силы являлись кузницей кадров для всех звеньев государственного, партийного и профсоюзного аппарата. В их рядах выкристаллизовывался слой людей, от чьего мнения зависела, в том числе и судьба «эпигонов» В.И.Ленина, имевших весьма своеобразные взгляды о методах и путях строительства социализма.

Хорошо известно, что «военнокоммунистические» настроения, сформировавшиеся в годы Гражданской войны, были распространены среди членов партии в период нэпа, являясь одним из факторов, предопределивших победу политического

и экономического курса, олицетворением которого являлся И.В.Сталин. В горниле Гражданской войны закалились партийные кадры, ставшие опорой сталинской «революции сверху».

Идеология штурмовщины, чрезвычайных мер, способных разрешить любые проблемы, в последующие годы превращается в постоянную практику. Становится популярным представление, что решительным кавалерийским натиском можно достичь желаемой цели — победить любого врага, как внешнего, так и внутреннего, преодолеть экономическую отсталость, изжить религиозные предрассудки, т.е., перефразируя известное выражение, взять очередную крепость, ставшую для большевиков препятствием на пути к светлому будущему. Поэтому важно разобраться, как закладывались основы политики и идеологии, отдельные элементы которой оказались очень живучи, и, как нам представляется, прошли красной нитью через советский период отечественной истории.

Объект исследования — военное и хозяйственное строительство первых лет советской власти.

Под военным строительством подразумевается система взаимосвязанных мер (политических, экономических, социальных, собственно военных) по созданию и совершенствованию вооруженных сил. Оно зависит от общей обстановки в мире и внутри страны — уровня развития экономики и науки, природных ресурсов, демографии, идеологии, исторических традиций и др. факторов. После прихода большевиков к власти разработка принципов и направлений военного строительства велась на основе марксистской доктрины и с учетом конкретно-исторических условий.

Одним из принципов, на который опирался опыт военного строительства в первые годы советской власти, являлась милиционная система, предполагающая привлечение в ряды вооруженных сил в случае необходимости всех способных носить оружие граждан, т.е. народное ополчение с минимальным числом (или вообще без такового) кадровых военных.

Хозяйственное строительство — система целенаправленных действий, связанных с организацией управления экономикой, выработкой и осуществлением государственной политики в сфере экономики.

Предмет — части Красной армии, переведенные с боевого на трудовой фронт или же специально создаваемые для решения хозяйственных задач.

Наиболее крупные объединения подобного рода формирований, обладавшие соответствующей военной инфраструктурой, называются «трудовые армии». Трудовые армии на определенном этапе рассматривались в качестве переходной ступени к всеобщей трудовой повинности, являясь одним из способов привлечения населения к общественно-полезной деятельности.

В работе также применяются термины «трудовые части», «трудовые соединения» для обозначения переведенных на трудовой фронт отдельных подразделений Красной армии, или в некоторых случаях в виде более общего понятия, включающего как трудовые армии, так и подразделения Красной армии, применявшиеся в народном хозяйстве, но не входившие в состав трудовых армий. В отношении военнослужащих трудовых частей употребляется термин «трудармейцы».

Хронологические рамки исследования охватывают январь 1920 — осень 1922 гг. Выбор нижней границы обусловлен тем, что именно в начале 1920 г. создаются первые трудовые армии, которые являлись наиболее законченной формой организации трудовых соединений периода Гражданской войны. Верхняя граница связана с окончательной ликвидацией трудовых армий и трудовых районов при переходе от военного коммунизма к нэпу, изъятием из государственных рабочих артелей (сформированных на базе бывших трудовых армий) военнослужащих и заменой их вольнонаемной рабочей силой. Однако в ряде случаев возникает необходимость выйти за указанные хронологические рамки, в частности, когда речь идет о дальнейшей эволюции трудовых армий в период нэпа, их историческом значении.

Территориальные рамки охватывают Советскую Россию и Советскую Украину в границах 1920—1922 гг., что позволило исследовать проблему в комплексе, с учетом особенностей использования трудовых частей в различных регионах страны.

Цель исследования — изучение истории основных направлений деятельности трудовых армий периода Гражданской войны.

Достижение цели исследования предполагает решение следующих задач:

— определить основные направления хозяйственной деятельности трудовых соединений Красной армии;

— дать оценку вклада трудовых частей в восстановление экономики страны;

— охарактеризовать военно-политическую, культурно-просветительскую работу трудовых армий;

— рассмотреть эволюцию трудовых соединений после официальной ликвидации трудовых армий;

— показать историческое значение трудовых частей периода Гражданской войны.

Научная новизна исследования заключается в следующем:

1. Впервые на широкой источниковой базе и современной методологической основе выполнен комплексный анализ основных направлений и результатов деятельности трудовых армий периода Гражданской войны.

2. Фактически впервые дается оценка результатов хозяйственной деятельности трудовых соединений в контексте общего состояния экономики страны, раскрывается их вклад в восстановление различных отраслей народного хозяйства, в первую очередь — в заготовку и вывозку топлива, восстановление транспорта.

3. История трудовых соединений периода Гражданской войны представлена в динамике, как процесс непрерывного поиска оптимальных организационных форм, совершенствования методов управления, создания условий для повышения эффективности работы военнослужащих. Показано, что эволюция трудовых соединений не ограничивается изданием официальных документов о ликвидации трудовых армий.

4. Раскрыта специфика применения рабочей силы военнослужащих в различных регионах страны. Показано многообразие форм использования военнослужащих трудовых соединений, вовлекавшихся также в военно-политическую и культурно-просветительскую деятельность.

5. Впервые вовлечен в научный оборот значительный комплекс документальных источников, ранее не привлекавших внимание исследователей.

ГЛАВА I

УЧАСТИЕ ТРУДОВЫХ АРМИЙ В ВОССТАНОВЛЕНИИ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА

В хозяйственной деятельности трудовых частей и соединений в 1920 г. можно выделить два основных периода. Первый ограничен январем — второй половиной апреля и связан с использованием крупных боевых армий, переведенных на хозяйственный фронт. Хронологическим рубежом служит IX съезд РКП(б) и принятые на нем решения относительно дальнейшей судьбы трудовых армий, а также начало советско-польской войны. Это было время больших надежд, когда казалось в едином порыве, решительным натиском разгромившие Колчака и Деникина красноармейцы ликвидируют нового врага — разруху, покажут пример высокопроизводительного организованного труда всему остальному населению, внесут порядок на заводы и фабрики, обеспечат поступление продовольствия в голодающие города и т.п.

В данный период трудовые армии были сосредоточены на решении нескольких основных задач, намеченных декретами СТО, принятыми в январе — феврале 1920 г.

Важнейшим направлением работы военнослужащих являлось обслуживание путей сообщения и средств связи: ремонт и очистка железных дорог, мостов, телеграфных и телефонных линий, ремонт паровозов, вагонов, их погрузка, разгрузка и др.

Транспортная инфраструктура особенно сильно пострадала в районах интенсивных боевых действий — на Урале и в Сибири, на Украине и Северном Кавказе. Так, на Донецких железных дорогах к 1 февраля 1920 г. «больных» паровозов было 84,6%[1]. Едва ли не в состоянии паралича находился Транссиб. Грузоподъемность Владикавказской железной дороги — основной магистрали Северного Кавказа сократилась в 15 раз. В целом же по стране в ремонте нуждалось 62,4% паровозов и 17,4% вагонов. Грузооборот железнодорожного транспорта составил 23% по отношению к 1913 году[2]. Эксплуатационная длина железнодорожных путей сократилась с 59.280 до 29.516 верст[3] (в.), а затем стала вновь быстро расти за счет освобожденных от белогвардейцев территорий — 48.410 в. в январе, 52.630 в. в марте, 63.698 в. в июле 1920 г.[4]

В ходе боевых действий было разрушено около 2,7 тыс. железнодорожных мостов, 990 верст путей[5] (в литературе встречается и значительно большая цифра — 4.322 моста и 2 тыс. верст[6]). По сведениям же, представленным НКПС, разрушению подверглись 1.360 в. рельсовых путей, 3.011 «искусственных сооружений» общей длинной 16 тыс. погонных саженей[7]. В местах добычи сырья, сельскохозяйственного производства скопилось большое количество готового к отправке продукта, в котором нуждались другие районы страны. На Грозненских нефтепромыслах имелось до 42 млн.п. нефти, мазута, бензина, которые не было возможности вывезти, в других местах Северного Кавказа — хлеб, масло, рыба, кожи, табак и т.д.[8]

К восстановлению транспорта военнослужащие подключились практически сразу же с началом так называемой «мирной передышки». Здесь были достигнуты, пожалуй, наиболее заметные успехи. Основной объем работ по текущему и основному ремонту паровозов и вагонов (более 80% от количества, отремонтированного всеми трудовыми соединениями) в этот и последующий период выполнялся Запасной армией[9] (*см.: Приложения № 1, 7, 8*). Хрестоматийными стали примеры трудового героизма военнослужащих, в кратчайшие сроки восстановивших железнодорожное сообщение на линиях, связывавших Москву с освобожденными от белых восточными районами страны. Так, уже 12 марта 1920 г. (на месяц раньше срока) был введен в строй силами Запасной армии мост через Каму у Сарапула. С 9 февраля по 1 апреля 1920 г. велось возведение крытой воинской платформы на станции Казань, с 17 февраля по 6 марта 1920 г. — крытой платформы для погрузки муки на станции Юдино[10] и др. Уже в марте 1920 г. были достигнуты реальные позитивные сдвиги в работе Московско-Казанской железной дороги: удалось увеличить на 20% доставку в Москву вагонов с продовольствием, уменьшились простои паровозов при наборе дров и др.[11] К маю 1920 г. провозоспособность железной дороги увеличилась на 40%. Естественно, что без помощи военнослужащих так быстро выполнить указанные работы вряд ли было бы возможно.

В Украинской трудовой армии на обслуживании железных дорог в данный период было задействовано 26,3% личного состава и 24,7% «учтенной рабочей силы» (включая вольнонаемных)[12].

Ее военнослужащими к концу апреля 1920 г. был отремонтирован 41 и построено 6 мостов, проложено 42 версты узкоколейки, отремонтировано 37 платформ[13]. Одной из важных задач, возложенных на Украинскую трудовую армию стала погрузка и вывозка угля. К весне 1920 г. в Донбассе скопилось на поверхности около 25 млн. п. каменного угля, 70 млн. п. антрацита и 3 млн. п. кокса[14]. Быстрая доставка топлива потребителю возможна была только при использовании чрезвычайных мер, к числу которых следует отнести применение труда военнослужащих. Однако работы на данном направлении начинают развертываться несколько позднее.

В период с января по май 1920 г. 18 мостов отремонтировали военнослужащие 1-й РАТ[15]. На ремонте мостов было задействовано 1.285 военнослужащих Петроградской трудовой армии. Их силами был введен в строй Ямбургский железнодорожный мост, позволивший связать Советскую Россию с Эстонией. В обзоре деятельности Петроградской трудовой армии за февраль—март 1920 г. именно участие в очистке города, борьбе с эпидемиями, ремонте ставится ей в основную заслугу[16].

Всего же к середине апреля 1920 г. военнослужащими было погружено и выгружено 16.160 вагонов, в том числе 6.200 — 1-й РАТ, 3.000 — Украинской трудовой армией, 2.500 — Запасной, 800 — Петроградской, 1.500 — частями Западного фронта, 1.000 — частями Туркестанского фронта, остальное — частями тыловых округов[17]. Кроме того, было очищено от снега 2.673 верст железнодорожного пути, в том числе 1.345 — частями Туркестанского фронта, 527 — 1-й РАТ, 815 — Кавказской трудовой армией, 211 — Украинской трудовой армией, 323 — Запасной армией, 5 — Петроградской трудовой армией, 50 — частями Западного фронта, остальное — частями тыловых округов. Военнослужащие отремонтировали 114,5 верст железнодорожного пути, в том числе 62 — 1-й РАТ, 27 — Петроградской трудовой армии, 22,5 — Запасной, 1,5 — частями Западного фронта[18].

Энергетический кризис привел к возрастанию доли дров в топливном балансе страны в 1920 г. до 50%[19] и обусловил широкое участие трудовых соединений в лесозаготовках. Так, за период с конца декабря 1919 г. по 24 января 1920 г. военнослужащие 3-й армии Восточного фронта (1-й РАТ) заготовили 17.910 к.с.

и вывезли 8.546 к.с. дров[20]. В целом в январе — апреле до 30 тыс. трудармейцев 1-й РАТ одновременно было задействовано на лесозаготовках (*см.: Приложения № 3, 4*). На топливных работах находилось 7.190 военнослужащих Петроградской трудовой армии (в том числе 3.200 — на лесозаготовках, 1.180 — погрузке дров, 1.360 — заготовке торфа, 1 450 — разработке сланцев)[21]. Лесозаготовками занималось в марте—апреле 1920 г. 39,3% личного состава Украинской трудовой армии (в среднем от 2,5 тыс. до 7 тыс. чел. одновременно), «учтенной рабочей силы» (т.е. с вольнонаемными) — 58,8%[22].

Всего же до середины апреля 1920 г. трудовыми частями было заготовлено более 470 тыс. к.с. дров, в том числе 1-й РАТ — 97 тыс. к.с. (20,6%), Запасной — 79 тыс. к.с. (16,8%), Украинской — 48 тыс. к.с. (10,2%), Кавказской (совместно с различными тыловыми соединениями Кавказского фронта) — 42 тыс. к.с. (8,9%), Петроградской — 3 тыс. к.с. (0,6%). Лесозаготовки производились и тыловыми подразделениями фронтов, боевых армий и военных округов: Туркестанского фронта — 19 тыс. к.с. (4%), Западного фронта — 23 тыс. к.с. (4,9%), 5-й армии Восточного фронта — 69 тыс. к.с. (14,7%), 6-й армии — 12 тыс. к.с. (2,6%), различными частями тыловых округов — 78 тыс. к.с. (16,6%). Вывозка дров составила за этот же период по разным данным от 312 до 366,5 тыс. к.с.[23] (*см.: Приложение № 2*).

Еще одно важное направление деятельности трудовых армий — «извлечение» из их рядов и отправка на заводы и фабрики квалифицированных специалистов. Необходимость такой меры обуславливалась резким сокращением промышленного пролетариата. Только в Петрограде его количество за годы Гражданской войны уменьшилось в три раза[24]. В целом же по стране спрос на рабочую силу хозяйственных учреждений и предприятий в январе 1920 г. в полтора раза превышал предложение[25]. Изначально считалось, что подобного вида помощь не должна наносить ущерб боеспособности воинских частей. Так, уже декрет СТО от 15 января 1920 г. о создании 1-й РАТ предусматривал передачу квалифицированных рабочих «местным заводским и вообще хозяйственным учреждениям... поскольку они не безусловно необходимы для поддержки жизни самой армии»[26].

Откомандирование военнослужащих практиковалось в двух формах: индивидуально или целыми подразделениями. Наибольших масштабов в начале 1920 г. оно достигло в 1-й РАТ. На первом же заседании Совтрударма принимается решение об использовании военнослужащих-специалистов целыми воинскими частями. Отдельных квалифицированных рабочих из состава 1-й РАТ разрешалось выделять на предприятия только в крайних случаях[27]. Основным источником удовлетворения спроса на квалифицированную рабочую силу, по мнению Совтрударма, должно являться возвращение пролетариата из деревни, а не извлечение из армии[28]. Данное положение отражало стремление армейского руководства предотвратить распыление трудчастей. Составленные из военнослужащих подразделения направлялись на различные хозяйственные объекты для производства определенных видов работ. Например, уже в первой трудовой сводке сообщалось о командировании 100 плотников на Кизеловские копи и 100 плотников на восстановление Уфимского моста[29]. В автомастерской Перми в начале февраля было сосредоточено 300 трудармейцев, ремонтировавших вышедшие из строя автомобили[30]. В январе—феврале был проведен учет специалистов в 1-й РАТ и частях Приуральского ВО на основе профессиональной переписи штабов и учреждений округа.

Однако уже с марта 1920 г. вместо посылки отдельных, независимых от управления предприятий, батальонов, рот и взводов, составленных из квалифицированных рабочих, последние стали направляться в распоряжение хозяйственных органов в индивидуальном порядке. С 1 по 25 марта комтрудом при Совтрударме было откомандировано из армии 3.118 человек. Из них на Мотовилихинский завод — 298, Надеждинский — 203, на Пермскую железную дорогу — 555, Кизеловские копи — 225, Челябинские копи — 139, Пермский, Уфимский, Тюменский рупводы — 210, Нижне-Сергинский завод — 106 и т.д.[31] Как правило, откомандированные сначала отправлялись на «испытание по специальности», и только после этого получали назначение на работу[12].

В остальных трудовых армиях выделение квалифицированных военнослужащих в данный период почти не производилось. В Петроградской трудовой армии их откомандирование осуществлялось в незначительном количестве[13]. В период с 11 февраля по

1 мая 1920 г. спрос предприятий Петрограда на рабочую силу был удовлетворен за счет военнослужащих на 9,1%[34]. В Запасной армии учетом специалистов занимался Особый военно-регистрационный пункт, созданный в соответствии с приказом по армии от 21 февраля 1920 г. Здесь до конца марта было зарегистрировано 422 военнослужащих, часть из которых в индивидуальном порядке направлялась в различные учреждения в соответствии с имеющейся квалификацией[35].

Особое значение придавалось заготовке трудармиями продовольствия и фуража. В силу природно-климатических условий заниматься сельскохозяйственными работами в данный период было невозможно. Поэтому некоторые части трудовых армий участвовали лишь в проведении продразверстки. Именно этому виду работ уделялось самое пристальное внимание в выступлениях В.И.Ленина и постановлениях СТО. Однако в 1-й РАТ к продработе приступили лишь во второй декаде февраля. Для этой цели предполагалось использовать кавалерийские части. 12 февраля Совтрударм сообщил в СТО, что для планомерного выполнения продовольственных разверсток посланы следующие отряды конницы: Екатеринбургская губерния — 200 человек, район Челябинска — 1.030 человек, Троицкий и Кустанайский уезды — 700 человек, район Шадринска — 200 человек, кроме того, в Троицкий уезд послано 300 человек пехоты[36]. Для руководства продовольственной работой 16 февраля создается специальная комиссия[37]. В приказе по войскам № 060 от 6 марта 1920 г. объявлялось о сформировании продовольственной дивизии в составе четырех продполков[38]. В ее функции входили заготовка, обмолот, вывозка и хранение изъятого у крестьян зерна. Всего же к середине марта около 6 тыс. военнослужащих 1-й РАТ было занято на продовольственной работе в Екатеринбургской и Челябинской губерниях. Однако основная их деятельность разворачивается уже в следующий период существования трудовых армий.

Широкие возможности для привлечения трудармейцев к продработе имелись на территории Украины. В марте 1920 г. на помощь продорганам Бердянского и Мариупольского уездов направляется 3-й трудовой полк Украинской трудовой армии. Полк был сформирован из питерских рабочих непризывного возраста (18—20 и 35—40 лет) и соответственно никак не был связан

с «промахновски» настроенным местным населением. В село Куркулак, находившееся к северу от г.Большой Токмак, которое «до того времени не выполняло наряда», высылается конная разведка и эскадрон. После чего «наряд» в размере 1 тыс. п. пшеницы и др. продуктов крестьяне сдали в течение одного дня[39]. Однако в данное время, несмотря на предпринимаемые энергичные меры, из-за неукомплектованности подразделений полка, так же как и Украинской трудовой армии в целом, план по сбору продразверстки не мог быть выполнен. В марте 1920 г. Бердянский и Мариупольский уезды вместо 4 млн. п. дали лишь 383 тыс. п. зерна[40].

Производимые военнослужащими заготовки не включались в отчетность трудармий. Несмотря на существенную помощь отдельных частей в проведении продразверстки в ряде уездов Урала и Украины, основной объем работ выполнялся не столько трудовыми армиями, сколько, как и ранее, продотрядами, а также заготовительными органами фронтов, боевых армий и дивизий.

Остальными видами хозяйственной деятельности трудармейцы занимались в этот период эпизодически. Так, в марте—апреле 1920 г. 3,8% личного состава Украинской трудовой армии было задействовано на добыче угля[41]. В конце февраля 1920 г. в Запасной армии формируется отдельный Рыболовный батальон, направленный на помощь артелям Казанского губпродкома.

Трудовое применение отдельных воинских частей имело ряд особенностей. Из стрелковых дивизий численно большая давала более высокий процент участвующих в работе военнослужащих, т.к. в такой дивизии доля штаба и вспомогательного персонала была меньше по отношению к личному составу. Например, в 1-й РАТ на 24 марта 1920 г. 29-я дивизия насчитывала 2.455 человек, из которых работало 129 или 5,3%, 5-я стрелковая дивизия — 3 870 человек из них работало 218 или 5,6%, в Красно-Уральской дивизии из 8.953 человек работало 2.343 или 26,2%[42]. Из-за обремененности нарядами слабо привлекались к труду городские гарнизоны. На 24 марта 1920 г. из 11.477 человек гарнизона Екатеринбурга работало 1.049 или 9,1% из 6.382 человек гарнизона Челябинска — 1.450 или 22,7%[43]. Наиболее значительный процент использования личного состава достигался в небольших технических частях, максимально приспособленных к труду.

Например, в инженерно-технических мастерских Екатеринбурга на 24 марта 1920 г. из 176 человек работал 101 или 57,6%[44].

Необходимо отметить, что помимо военнослужащих, разными видами хозяйственной деятельности занималось и гражданское население, привлеченное трудовыми частями в порядке трудовой повинности или же по вольному найму. На совещании, посвященном вопросу использованию «бывшей 7-й армии», проходившем 12 февраля 1920 г. под председательством Г.Е.Зиновьева, указывалось, что военно-полевые строительства вынуждены «пользоваться наймом или мобилизацией местного населения»[45].

Аналогичная ситуация была характерна для 1-й РАТ. В первое время привлечение населения к выполнению трудовой повинности осуществлялось преимущественно армейским аппаратом. В январе и феврале 1920 г. количество гражданских лиц составляло соответственно 155,5% и 77,4% по отношению к численности работавших красноармейцев[46]. Обычно к воинской части приписывалось несколько близлежащих волостей, население которых по требованию командования обязано было присылать рабочих и подводы. Например, к 1-му инженерному военно-дорожному батальону прикреплялось 14 волостей Ялуторовского уезда Тюменской губернии. Каждая из них должна была предоставлять по 100 человек ежедневно для лесозаготовок[47]. 1-й РАТ проводилась мобилизация мужчин 1901 г.р., которая дала 26 тыс. чел., из которых на работах использовалось только около 60%[48].

В Запасной армии в рассматриваемый период лишь от 20% до 25% занятых на ремонте паровозов и 33% до 50%, занятых на ремонте вагонов составляли собственно военнослужащие. Остальные были вольнонаемной рабочей силой или трудмобилизованными. В Украинской трудовой армии в марте—апреле 1920 г. 60% «обернувшихся» рабочих и 65% подвод составили вольнонаемные[49].

Председатель Центрокомтруда, инспектор инженеров А.П.Шошин отмечал, что повышение производительности труда на лесозаготовках объясняется в первую очередь широким привлечением трудовыми частями вольнонаемных, число которых в феврале—марте 1920 г. доходило до 60—70% от общего количества работающих по всем трудовым соединениям в целом[50]. Выполненные ими работы, вполне естественно, записывались в актив трудовых частей.

Неприятным сюрпризом для советского и партийного руководства стала низкая производительность труда военнослужащих. Первоначально высказывается пожелание, чтобы сообщения с трудового фронта по стилю напоминали военные, боевые, с целью оказания наивысшего эмоционального эффекта. Сводки называвшиеся «оперативными», были весьма кратки и содержали лишь сведения об объеме выполненных работ. Первая же сводка о деятельности частей 1-й РАТ с 25 по 28 января 1920 г., опубликованная в газете «Экономическая жизнь», вызвала самый широкий резонанс. Особенное впечатление произвел следующий отрывок, помещенный в начале документа: «В районе Ялуторовска по заготовке топлива работало людей военных 1.321, заготовлено дров 57 к.с., работало лошадей военных 24, гражданских 192, вывезено дров 11 к.с...»[51]. Таким образом одна кубическая сажень дров заготавливалась тремя сотнями трудармейцев, что было всеми воспринято как нонсенс.

По данным Центрокомтруда на 1 марта 1920 г. средняя производительность повысилась до 1 к.с. в день на 6 человек в день (0,17 к.с. на человека), что объяснялось А.П.Шошиным опять же использованием в трудовых частях вольнонаемной рабочей силы[52]. Невысокой была производительность в тыловых частях фронтов, подведомственных топливным комиссиям: до 10—15 чел. на 1 к.с. у военнослужащих и до 20—30 чел. у дезертиров (с учетом охраны)[53].

В зависимости от конкретной ситуации производительность труда на лесозаготовках могла сильно колебаться. Так в Петроградской трудовой армии 21 трудармеец на ст.Левашово заготовил за день 21 к.с. дров (1 к.с. на человека) и в то же время на ст. Парголово 77 трудармейцев за день заготовили 1 3/8 к. с. дров (0,02 к.с. на человека в день)[54]. Такие перепады были связаны с общей неупорядоченностью, бессистемностью работы переведенных на труд воинских частей, а также с неправильным составлением отчетности. Например, в сводке Украинской трудовой армии указывалось, что 15 марта 1920 г. 1.215 рабочих заготовило 258 к.с. дров (0,21 к.с. на человека), 16 марта — 10.865 рабочих заготовили 510 к.с. дров (0,05 к.с. на человека), 17 марта соответственно 991 рабочий и 330 к.с. (0,33 к.с. на человека), 20 марта — 1.997 рабочих и 20 к.с. (0,01 к.с. на человека)[55].

Изменения в производительности труда в данном случае следует объяснять именно дефектами отчетности. Сводки составлялись и публиковались по мере поступления информации вне зависимости от того, когда и кем была выполнена указанная работа.

Объективно оценить указанные выше цифры можно путем сравнения с производительностью труда в предреволюционный период. По данным за 1916 г. о заготовке дров по 630 лесничествам Европейской России на 1 рабочего при 10-часовом рабочем дне отмечались следующие средние дневные нормы выработки[56]:

	Заготовка дров (к.с.)	Вывозка на расстояние 4 версты (к.с.)	Вывозка на расстояние 8 верст (к.с.)	Вывозка на расстояние 16 верст (к.с.)
Рабочий	0,5	0,64	0,36	0,32
Военнопленный	0,26	0,4	0,28	0,16

В отдельных случаях при хорошем снабжении и оплате труда выработка могла повышаться до 0,7—1,25 к.с. в день. Таким образом, производительность труда военнослужащих на лесозаготовках в сравнении с показателями 1916 г. была невысокой.

Еще одна проблема, с которой приходилось сталкиваться в первые месяцы 1920 г. — низкий процент использования личного состава трудовых частей. Например, в январе в 1-й РАТ работало немногим более 1,5 тыс. чел., т.к. не все воинские части были переведены на трудовой фронт, многие подразделения перебрасывались в новые районы дислокаций, армейский аппарат еще только перестраивался от боевой к трудовой деятельности. В начале февраля при общей численности 1-й РАТ в 55.000 человек работало лишь около 7.500 или 13,3%. Во второй половине февраля численность армии возросла до 59.000 человек, а количество работавших снизилось до 6.000 или 10,2%[57].

Большинство воинских частей 1-й РАТ не могли полностью обеспечить работой не только мобилизованных крестьян, но и свой личный состав. В феврале 1920 г. использовалось немногим более 50% трудовой наличности* 1-й РАТ, т.е. вынуждена была

* Трудовая наличность — военнослужащие армии, способные выйти на работу, т.е. обеспеченные обувью и одеждой, не находящиеся в нарядах, переброске, лазаретах, отпусках и т.п.

бездействовать почти половина способных выйти на работу трудармейцев[58]. Армейский аппарат оказался не в состоянии рационально организовать трудовое применение мобилизованных. Поэтому с конца февраля практическая работа по проведению трудовой повинности возлагается на местные комтруды, военкоматы и отделы труда. Координировать их деятельность должен был комитет по трудовой повинности при Совтрударме 1-й РАТ, созданный в соответствии с приказом от 21 февраля 1920 г.[59]

На невысокую эффективность использования трудармейцев командованием было обращено особое внимание. Приказом № 044 от 23 февраля 1920 г. создается комиссия по обследованию воинских частей Красной Армии «на предмет определения причин низкой производительности работ»[60]. Анализ «успеха работ», произведенный Центрокомтрудом на основе материалов 1-й РАТ, Петроградской трудовой, Запасной армий и трудчастей Туркестанского фронта за период по 15 февраля 1920 г. позволил прийти к неутешительным выводам: «Нельзя не отметить ничтожное количество полезных работников к списочному составу трудовых армий», достигавшее в среднем 12,5%[61]. По словам А.П.Шошина, «к сожалению, нельзя определить производительность труда работавших красноармейцев, но, по-видимому, она очень невелика, за отсутствием навыков»[62]

Лишь к началу марта 1920 г. удалось несколько повысить выход военнослужащих на работу с 10% до 14,7% в Запасной армии и до 20—25% в 1-й РАТ. В Украинской трудовой армии в марте — апреле 1920 г. было отработано 195,549 ч/д, т.е. в среднем ежедневно был задействован (за вычетом выходных) 3.761 человек или 34,8% от общей численности на 1 апреля 1920 г. Выход на работу в 1-й трудовой бригаде армии составлял в данный период «едва 10%»[61]. Выводы, сделанные комиссией по обследованию воинских частей Красной Армии, предполагали, прежде всего, ужесточение дисциплины, усиление контроля и упорядочение отчетности.

В целом результаты работы трудовых армий оказались гораздо ниже ожидаемых. Несмотря на отдельные успехи, достигнутые в восстановлении транспорта, они не смогли оправдать возлагавшихся на них надежд, показав слабую приспособленность к выполнению трудовых задач. Пытаясь как-то переломить неблагоприятно

складывающуюся ситуацию, Л.Д.Троцкий выдвигает ряд предложений, касающихся организационной перестройки армии. Выступая на заседании РВС 1-й РАТ 19 февраля 1920 г. он отметил, что «соотношение между количеством непосредственно работающих и общим числом едоков в армии... поражает своим несоответствием»[64]. Чтобы исправить положение необходимо сформировать «примерные команды» из штабных. «Почему штабники не могут рубить топором?... Благодаря интеллигентности они необходимую сноровку получат очень скоро»[65]. Рода войск должны использоваться на тех работах, к выполнению которых они наиболее приспособлены. Кавалерия успешнее других справится с продкампанией и трудовыми мобилизациями населения, пехота — с лесозаготовками, артиллерия — с ремонтом сельскохозяйственных орудий и гужевого транспорта[66]. Кроме того, требуется «поставить учет», дать армии простые, ясные задачи[67]. Но главный путь повышения эффективности работы как мобилизуемых по всеобщей трудовой повинности, так и трудовой армии — путь «усовершенствования, упрощения и уточнения соответственных хозяйственных аппаратов»[68]. Какие-либо принципиальные новшества в деятельность трудчастей не вносились.

Таким образом, следует выделить ряд особенностей, характерных для первого периода деятельности трудовых армий. Среди них необходимо отметить применение армий «без разрушения и дробления аппарата»; интенсивное привлечение местного населения к выполнению трудовой повинности силами армии; откомандирование квалифицированных рабочих на предприятия отдельными подразделениями и в индивидуальном порядке; применение трудовых частей в основном на заготовке и вывозке древесного топлива, обслуживании путей сообщения; использование как крупных воинских соединений, переведенных с боевого на трудовой фронт, так и мелких разрозненных частей, гарнизонов. Отдельные примеры трудового героизма военнослужащих сочетались с разгильдяйством и бесхозяйственностью. Широко применялся труд вольнонаемных, работа которых входила в сводки выполненных армиями работ.

Результаты первого периода хозяйственной деятельности трудовых частей были обобщены в одном из «Докладов по сводке работ Трудовых армий» (см.: *Приложение № 2*). В данный период

можно говорить об активной деятельности лишь некоторых трудовых армий, реальной существовавших в первые месяцы 1920 г. — 1-й РАТ, Петроградской, Запасной и со значительными оговорками Украинской (с марта).

Таким образом, к весне 1920 г. неприспособленность армии в ее обычном виде к выполнению трудовых задач становится вполне очевидной. После того, как выяснились огромные недочеты в работе 1-й РАТ и некоторых других трудармий, наступило определенное разочарование в их возможностях. Эйфория, связанная с переводом вооруженных сил на трудовой фронт, очень быстро сменилась более сдержанным и осторожным к ним отношением.

Уже в конце февраля Л.Д Троцкий вынужден констатировать, что остановить хозяйственный упадок не удалось[69] и что «первый период 1-й трудовой армии был в высшей степени неблагоприятным»[70]. В это же время В.И.Ленин вынужден был признаться: «Боюсь, что мы немного поторопились с трудармиями, если их не используем целиком для ускорения подвоза на Запфронт»[71]. 11 марта 1920 г. он писал Г.К.Орджоникидзе: «Поляки, видимо, сделают войну с ними неизбежной. Поэтому главная задача сейчас не Кавтрудармия, а подготовка быстрейшей переброски максимума войск на Запфронт»[72]. По заявлению начальника оперативного управления штаба Украинской трудовой армии М.И.Хлоплянкина, многочисленная армия «не явила примеров доблести на трудовом фронте, дав в общей совокупности и низкий процент работавших и весьма малую производительность труда»[73]. Кроме того, М.И.Хлоплянкин отмечает, что «их прямое назначение [трудармий, — В.Ц.], как массовой рабочей силы в масштабе больших войсковых соединений не оправдало себя». Однако возможно использование Совтурдарма как «чрезвычайной комиссии по проведению милитаризации»[74].

Вопрос о дальнейшей судьбе трудовых армий рассматривался на IX съезде РКП(б). Были учтены предложения Л.Д.Троцкого, касающиеся путей совершенствования их работы, что нашло отражение в принятых на съезде резолюциях. Практика показала неэффективность трудармий именно как крупных воинских соединений, т.к. оказалось, что чем сложнее структура управления, тем больше обслуживающий аппарат, незадействованный в производстве. Поэтому в резолюции съезда речь шла об упразднении

штабов, «как только надобность в сохранении армии для боевых задач отпадает», и использовании «небольших ударно-трудовых отрядов на промышленных предприятиях». Недостаточным также оказалось просто положиться на энтузиазм военнослужащих. Требовалась рациональная организация их труда, четкое взаимодействие с хозяйственными учреждениями, система поощрений и взысканий и мн. др.

На съезде были намечены меры, направленные на совершенствование использования труда военнослужащих: «а) простой характер работы, равно доступный всем красноармейцам; б) применение системы уроков, при невыполнении которых понижается паек; в) применение премиальной системы; г) участие в работах на том же трудовом участке значительного числа коммунистов, способных своим примером заражать красноармейские части»[75]. В резолюции говорится уже не столько о трудовых армиях, сколько о неких «воинских частях», которые могут применяться на хозяйственном фронте в той степени, в какой это необходимо для сохранения их боеспособности.

Особое внимание уделяется Совтрудармам — руководящим органам, которые должны были обеспечить эффективное хозяйственное управление определенной периферийной территории. Они становились учреждениями, несущими милитаризованное начало в организации и мобилизации рабочей силы и народного хозяйства в целом. При этом собственно трудовые армии низводились до одного из вспомогательных орудий в руках Совтрудармов. В то же время в резолюции «Об очередных задачах хозяйственного строительства» съезд указал, что «использование воинских частей для трудовых задач имеет в равной мере практически-хозяйственное и социалистически-воспитательное значение»[76].

Кроме того, в резолюции IX съезда РКП(б), посвященной переходу к милиционной системе, вновь поднимается вопрос об органическом соединении военного дела и труда: «Сущность советской милиционной системы должна состоять во всемерном приближении армии к производственному процессу, так что живая человеческая сила определенных хозяйственных районов является в то же время живой человеческой силой определенных воинский частей... Предназначенная для задач военной обороны страны организация милиционных кадров должна быть в необходимой

мере приспособлена для дела трудовой повинности, т.е. должна быть способна формировать трудовые части и снабжать их необходимым инструкторским аппаратом»[77]. Т.е. решения IX съезда, посвященные трудовым армиям, в определенной степени имели двойственный характер.

Результаты работы трудовых армий охладили пыл энтузиастов милитаризации. Возобладал более осторожный, прагматический подход к попыткам широкого использования армии для перехода к принципам всеобщей трудовой повинности, хозяйственного возрождения страны. Однако в силе остались стратегические установки, сформулированные в виде общей декларации, касавшиеся организации вооруженных сил на началах милиционной системы, связанной с «производственными процессами», приспособленной «для дела трудовой повинности».

Таким образом, своеобразным рубежом, положившим начало второму периоду хозяйственного использования трудовых соединений послужили IX съезд РКП(б) и начало советско-польской войны. Необходимость увеличения процента трудармейцев, занятых непосредственно на работе, заставляла искать новые организационные формы, в рамках которых деятельность трудовых армий была бы более эффективной. В течение рассматриваемого периода на местах создаются окровентруды. Начинает функционировать Центрвоентрукомиссия. В различных трудовых армиях постепенно устанавливаются более или менее упорядоченные отношения с местными советскими и хозяйственными учреждениями. Воинские части стали использоваться на относительно регулярной основе. Перестали привлекаться к труду крупные боевые соединения.

С апреля 1920 г. резко сократилось привлечение трудармейцев к заготовке дров в 1-й РАТ, что следует связать с окончанием лесозаготовительного сезона и распутицей. С 1 марта по 1 июня воинские части на лесозаготовки затратили 24,8% человеко-дней (ч/д)[78]. Всего же по 1 декабря 1920 г. на данном виде работ было занято 29,8% трудармейцев[79]. До 1 сентября они заготовили 120.525 кубических саженей (к.с.) дров, вывезли 93.681 к.с., распилили и нарубили 24.501 к.с.[80] В дальнейшем лесозаготовки велись менее интенсивно. С 1 сентября по 1 декабря 1920 г. трудармейцы заготовили 23.272 к.с. дров, вывезли — 1.653 к.с.,

нарубили и распилили — 13.858 к.с.[81], что составило около 10% от заготовленного и около 6,5% от вывезенного на Урале древесного топлива в течение 2-й половины 1919—1920 гг.[82] Учитывая, что во 2-й половине 1919—1920 гг. план лесозаготовок был выполнен менее чем на 50%[83], можно сказать, что воинские части обеспечили не более 5% заявленной потребности предприятий и учреждений Урала в дровах.

Частями Украинской трудовой армии и Юго-Западного фронта в 1920 г. было заготовлено 149.853 к.с., 140 тыс. шт. бревен и досок, 1 тыс. шт. телеграфных столбов, 6.900 шпал, вывезено 145.998 к.с. дров [84]. Петроградская трудовая армия в мае—декабре 1920 г. заготовила 41,5 тыс. к.с. дров[85]. Помимо этого для «смежных работ» по разгрузке дров использовались запасные части Петроградского округа и городской гарнизон и подразделения ВОХР[86]. 2-я Особая армия заготовила в апреле—октябре 18.387 к.с. дров, а за все время своего существования 37.455,5 к.с. дров и 4.119 п. древесного угля, предназначенных преимущественно для обслуживания паровозного парка Юго-Восточных железных дорог[87].

В Кавказской трудовой армии были созданы две лесозаготовительные комиссии — в Майкопе и Нальчике. Первая получила три участка лесных дач общей площадью 200 тыс. дес., вторая — участок в 63 тыс. дес. К октябрю 1920 г. подразделениями армии заготовили 932.144 куб. футов (2.717,6 к.с.) и вывезли к железным дорогам и на лесопилки 606.977 куб. футов (1.769,6 к.с.) древесины, в дальнейшем использовавшейся для строительных работ в Грозном, на нефтепромыслах, на железной дороге[88].

В Запасной армии и Приволжском военном округе в первой половине 1920 г. лесозаготовки собственно частями военного ведомства осуществлялись, как правило, через так называемую «контрагентскую систему», когда лесные дачи разрабатывались за установленное вознаграждение на основе договора, заключенного с лесокомами. С середины 1920 г. стали широко использоваться специальные военно-трудовые формирования — лесозаготовительные дружины. Всего же ими было заготовлено по данным Центрвоентудкомиссии 91.997 к.с. дров[89].

Значительная часть сил трудовых армий по-прежнему использовалась на восстановлении железнодорожного транспорта,

телефонно-телеграфных линий, путей сообщения в целом. Как и ранее, основные работы по ремонту подвижного состава выполнялись Запасной армией. По официальным сведениям, представленным командованием армии, в период с 1 мая по 1 ноября 1920 г. ее военнослужащие отремонтировали 12.835 паровозов и 42.662 вагона[90] (*см., также: Приложения № 8, 9*). В начале 1921 г. к ремонту паровозов и вагонов ежедневно привлекалось 373 военнослужащих Запасной армии, что составило 16,3% по отношению к общему числу работавших в мастерских Московско-Казанской, Казанбургской железных дорог и депо на ст. Разуваевка. Военнослужащими и гражданскими специалистами было произведено в январе 1921 г. 1.744 текущих ремонта паровозов, 18 средних, 824 специальных, 239 случайных; 5.587 текущих ремонтов вагонов, 112 средних, 80 малых, 87 специальных[91]. Помимо этого Запасная армия занималась укладкой пути, разработкой кюветов, заменой шпал, рытьем канав, перемещением грунта, восстановлением телеграфных линий и мн. др. работами, связанными с обеспечением функционирования железной дороги. На строительстве участка Дружинино — Екатеринбург было уложено 125 тыс. шпал и 80 верст рельс, произведены земляные работы объемом 2 тыс. к.с., достроены мосты протяженностью 50 саж.[92] В результате в «эксплуатационное состояние» приводится линия Казань—Дружинино. В начале октября 1920 г. командование армии получило указание произвести реконструкцию участка между станциями «Юдино» и «Шихраны», построить ветку от «Юдино» до Аракчинского затона, что должно было обеспечить перевал грузов с Волги на Московско-Казанскую железную дорогу. Данные работы были в основном объеме успешно завершены к концу 1920 г. (*см. также: Приложение № 7*).

К моменту прибытия частей Кавказской трудовой армии в Чечню станция Грозный и прилегающий к ней район «являл собой страшную картину разрушения». Как подчеркивалось в приложении к докладу, посвященному итогам обследования межведомственной комиссией деятельности Кавтрудармии, «Для приведения этого хаоса в тот образцовый порядок и исправность, который наблюдается ныне на станционных путях — потребовалась громадная затрата сил. По заявлению железнодорожной администрации вся эта работа была выполнена исключительно

силами Трудармии...»[93]. Помимо этого на станции Грозный прокладываются отводные пути протяженностью 16 верст и позднее новые ветки к Старым и Новым нефтепромыслам длиной 22 версты. Всего же на восстановление станции Грозный было затрачено 13 тыс. ч/д. Причем трудармейцами производилось 95% всех работ[94].

Фактически в район Кавказской трудовой армии вошли все основные железные дороги национальных районов Северного Кавказа: 1) Грозный — Гудермес — ст. Кавказская; 2) Грозный — Петровск — Темир-Хан-Шура; 3) Червленая — Узловая — Кизляр; 4) Минеральные Воды — Кисловодск; 5) Беслан — Нальчик. На плечи трудармейцев легло обеспечения функционирование этих дорог почти в полном объеме. С ее обслуживанием были связаны лесозаготовки, т.к. полученные материалы требовались для ремонта мостов, телеграфных линий, станционных сооружений, замены шпал. Но главное — нужно было охранять дорогу от постоянных набегов казачьих и чеченских отрядов, банд дезертиров, скрывавшихся в лесах остатков деникинцев и др. Ударам повстанческих групп коммуникации подвергались в первую очередь, поэтому трудармейцам приходилось вновь и вновь заниматься восстановлением разрушенных мостов, телефонно-телеграфных линий, участков железнодорожного полотна. В августе 1920 г. 40% личного состава было занято на восстановлении дорог и мостов, 21,4% — восстановлении связи, 19% — строительстве, в то время как на лесозаготовках — лишь 0,87%, а на нефтепромыслах — 0,63%[95]. В январе 1921 г. 42% всего объема затраченных Кавтрудармией человеко-дней было связано с восстановлением железнодорожного транспорта, 16,8% — с ремонтом связи[96]. В конце 1920 г. отремонтированы поврежденные «белобандитами» телефонные и телеграфные линии Грозный — Атаги, Грозный — Хасавюрт. Устанавливается телефонная связь на линиях Атаги — Ведено, Атаги — Шатой и др. Отмечалось, что трудармейцам неоднократно приходилось поднимать «целые составы, спущенные под откос бандитами», исправлять мосты и т.п.[97]

Части Кавказской трудовой армии восстановили 120 верст линии телеграфной связи на участках Гудермес — Петровск-Порт, Грозный — Беслан, а также провели 200 верст новой линии

телеграфной связи, телефонные линии Грозный — Петровск-Порт и Грозный — Старые и Новые нефтепромыслы.

Менее успешной следует признать работу 2-й РАТ. Указание В.И.Ленина о строительстве железной дороги Александров Гай — Эмба, которая должна была обеспечить быстрый и своевременный вывоз сырья из одного из нефтедобывающих районов страны, оказалось не выполненным. Помешали суровые природно-климатические условия, нехватка материалов, переброска частей на Западный фронт, авантюризм и непродуманность замысла, а главное — налаживание транспортировки нефти из районов Баку и Грозного. Единственное чего удалось добиться командованию 2-й РАТ — перешивки с узкой на широкую 142 верст железнодорожной колеи на участке Красный Кут — Александров Гай. «Работа по постройке Аглай-Эмбы, начавшись довольно быстро перешивкой на широкую колею участка Красный Кут — Александров Гай, дальше пошла с замедлением, — вспоминал В.А.Радус-Зенькович, — и к половине июля, когда организация трудармии прекратила свое существование, передав на ходу возложенные на нее работы Заволжскому военному округу и частично местным советским органам, район работ был доведен только до с.Гребенщиково (на р.Урал»)[98].

Алгемба стала провозвестником знаменитых строек социализма, так и оставшихся напрасной тратой сил и средств больших масс принудительно мобилизованных людей. Ее судьбу позднее повторила 501-я дорога, которая должна была пройти по северным приполярным районам страны. Подводя итоги деятельности 2-й РАТ, А.П.Шошин в начале сентября 1920 г. писал, что по данным отчета Управления начальников инженеров армии видно — «работ производилось крайне незначительное количество» по причине «не вполне удачной организации», несогласованности действий местных учреждений[99]. Командующий 2-й РАТ В.А.Радус-Зенькович столь безрадостные результаты связывал с нехваткой рабочей силы: «Списочный состав воинских частей не соответствовал фактическому наличию. Когда основные воинские части были взяты для боевых действий на польском фронте, переключение на трудмобилизации проходило с препятствиями...»[100]. Деятельность по постройке Алгембы окончательно замирает уже в 1921 г.

Ремонтом подвижного состава в 1-й РАТ занимались 1-я и 2-я артиллерийские мастерские. В техническом отношении они подчинялись начальнику службы тяги Пермской железной дороги[101]. На работах, не требующих специальной квалификации, эпизодически использовали отдельные батальоны и роты различных подразделений 1-й РАТ. Кроме того, трудармейцы были задействованы на погрузке, разгрузке и мытье вагонов. В конце мая 1920 г. Совтрударм 1-й РАТ принимает решение привлечь части 9-го полестро к ремонту Кушво-Сылвинской железной дороги[102]. К октябрю 1920 г. на постройке мостов и узкоколейки в районе Нижней Салды, перешивке узкоколейки в Покровске и на Баяновских рудниках работали трудармейцы 1-го и 2-го батальонов 9-го полестро[103]. Всего по 31 августа 1920 г. на службе тяги было занято 1,5%, на службе ремонта — 6,6%, на службе эксплуатации — 10,7% используемой трудовой наличности армии[104]. Трудармейцы 1-й РАТ также в 1920 г. отремонтировали более 3 тыс. верст телефонно-телеграфных линий (1,4% используемой трудовой наличности) (*см.: Приложение № 5*).

В Украинской трудовой армии в течении 1920 г. 28% личного состава было занято на восстановлении и обслуживании железных дорог. Ими (совместно с тыловыми частями Юго-Западного фронта) было отремонтировано 172 паровоза и 842 вагона, проложено 18 верст обычной и 36 верст узкой колеи, построены и отремонтировано 70 мостов общей длиной 15.385 саженей, 1.500 верст шоссейных и 2.600 верст грунтовых дорог. В частности, в короткие сроки восстанавливаются мосты через Днепр у Екатеринослава и Кременчуга, через Сейм у Конотопа и др. Кроме того, трудармейцами было выполнено 59% всех работ по ремонту телефонно-телеграфных линий на Украине[105].

Во 2-й Особой армии весной 1920 г. ремонтом и эксплуатацией железнодорожного транспорта занималось в среднем 81,8% трудовой наличности[106]. Об итогах деятельности инженерных частей армии можно судить на основании сведений, собранных и опубликованных ее командующим Д.П.Оськиным (*см.: Приложение № 6*). Всего же с апреля по декабрь 1920 г. 2-я Особая армия по официальным сводкам и отчетам отремонтировала 2.233 верст железнодорожных путей, 850 паровозов и 35.519 вагонов (включая мелкий и текущий ремонт), провела около 170 верст

телефонных и 444 верст телеграфных линий[107]. Во многом благодаря усилиям 2-й Особой армии число «больных» паровозов на Юго-Восточных железных дорогах в период с 1 апреля по 1 сентября 1920 г. снизилось с 73% до 63,35%[108].

По данным Центральной комиссии по трудовому применению Красной армии и Флота на 1 ноября 1920 г. трудовые части Туркестанского фронта расчистил 1.345 верст железнодорожного пути[109]. Военнослужащими Петроградской трудовой армии в период с мая по декабрь 1920 г. включительно было отремонтировано 2.007 паровозов и 16.109 вагонов[110].

Погрузочно-разгрузочные работы, выполнявшиеся трудовыми армиями, были связаны как с обеспечением деятельности железнодорожного транспорта, так и различных отраслей топливной промышленности.

На Украине в течение мая 1920 г. трудовые части погрузили 2.740.848 п. из 13.502.000 п. угля, или 20,3% от общего объема выполненных работ[111]. Всего же в 1920 г. частями Украинской трудовой армии (включая Донецкую) было погружено и перевезено 33.096.172 п. угля[112], т.е. 12,1% добытого в Донецком бассейне угля[113]. Около 60 тыс. вагонов (преимущественно с топливом) было погружено и разгружено с 1 мая по 31 декабря 1920 г. военнослужащими Петроградской трудовой армии[114], около 1 тыс. вагонов — трудовыми частями Туркестанского фронта (по 1 ноября 1920 г.)[115]. 2-я Особая армия в 1920 г. погрузила 3.038 вагонов дров и 7.233 к.с., выгрузила 113 вагонов и 2.870 к.с.[116]

В то же время общие объемы данного вида работ были далеки от показателей предреволюционного периода. Так, в Донбассе в марте—августе 1920 г. ежемесячная погрузка вагонов колебалась от 9,6% до 18,5% от объемов периода 1-й мировой войны[117]. К тому же огромной проблемой оставался так называемый «недогруз» (т.е. неэффективное использования имеющихся порожних вагонов), достигавший в июне—июле 1920 г. 30 тыс. вагонов в месяц[118].

С весны 1920 г. трудовые части непосредственно подключаются к **восстановлению каменноугольной промышленности**. Необходимость решения этой задачи была связана с сокращением добычи угля, разрушением и затоплением шахт. Валовая добыча в Донбассе сократилась с 35 млн. п. в октябре 1919 до 18 млн. п.

в январе 1920 г. а число рабочих снизилось с 250 тыс. в 1917 г. до 80 тыс.[119] Однако военнослужащие Украинской трудовой армии в 1920 г. не принимали сколько-нибудь существенного участия непосредственно в добыче угля. Примечательно, что в «Отчете о деятельности Укрсовтрударма за 1920 г.» никаких данных на этот счет не приводится. Например, когда в июле 1920 г. командир 2-й роты 7-го трудового полка направил в забой группу из 22 человек, ему был объявлен выговор за излишнюю инициативу[120]. Трудармейцы привлекались почти исключительно к различным вспомогательным работам, связанным с обслуживанием шахт, занимаясь в первую очередь погрузкой и разгрузкой топлива.

Весьма незначительным было участие трудовой армии в восстановлении каменноугольной промышленности Урала. Первые сведения о количестве добытого трудармейцами угля относятся к началу апреля 1920 г. С 1 по 7 апреля 762 военнослужащих добыли 11.650 пудов угля[121]. До июня 1920 г. на шахтах и копях Урала работало 0,37% трудармейцев, а за весь 1920 г. — 0,55%[122]. Следует подчеркнуть, что данные цифры указывают только тех, кто работал непосредственно в забое. Количество задействованных в каменноугольной промышленности военнослужащих было гораздо больше. Так, осенью 1920 г. из 3.787 трудармейцев, работавших на Челябинских копях, забойщиков насчитывалось лишь 102 человека[123]. Остальные занимались вскрышкой, строительством бараков, складов и т.п. Вместе с тем, из состава 1-й РАТ откомандировывались в индивидуальном порядке квалифицированные шахтеры, которые фактически переходили на положение кадровых рабочих. К 15 мая 1920 г. в распоряжение правлений копей было передано 184 забойщика и 273 «прочих горнорабочих»[124]. В каменноугольной промышленности в основном работали подразделения 10-го и 29-го полестро, с 1 августа — 55-го полестро. Проведенное в сентябре 1920 г. обследование Челябинских и Кизеловских копей выявило, что «строительства не выполняют своих заданий ввиду того, что они как военные части мало приспособлены по своей организации для трудового фронта, например 50% их состава падает на больных, раздетых и на самообслуживание»[125]. Негативное влияние на работу трудармейцев оказывали также частые переброски с одного места на другое, что мешало приобретению и закреплению производственных

навыков. На 1 сентября 1920 г. трудармейцы 1-й РАТ добыли 617.333 п. угля, на 1 декабря — 1.173.303 п., что составило около 2% от добытого в 1920 г. на Урале угля[126].

Несколько более значительным следует признать участие в угледобыче трудовых частей Сибири. К данному виду деятельности соединения 5-й армии и Восточно-Сибирского военного округа стали привлекаться с июня 1920 г. Только за месяц с середины июля до середины августа 1920 г. ими было добыто 905.988 п. угля[127]. По сводкам Западно-Сибирского и Восточно-Сибирского ВО за сентябрь, трудовым сводкам «частей войск Сибири» за октябрь—декабрь 1920 г. военнослужащими было заготовлено 1.061.738 п. угля (без данных за вторую половину октября, отсутствующих в трудовой сводке)[128]. За этот же период в Кузбассе и Черемховском бассейне было добыто 25.462.000 п. угля[129]. Соответственно доля трудчастей в сентябре—декабре 1920 г. составляла не менее 4% от общего объема заготовок в Сибири.

Привлечение военнослужащих в добыче и вывозке нефти приобретало первоочередное значение в районе Северного Кавказа. Объем нефтедобычи сократился здесь с 88 млн. п. в 1914 г. до 37 млн. п. в 1919 г.[130] Перед февральской революцией на грозненских нефтепромыслах работало более 9 тыс. человек, в подавляющем большинстве — русские. Гражданская война, сопровождавшаяся националистическими выступлениями в Чечне, осада Грозного, разрушение нефтепроводов, сожжение Новых нефтепромыслов чеченскими отрядами привели к массовому бегству русскоязычного населения из города и его окрестностей. К моменту занятия края Красной армией в 1920 г. число рабочих сократилось до 2 тыс. Поэтому участие армии в восстановлении нормальных условий работы нефтепромыслов становилось насущной необходимостью.

Кавказская трудовая армия была не в состоянии компенсировать нехватку рабочих рук непосредственно на нефтедобыче. Ею было выделено лишь около 600 военнослужащих (из них 100 квалифицированных)[131] на все виды работ, включая вспомогательные, что конечно не могло решить проблемы. Всего же на трудармейцев пришлось 7% ч/д отработанных на Грозненских нефтепромыслах в 1920 г.[132] В Заводском районе Грозного трудармейцы составляли 27% используемой рабочей силы[133]. Тем не

менее, относительная безопасность и стабильное снабжение продовольствием, создаваемые трудовой армией, позволили к 15 сентября 1920 г. довести число рабочих на Грозненских нефтепромыслах до 3.078 человек[134]. Главное же чего она сумела добиться — сохранение промыслов от дальнейшего упадка и развала и обеспечение вывоза минерального топлива из района Грозного. В предшествующие месяцы скопились значительные запасы нефти, которые следовало доставить в центральные районы страны. Без помощи трудовой армии сделать это было весьма сложно. Трудармейцы составляли до 95% занятых на обслуживании железнодорожного транспорта, задействованного на транспортировке нефти. Если в январе 1920 г. вывоз нефти составил 1,2 млн. п., в марте — 1,6 млн. п., то в июне и июле — уже около 5 млн. п. Добыча возросла с 2 млн. п. до 5 млн. п. в месяц[135]. С переводом же Кавказской трудовой армии на боевое положение добыча сокращается в сентябре — октябре 1920 г. до 4 млн. п. в месяц. Но и с обратным переводом Кавказской трудармии с боевого на трудовой фронт транспортировка продолжала сокращаться — 2.2 млн. п. в ноябре, 2,6 млн. п. в декабре 1920 г.[136] Данная ситуация объяснялась ухудшением снабжения промыслов продовольствием, одеждой и обувью а также постепенным истощением скважин. Дело в том, что при белых многие скважины были закрыты заглушками. После того как заглушки сняли, их нефтеотдача на какое-то время резко возросла. К концу 1920 г. этот ресурс увеличения добычи минерального топлива был исчерпан. Далее требовалось принять меры по бурению новых скважин, проведению геологоразведочных работ и т.д. Силами трудовой армии эти проблемы решить было уже нельзя.

Всего же добыча нефти в Грозненском районе составляла в первом квартале 1920 г. в среднем 2.078 п. в месяц, в четвертом квартале — 4.251,7 п. в месяц, т.е. увеличилась более чем в два раза. Общий годовой объем достиг 52.669 п., что было ниже производства 1917 г. примерно в два раза[137].

Военнослужащие также занимались демонтажем нефтепроводов мелких акционерных кампаний, трубы которых использовались на строительстве нового нефтепровода Грозный — Царицын, который, однако, так и не был завершен. В июне 1920 г. был восстановлен нефтепровод Грозный — Петровск-Порт, что дало

возможность наладить вывоз нефти в Центральную Россию через Каспийское море на транспортных судах.

Таким образом, Кавказская трудовая армия внесла существенный вклад не столько непосредственно в добычу нефти, сколько в обеспечение ее транспортировки по железной дороге и нефтепроводам и в создание приемлемых условий для работы на нефтепромыслах. Всего в 1920 г. из Грозненского района вывезли по железной дороге 29.153,6 тыс. п. и по нефтепроводам 10.424,3 тыс. п. нефтепродуктов, что составило около 19% от вывозки нефтепродуктов по стране в целом[138]. В 1920 г. на грозненских нефтепр мыслах трудармейцами было добыто свыше 10 млн. п. нефти , т.е. 12,2% от общего размера нефтедобычи в крае и 4% от добытой нефти по стране в целом[140].

Большое значение советское правительство придавало обеспечению с помощью 2-й РАТ добычи и вывоза нефти из Эмбенского района. К началу января 1920 г. здесь скопилось около 15 млн. п. нефтепродуктов. Наряду с железной дорогой началось строительство нефтепровода Эмба — Саратов, которое также не довели до конца. С самого начала проект оказался экономически необоснованным. Разведанные запасы нефти в Эмбенском районе были не настолько значительны, чтобы оправдать затраты на возведение сразу двух транспортных магистралей. Проектная мощность только нефтепровода в шесть раз превосходила максимальный объем добычи в дореволюционный период. К тому же отсутствовали необходимые для строительства материалы. В.И.Лениным даже предлагалось использовать для перекачки нефти вместо металлических деревянные трубы, что являлось полным абсурдом с точки зрения науки. Намечались и другие, не менее экзотические способы транспортировки. Например, было дано указание реквизировать у местных жителей верблюдов, чтобы с их помощью в бурдюках и бочках вывозить нефть в Уральск и Астрахань. Как следствие — за весь 1920 г. с Урало-Эмбенских нефтепромыслов удалось вывезти лишь 1,6 млн. п. нефти[141].

В рассматриваемый период продолжалось откомандирование на предприятия квалифицированных специалистов. Отправка на Западный фронт пехотных и кавалерийской дивизий, расформирование управленческого аппарата существенно изменили состав и структуру 1-й РАТ. Поэтому в середине апреля 1920 г. проводится

новая профессиональная перепись военнослужащих. Основная масса квалифицированных специалистов была откомандирована в марте—мае 1920 г. С 1 марта по 15 мая 1920 г. Уралкомтруд откомандировал 6.517 военнослужащих, с 16 мая по 1 октября 1.082, с 1 октября до конца года — 1.758[142]. Всего же, с учетом военнопленных и рабочих, реэвакуированных из Сибири, Уралкомтруд направил на заводы, железные дороги и в учреждения в 1920 г. 11.562 человека. В том числе металлистов — 3.634, горнорабочих — 2.530, деревообделочников — 349, кожевников — 223, строителей — 554, инженеров — 38 и т.д. Из них послано на заводы — 3.826, в каменноугольную промышленность — 945, на железные дороги — 1.515, в «Уралзолото» — 605, «Райруду» — 1.168, губсовнархозы — 776, гублескомы — 225[143]. Уменьшение количества откомандированных начиная с лета 1920 г. объясняется постепенным исчерпанием резерва квалифицированной рабочей силы в составе трудовой армии. Некоторое увеличение к концу года вызвано откомандированием в декабре 1920 г. горнорабочих.

В Петрограде в 1920 г. трудармейцы использовались на нескольких крупных заводах: Путиловском (150 чел.), Невском судостроительном (87 чел.), Балтийском судостроительном и механическом (142 чел.), Ижорском, что позволяло отчасти компенсировать убыль пролетариата. В 1920 г. в городе на Неве было привлечено на предприятия 33.872 чел., из которых 4.745 (14%) являлись трудармейцами[144]. Всего же в 1920 г. в Петрограде было послано на работы 103.460 чел. при заявке со стороны учреждений и предприятий 247.627 чел.[145]

В Запасной армии с конца марта 1920 г. отказались от откомандирования квалифицированных специалистов в индивидуальном порядке в связи с тем, что части армии, участвуя в восстановлении транспорта, сами нуждались в специалистах. Поэтому 31 марта 1920 г. издается приказ о расформировании Особого военно-регистрационного пункта[146]. С лета 1920 г. красноармейцы Запасной армии привлекались к работе на Ижевских заводах — сталеплавильном и оружейном. Красноармейцы использовались в виде специализированных трудовых отрядов, что позволяло предохранить их от «разлагающего влияния» местной рабочей среды. Всего на Ижевских заводах на 1 ноября 1920 г. было занято

11.168 красноармейцев, в том числе 2 165 обладающих специальной квалификацией[147]. Во многом благодаря помощи Запасной армии количество выпускаемых в 1920 г. заводами винтовок существенно возросло: май — 8 тыс., июль — 9 тыс., сентябрь — 20 тыс., ноябрь — 21,5 тыс.[148] Однако рост производства не мог не сказаться на качестве. Количество бракованных винтовок в течение второй половины 1920 г. колебалось от 20% до 25% от их общего числа[149].

Из состава Запасной армии также были выделены группы специалистов — сапожников, портных, кожевников, меховщиков, выполнявших трудовые задания на фабриках и в мастерских, подведомственных Татарскому СНХ. Их общая численность составила к 1 сентября 1920 г. 1.784 чел., а к 1 января 1921 г. достигла уже 4.415[150]. Запасной армией с конца июля 1920 г. организовывались и собственные пошивочные и обувные мастерские, на которых были задействованы исключительно красноармейцы, объединенные в специализированные отряды. На этих предприятиях вводился 10 часовой рабочий день, определенные нормы выработки. В 1920 г. в мастерских и на фабриках «Татодежды» и «Таткожи» при содействии Запасной армии было пошито 383.500 шинелей, 387.909 шаровар, 342.677 гимнастерок, 146.265 телогреек, более 1,1 млн. рубах и около 1 млн. кальсон, 217.613 пар военной и 24.718 пар гражданской обуви[151]. Небольшая часть трудармейцев занимались производством обозного имущества (телеги, двуколки, полевые кухни и др.), ремонтом и обслуживанием Казанского трамвайного парка и электрической станции, водного транспорта и др. мелкими работами. Использование военнослужащих на предприятиях легкой промышленности во многом было связано с нуждами самой армии, поскольку централизованное снабжение обеспечивало лишь около 10% ее потребностей в обмундировании и обуви. Значительная часть продукции шла в первую очередь на оснащение отправляемых на фронт боевых подразделений, выделяемых из состава Запасной армии.

Из состава Кавказской трудовой армии осенью 1920 г. выделялись бондари и «рабочие — икрянники» для обеспечения специалистами рыбных промыслов на Каспии. Но в большей степени на Северном Кавказе приходилось не столько выделять

квалифицированных рабочих из состава армии, сколько набирать их в ходе трудовых мобилизаций местного населения.

Заявки Юго-Восточных железных дорог на квалифицированную рабочую силу 2-я Особая армия удовлетворила на 38%. В том числе на дистанции пути использовалось к 1 ноября 1920 г. 1.010 чел., участках тяги — 786 чел., в Воронежских главных мастерских — 300 чел., Острожских вагонных мастерских — 119 чел., на ремонте телеграфных линий — 441 чел., металлообрабатывающих заводах Воронежа — 131 чел.[152] У 2-й Особой армии, как и у Запасной имелись собственные швейные, сапожно-пошивочные, шорные мастерские, предназначенные для обеспечения нужд армии. Вместе с мастерскими Воронежской губодежды и губкожи ими было изготовлено за июнь—октябрь 1920 г. 4.405 шинелей, 10.429 шаровар, около 20 тыс. гимнастерок, около 25 тыс. пар сапог и др.[153]

Важно отметить, что откомандирование на фабрики, заводы и мастерские было только тогда эффективно, когда оно производилось организованно, целыми подразделениями и при наличии командиров. В противном случае очень быстро наблюдалось резкое падение трудовой дисциплины, прогулы, дезертирство. Председатель коллегии Харьковского паровозостроительного завода 2 июля 1920 г. сообщал командующему Украинской трудовой армии о том, что многие трудармейцы, проработав 1—2 дня, более не являются на завод. В чугунолитейном цехе из 57 человек осталось 20, в меднолитейном из 15 — 4. Поэтому «привлечение... такого элемента является нежелательным»[154]. По словам председателя Сибирского окрвоенкомтруда Валенчевского «существующий порядок собственно говоря нельзя даже назвать порядком, т.к. никакого порядка в общем нет... Трудармейцы никем не учитываются и откомандирование их происходит скорее случайно, чем по какому-либо порядку. Как только распоряжение об откомандировании отдано и красноармеец отбыл в распоряжение гражданского учреждения он совершенно теряется из виду. Неизвестно что он делает, насколько нужна и важна его исполняемая им теперь работа...»[155]. Количество изготовленной продукции и производительность труда таких красноармейцев не учитывались. Они фактически выбывали из трудовой армии.

Активизировалось летом—осенью 1920 г. участие военнослужащих в проведении продразверстки. Направление в производящие губернии Украины трудовых частей повысило объемы хлебозаготовок. Так, из Полтавской губернии сначала вывозилось в месяц 70 тыс. п. зерна, а после прибытия подразделений трудовой армии — в несколько раз больше[156]. Всего же в 1920 г. воинскими частями Украинской трудовой армии было собрано, погружено и перевезено 2 млн. 468 тыс. п. зерна[157].

На 1 августа 1920 г. в Екатеринбургской и Челябинской губерниях, на территории которых в основном действовали продчасти 1-й РАТ, выполнение разверстки составило соответственно 97% и 59%, в то время как в Уфимской и Пермской губерниях — 47% и 40%[158]. В дальнейшем, приказом от 24 июня 1920 г., продовольственные полки были выведены из состава трудармии и переданы в распоряжение управления войск ВОХРа[159].

Помимо трудовых армий обеспечением продовольствием вооруженных сил и проведением продразверстки в прифронтовой полосе занимались, как и в 1919 г., особые продовольственные комиссии (опродкомы) фронтов, армий, дивизий, полков, возглавляемые Главснабпродармом. В ноябре 1920 г. самостоятельная заготовительная деятельность опродкомов была ликвидирована, а их аппараты переданы в распоряжение гражданских продорганов. Сбором продовольствия также занимались бригады ВОХРа, части военкоматов и др. военные и полувоенные формирования. Этот вид работы тесно пересекался с участием в борьбе с повстанческим движением, караульной, конвойной службой. В частности, по докладу военкома 4-го трудполка Украинской трудовой армии, хлеб им приходилось собирать «в беспрерывных стычках с повстанцами и разбойничьими бандами»[160].

Всего за 1919—1920 гг. продорганы Красной Армии заготовили 41 млн. п. зерна и зернофуража, 8,3 млн. п. мяса и рыбы, 47 млн. п. картофеля и овощей[161]. В том числе части Восточного фронта — около 6 млн. п. зерна и зернофуража, 1 млн. п. мяса; Южного и Юго-Западного фронтов — 14,5 млн. п. зерна и зернофуража, 2 млн. п. мяса; Юго-Восточного и Кавказского — около 14 млн. п. зерна и зернофуража, 3,5 млн. п. мяса[162]. Учитывая, что в 1919—1920 г. всего было получено по продовольственной разверстке 212,5 млн. п. зерна и зернофуража[163], доля частей Красной

Армии (включая трудовые армии) в общем объеме заготовок составила по зерну и зернофуражу 19,3%. При этом нужно иметь ввиду, что большая часть собранного шла на содержание самих вооруженных сил. При размере красноармейского пайка, колебавшегося от 1 до 2 ф. хлеба в день (паек в дореволюционной армии составлял 2,5 ф. в день) и общей численности армии, выросшей за 1920 г. с 3 до 5,5 млн. чел., заготовленного опродкомами и трудовыми армиями хлеба не могло хватить даже для обеспечения нужд вооруженных сил, не говоря уже о населении городов и рабочих поселков.

С началом очередного земледельческого цикла предпринимаются попытки привлечь военнослужащих к выполнению сельскохозяйственных работ. В 1-й РАТ для этой цели использовались, прежде всего, артиллерийские части. В апреле—мае 1920 г. из артиллеристов и военнопленных было составлено несколько отрядов, которые направлялись в деревню для ремонта сельскохозяйственного инвентаря. Отряды работали бесплатно «при условии прокормления их населением»[164]. Они занимались также вывозом хлеба на ссыпные пункты и к станциям железных дорог. С целью укрепления хозяйств семей красноармейцев Челябинский губвоенкомат сформировал из военнослужащих рабочий батальон в количестве 800 человек. Части батальона посылались в волости, где местными комиссиями по посеву распределялись по селам, деревням и отдельным хозяйствам. К середине мая 400 трудармейцев из его состава работали в Челябинском уезде[165]. В июле—августе 1920 г. областная комиссия «недели крестьянина» отправила в деревню 545 военнослужащих, объединенных в 14 уборочных отрядов[166]. О заинтересованности местной власти в рабочей силе трудармейцев свидетельствует тот факт, что Уфимский губземотдел просил не присылать ему горожан, а выделять военнослужащих 1-й РАТ[167]. Всего же в течение весны—лета 1920 г. на полевых и прочих сельскохозяйственных работах было занято 4,2% используемой трудовой наличности 1-й РАТ[168].

Активизируется привлечение Украинской трудовой армии к сельскохозяйственным работам. Весной 1920 г. военнослужащими было вспахано и засеяно 1,200 дес. земли[169]. В «неделю крестьянина», проходившую с 1 по 7 сентября 1920 г., редакция газеты «Трудовая армия» обратилась с призывом сделать засев полей

«боевой задачей» каждой воинской части, «которая имеет к тому хотя бы малейшую возможность»[170]. Предлагается также проводить политику «насаждения образцовых хозяйств, питомников и т.п., управляемых железною рукою армии». Эти хозяйства должны были «наглядным примером пропагандировать среди населения всю его [коллективного труда — В.Ц.] пользу и жизненность»[171]. Для организации «племенного животноводческого и птицеводческого питомника» Харьковский губисполком выделил Украинской трудовой армии несколько участков земли. Тем не менее, несмотря на благоприятные природно-климатические условия Украины, участие трудармейцев в сельскохозяйственных работах носило в 1920 г. «случайный характер». Ими было вспахано 1.470 дес., вскопано под огороды 14,5 дес. и еще 77 дес. выкошено[172].

Части Кавказской трудовой армии в 1920 г. к данному виду работ привлекались лишь эпизодически — преимущественно осенью во время субботников и «недели крестьянина». «Ежедневно в распоряжение ревкомов из частей отпускаются подводы с седоками для проведения сельскохозяйственных работ и перевозки продразверстки на железнодорожные станции и ссыпные пункты... Силами красноармейцев вспахано 65 десятин... Перевезено 40 копен залежалого хлеба...», — отмечалось в отчете политотдела 14-й стрелковой им. Степина дивизии[173]. Также трудармейцы убирали хлеба с 3 тыс. десятин земли, принадлежавших выселенным за сопротивление советской власти казакам[174]. Кроме того, предпринимаются шаги по организации собственного огородного и молочного хозяйства Кавказской трудовой армии, для чего была создана особая агрономическая комиссия, выбраны два участка в окрестностях Грозного площадью по 250 дес. каждый[175]. Но в 1920 г. дело ограничивалось лишь подготовительными работами.

В Запасной армии в марте 1920 г. формируется Огородный батальон, занимавшийся выращиванием картофеля, капусты, свеклы, моркови, лука, овса и гречихи в совхозах, располагавшихся вблизи Казани на общей площади около 322 дес.[176] При армии создается молочный пункт и гурт порционного скота. Работа указанных подразделений была связана исключительно с обеспечением нужд самой армии.

В равной степени это относится и к частям Петроградского военного округа. В 1920 г. здесь, как отмечалось на заседании президиума военной секции Петроградского совета, по причине «тяготения воинских частей к земле» и недостатка в овощах приступили к организации огородов в 142 воинских хозяйствах. План на 1921 г. предполагал обработку 4.472 дес. земли. Итоги предыдущего сезона были признаны «вполне удовлетворительными», хотя в некоторых случаях на 400 п. засеянного картофеля собирали лишь по 350 п. урожая[177].

Следует отметить, что весной—осенью 1920 г. помимо трудовых армий самые различные тыловые соединения периодически привлекались к сельскохозяйственным и продовольственным работам (особенно в «недели крестьянина» в августе—сентябре 1920 г.).

Например, 9-й Кубанской армией с мая по декабрь 1920 г. было вспахано 6.794 дес. и засеяно 177 дес. земли, скошено хлеба с 386 дес. и сена с 210 дес., обмолочено хлеба около 27,4 тыс. п., выкопано картофеля 29,5 тыс. п.[178]

Частями 5-й армии Восточного фронта в апреле—июне 1920 г. вспахано и засеяно 3.100 дес. и заборонованo 42 дес. земли[179]. Из состава армии выделялась бригада, которая в августе—сентябре 1920 г. оказала помощь 179 хозяйствам 9 населенных пунктов Алтайского края. Ею было убрано зерновых культур с 450 дес., намолочено 47 тыс. п. зерновых, отремонтировано 666 единиц сельхозинвентаря. 26-я дивизия направляет в сельскую местность команды в составе 7.665 красноармейцев, которые убрали зерновых с 2.400 дес., намолотили 5.710 п. пшеницы, выкосили 360 дес., сложили 25 тыс. копен и т.д. и. т.п.[180]

Военнослужащие 2-й РАТ привлекались к обработке огородов и бахчевых плантаций в районах Астрахани, Уральска, Красного Кута. Ими же было вспахано и засеяно 4.664 дес. в Камышинском уезде Саратовской губернии. На полях семей красноармейцев проводились субботники и воскресники, заготавливалось сено для рабочего скота Алгэмбы, домашних животных рабочих и служащих стройки[181].

Производство строительных работ рассматривалось как одна из первоочередных задач 1-й РАТ. 15 апреля 1920 г. газета «Правда» сообщала, что Совтрударм наметил использовать часть

армии для строительства жилых поселков на угольных копях. Для этого на Челябинские копи перебрасывается 10-е полестро. С мая и до конца 1920 г. его военнослужащие построили кирпичный сарай, два склада для смазочных материалов, 11 полуземляных бараков, пороховой погреб, пожарный сарай и ряд других помещений. Однако, как позднее признавал командир полестро, «грандиозный рабочий городок остался на бумаге»[182]. По 31 августа 1920 г. на строительных работах было занято 7,8% используемой трудовой наличности 1-й РАТ[183].

Важным являлось проведение строительных работ в районе дислокации Кавказской трудовой армии. Грозный относился к числу городов, более всего пострадавших на Северном Кавказе во время Гражданской войны. Десятая часть всех его построек и почти все сооружения на нефтепромыслах были разрушены или сожжены. Поэтому военнослужащим пришлось взять на себя восстановление жизнедеятельности города — приведение в порядок жилых зданий, казарм, государственных учреждений. Всего с апреля по октябрь 1920 г. Кавтрудармия отремонтировала в Грозном 114 зданий, используемых в основном под казармы для военнослужащих общим объемом более 21,6 тыс. к.с., построена грунтовая дорога длиной 200 саж.[184] На Новых нефтепромыслах к ноябрю было восстановлено 10 из 160 разрушенных нефтяных вышек и 3 из 9 зданий[185].

Силами Запасной армии ремонтировались в Казани 1-я городская электростанция, трамвайное депо, деревообделочная фабрика, военно-сухарный завод[186]. Украинской трудовой армией была электрифицирована 1 тыс. квартир[187].

Военнослужащие занимались также и некоторыми другими видами хозяйственных работ. Например, на Украине ими в 1920 г. было добыто 222 тыс. п. и погружено 287 тыс. п. соли[188]. Части Петроградской трудовой армии заготовили около 3 млн. торфяных кирпичей, добыли 1,1 тыс. п. горючих сланцев[189]. Разработкой залежей горючих сланцев занималась также Запасная армия (в Пензенской губернии) и 2-я РАТ (под Сызранью, в районе Симбирска и г.Николаева (Пугачева))[190]. Трудармейцы 1-й РАТ в 1920 г. нарубили 319.500 п. соли (2,7% используемой трудовой наличности), заготовили 145.371 п. торфа (или 1,9% от всего заготовленного на Урале торфа). Незначительное количество

военнослужащих занималось ремонтом автомобилей и мотоциклов, обжигом извести, изготовлением медицинских и госпитальных принадлежностей, санитарно-гигиеническими работами[191]. На Северном Кавказе трудармейцы использовались на виноградниках (район Кизляра), на лове и заготовке рыбы для нужд самой армии. Продолжал работу отдельный Рыболовный полк Запасной армии, который за 1920 г. поймал, засолил около 80 тыс. п. рыбы, построил 44 и отремонтировал 183 рыболовецких судна[192].

Трудармейцы также были задействованы на множестве «неучитываемых работ». Например, только в 1-й РАТ 16,6% трудармейцев участвовало в выполнении так называемых «разных работ»: тушении пожаров, поднятии затонувших пароходов, в земотделах и т.п.[193]

В рассматриваемый период происходит постепенный отказ от привлечения трудовых армий к организации массовых мобилизаций гражданского населения. Как отмечал даже такой последовательный приверженец идеи милитаризации труда и трудовых армий как замнаркома труда А.М.Аникст, «использование военного аппарата для проведения трудповинности по целому ряду обстоятельств оказалось невозможным в достаточной степени, а временами и нецелесообразным»[194].

Командующий 2-й Особой армией Д.П.Оськин вынужден был признать: «Трудовая мобилизация в ее районе... как показал опыт, является мифической»[195]. С этим мнением был полностью солидарен командующий Запасной армией, отмечавший, что призыв граждан для трудовых целей осенью 1920 г. с последующей передачей комтрудам «оказался неудачным», т.к. железная дорога и совнархозы «не в состоянии были ни сорганизовать их, ни обеспечить квартирами и снабжением»[196].

За исключением «вооруженного понуждения к подаче гужа» не проводились массовые трудовые мобилизации Украинской трудовой армией. Причиной служило «развитие бандитизма», по словам представителя трудчастей Туркестана Злотского, внешне схожего с ферганским басмачеством[197].

Делались попытки привлечь армию к трудовым мобилизациям в районе 2-й РАТ. Однако они не отличались системностью и продуманностью. Так, Совтрудармом 2-й РАТ издается приказ, что с 14 июня по 1 июля «весь союз древообделочников и строительных

рабочих в полном составе со всем своим инвентарем, материалами и инструментами» переходит в распоряжение Саратовской губернской военно-инженерной дистанции. Приказ вызвал большой переполох, т.к. внезапно снимались рабочие со всех работ. Однако довольно быстро мобилизованные были возвращены, т.к. «по прибытии на место выяснилось, что надобности в них не имеется»[198].

Некоторое исключение представляла ситуация в районе действия Кавказской трудовой армии. Мобилизованные комтрудами специалисты включались в состав трудовых частей. Тот факт, что армия брала на себя снабжение сравнительно большим продовольственным пайком не только рабочих, но и членов их семей, привлекал местное население в ее ряды. Отмечались случаи, когда целые производственные коллективы высказывали желание быть записанными в трудармейцы: «С целого ряда рыбных промыслов от рыбников поступают заявления о включении их в трудармию», — отмечалось в одном из документов[199].

О распределении военнослужащих по видам работ и общем числе затраченных человеко-дней можно судить по следующим данным.

Во 2-й Особой армии весной 1920 г. ремонтом и эксплуатацией железнодорожного транспорта занималось в среднем 81,8% трудовой наличности, лесозаготовками — 18,2%[200]. С апреля по 1 ноября 1920 г. в инженерных частях 2-й Особой армии «обернулось» 670.066 ч/д и 15.236 подвод[201]. Всего же 2-й Особой армией было отработано 2.160.730 ч/д[202].

В Украинской трудовой армии на лесозаготовках было занято 25,2% личного состава, на обслуживании железных дорог — 28%, на погрузке и разгрузке угля — 6,1%, «на различных работах» — 39,7%. По сведениям оперативного управления штаба Украинской трудовой армии в течение 1920 г. было отработано 3.289.689 ч/д[203]. Из указанного числа доля собственно военнослужащих составляла 69,3% (2.279.100 ч/д). Остальное приходилось на вольнонаемных, участие которых было особенно активным в заготовке дров (707.732 ч/д или 21,5%)[204].

В 1-й РАТ на 1 декабря 1920 г., согласно официальным данным, трудармейцы отработали 3.520.217 ч/д, (т.е. около 75 рабочих дней в году на каждого военнослужащего)[205]. В том числе

около 30% использовалось на лесозаготовках, более 20% на восстановлении транспорта и связи, около 8% в строительстве.

В Кавказской трудовой армии в 1920 г. было затрачено 463.768 ч/д, из которых более половины — 239.543 ч/д — приходилось на восстановление транспорта[206].

На работах по установлению сквозного движения на линии Казань — Екатеринбург военнослужащими Запасной армии было отработано 1.135.173 ч/д, что составило около 80% от общего количества затраченной рабочей силы[207].

По сведениям, собранным Центровоентрудкомиссией, только за период с 15 апреля по 1 сентября 1920 г. всеми трудовыми соединениями было отработано 6.657.836 ч/д[208].

Количество затраченных названными трудовыми армиями человеко-дней до декабря 1920 г. (т.е. до момента, когда перестала составляться сводная отчетность) может быть ориентировочно определено в 11 млн.

К этим цифровым выкладкам нужно относиться с известной долей осторожности. Общие данные по численности военнослужащих, привлекавшихся к труду составить практически невозможно, о чем свидетельствуют хотя бы выдержки из официальных документов учреждений, занимавшихся учетом работы военнослужащих. «Все свободные от своих прямых обязанностей красноармейцы всех частей, подчиненных [Московскому военному] округу, привлекаются к труду распоряжением губвоенкоматов»; «Все части Северо-Кавказского военного округа в свободное время помогают в сельскохозяйственных работах, проведении хлебной разверстки, погрузке и разгрузке...» — сообщалось в сводках Центровоентрудкомиссии[209].

Тем не менее, возникают серьезные сомнения относительно достоверности цифр, которые ранее приводились при характеристике численности привлекавшихся к труду военнослужащих. В энциклопедии «Гражданская война и военная интервенция в СССР» утверждается, что «с 15 апреля по 1 июля 1920 в хозяйственных работах участвовало ок. 2,5 млн. красноармейцев»[210]. Здесь же указывалось, что на хозяйственный фронт было переведено около четверти Красной армии. Аналогичная формулировка содержалась и в «Большой советской энциклопедии»[211].

Сообщение о 2,5 миллионах работавших создает преувеличенное представление о реальном вкладе Красной армии в восстановление экономики страны. В отчетах Центрвоентрудкомиссии, откуда эти сведения, по-видимому, позаимствованы, речь идет о том, что с 15 апреля по 1 июля 1920 г. военнослужащими было отработано около 2,5 млн. человеко-дней (точнее говоря — 2.431.130 ч/д)[212]. Соответственно ежедневно на работах в указанный период в среднем находилось 33,3 тыс. чел., а без учета воскресений — около 40 тыс. чел. Последние цифры вполне соответствуют тем, которые поступали с мест от отдельных трудовых армий. Однако их, разумеется, нельзя считать исчерпывающими из-за слабой постановки учета работы военнослужащих, как в самих трудовых армиях, так и первую очередь — в тыловых округах.

Только отчасти оказались реализованными планы увеличения трудовой наличности армий. В 1-й РАТ по-прежнему многие военнослужащие по различным причинам не выходили на работу. (*см.: Приложение № 12*). Но и эти невысокие показатели не всегда соответствовали действительности. Так, на заседании Уралкомтруда 14 октября 1920 г. говорилось, что «цифры работающих красноармейцев сильно преувеличены», т.к. включают и мобилизованных крестьян, и самообслуживание частей и учреждений. Например, в Усолье по сводкам работало 2 тысячи красноармейцев, «а на самом деле их там почти не было»[213]. В 29-м полестро 1-й РАТ выходило на работу 11,9% личного состава, в 10-м — около 50%[214].

Всего же на обслуживании части в 1-й РАТ было занято 34,1% трудармейцев, на строевых занятиях 10,1%, на экстренных работах — 2,4%, больных — 9%, не обмундированных — 6,4%, не работало по другим причинам — 15%. Трудовая наличность использовалась на 83%, трудовая конная наличность — на 29,3%[215]. По данным итогового отчета, составленного командующим Уральской трудовой армией в апреле 1922 г., в 1920 г. на работах находилось в среднем 29% личного состава армии[216].

Во 2-й Особой армии весной 1920 г. трудовая наличность составляла около трети от общей численности армии[217]. К 1 ноября 1920 г. на довольствии в армии находилось около 100 тыс. военнослужащих. На выполнении заданий Юго-Восточных железных дорог было задействовано 19.533 чел., т.е. около 19,5%[218]. В Запасной

армии в 1920 г. на работу выходило около 50%[219], в Украинской трудовой армии — «не более 47%»[220] личного состава собственно трудовых соединений. В отдельных частях показатели были выше. Так, в 1-й трудовой бригаде Украинской трудовой армии выход на работу в течение весны — лета 1920 г. удалось увеличить до 75%[221].

Однако эти цифры нельзя не признать несколько завышенными, т.к. в число занятых включался командный и обслуживающий состав частей, который непосредственно не занимался производительным трудом. Об этом свидетельствует методика подсчета работающих военнослужащих, которую можно разобрать на примере статистических сведений по Кавказской трудовой армии.

Средняя численность армии в период с мая по октябрь 1920 г. включительно определялась ее командованием в 20.120 человек. Из них строевые части составляли 12.705 чел. (63,15%). Непосредственно выполняло трудовые задания в среднем 6 385 чел., т.е. 50,2% состава строевых частей или 31,7% от общей средней численности[222]. Причем из 6.385 чел. собственно рабочих было 4.561 чел. Остальное приходилось на штаб, управление и хозяйственную часть. Из рабочих опять же выполняло трудовые задания 3.010 чел. или около 2/3. Прочие не использовались по болезни, из-за недостатка обмундирования и обуви, отдыха, переброск и т.п.[223] Таким образом, в Кавказской трудовой армии, хотя и считалось, что работает около трети военнослужащих, непосредственно хозяйственной деятельностью занималось лишь около 15% личного состава. В дальнейшем ситуация мало изменилась. В январе 1921 г. одновременно на работу выходило в среднем 2 587 чел. или 6,4% списочного состава армии[224].

Как показывал опыт, если ставится задача сохранять воинскую часть в боеспособном состоянии, из ее состава нельзя выделить более 10—20% для выполнения трудовых заданий. Необходима также ротация военнослужащих, что мешает накапливанию у них трудовых навыков и соответственно повышению производительности. Поэтому сама постановка вопроса об эффективном использовании боевых частей в восстановлении народного хозяйства в течение более или менее длительного промежутка времени создает дилемму, разрешить которую очень сложно в принципе.

Ни в одной из трудовых армий даже по официальным данным на работу не выходило более половины личного состава. Причем нужно отметить, что в разряд работавших записывались командиры, выполнявшие надзорные функции.

Какова была производительность труда военнослужащих? Она может быть вычислена на лесозаготовке и добыче угля, т.е. в тех случаях, когда результат хозяйственной деятельности поддается легкому учету.

Доклад «Комиссии по обследованию деятельности Управления Главруктрударма и работ полевых строительств» 1-й РАТ дает возможность составить достаточно ясное представление о том, насколько эффективно воинские части вели лесозаготовительные работы. Согласно докладу на июнь 1920 г. производительность труда красноармейца достигала 0,12 к.с. при средней продолжительности рабочего дня 6 часов, мобилизованного военно-полевым строительством крестьянина — 0,16 к.с. при средней продолжительности рабочего дня 5,5 часов[225]. При этом гражданские были гораздо хуже обеспечены инструментом, чем военные. Комиссия признала «очень слабое использование частей в трудовом отношении». Обследование выявило «нецелесообразный расход красноармейцев на хозяйственное обслуживание себя», чему в определенной степени способствовал недостаток обмундирования, «слабость технического надзора и руководства». Хотя в 29-м полестро на трех рубщиков и возчиков приходится один «технический работник», «тем не менее, дровозаготовки дают совершенно необъяснимые дефекты: в одних и тех же поленницах лежат дрова разной длины — 12-ти вершковые в 16-ти вершковых поленницах, а 16-ти вершковые в 24-х вершковых поленницах и т.п.»[226].

Во 2-й Особой армии в период с 3 апреля по 3 июля 1920 г. было заготовлено 3.533 к.с. дров. Т.к. в среднем ежедневно на работе находилось 410 трудармейцев в день соответственно производительность труда составляла около 0,1 к.с. на человека[227]. По оценке начальника инженеров 2-й Особой армии производительность во вверенных ему частях составляла около четверти урочного положения, в некоторых случаях сокращаясь до десятой части от нормы[228].

В лесозаготовительных дружинах, дислоцированных в Поволжье, производительность труда колебалась от 5,7 ч/д до 8 ч/д на одну заготовленную к.с. дров (0,12—0,17 к.с. на 1 чел. в день)[229].

Производительность труда военнослужащих 1-й РАТ, занятых добычей угля, составляла в среднем 47,3 п. в день[230], в то время как профессиональный забойщик в июле 1920 г. добывал 210 п. в день на Богословских копях, 200 п. — на Челябинских и 110 п. на Егоршинских копях[231].

Низкой оставалась производительность труда в частях 2-й РАТ, занимавшихся строительством Алгембы: «Результаты выработки трудармейцев совершенно ничтожны, так как на работы из общего состава полка выходят 10 процентов и последние едва дают половинную против киргизов выработку. Из этого, конечно, исключаются желдивы [железнодорожные дивизионы — В.Ц.] и немецкий полк, где железная дисциплина и суровые меры наказания дают отличные результаты»[232].

Однако по некоторым видам работ производительность удалось несколько повысить. В Кавказской трудовой армии в мае—октябре 1920 г. на ремонтных и строительных работах в первое время уроки редко когда вырабатывались трудармейцами за 8-часовый рабочий день. В дальнейшем же нормы в целом выполнялись, чему способствовало введение системы премирования и приобретение военнослужащими некоторого опыта работы. Однако нужно отметить, что производительность труда составляла в среднем 56% от норм довоенного времени[233].

В Закаспийских отрядах трудчастей Туркестанского фронта производительность «по урочному положению, уменьшенному в 5¼ раз» от норм мирного времени составляла на лесозаготовках 100%, на землекопных работах — 200%, исправлении железнодорожного пути — 200%, покосе сена — 150%[234].

В Запасной армии, задействованной, как уже указывалось, преимущественно на обслуживании железной дороги, в докладе о ее трудовой деятельности в 1920 г. говорилось, что «производительность труда красноармейцев достигает норм мирного времени и даже превышает их»[235]. Однако никаких конкретных расчетов, подтверждающих этот вывод, командование не предоставило.

В Украинской трудовой армии производительность на погрузке — разгрузке угля составляла в мае 1920 г. 181,5 п. в день, в июне — 278,8 п., в июле — 299,3 п., в августе — 301,6 п.[236]

В основном же производительность вычислить было очень сложно, т.к. она «находится в самой тесной зависимости от обстановки и условий работ... условия же и обстановка каждый день на каждом месте работы уже не те, что были вчера: величины эти беспрерывно колеблются, по независящим от нас обстоятельствам»[237], — отмечал командир 1-й бригады Украинской трудовой армии. В данном случае речь шла о погрузочно-разгрузочных работах, эффективность которых была связана с расстоянием от места хранения угля до вагонов, наличием инструмента и др. трудно учитываемыми факторами. Затруднилась в общей оценке производительности труда военнослужащих и Центрвоентрудкомиссия, отметив в итоговом докладе, что по данному предмету «нет точных сведений»[238]. Однако не приходится сомневаться в том, что в целом она лишь в редких случаях превышала существовавшие нормы, значительно отставая от показателей предреволюционного периода.

Что мешало налаживанию работы трудармейцев? Прежде всего, необходимо указать на трудности, связанные с излишней регламентацией и бюрократизацией системы управления, свойственной системе военного коммунизма.

Во-первых, некоторое время не были урегулированы отношения с местными гражданскими властями. Выше уже упоминалось о конфликте по поводу полномочий Кавказского совтрударма, окончательно разрешенного лишь к середине 1920 г., об аналогичных конфликтах в Петроградской трудовой, 2-й Особой, Запасной армий, 1-й и 2-й РАТ.

Во-вторых, негативно сказывалась бесхозяйственность гражданских учреждений, проявляемая в применении труда военнослужащих. Постоянно нарушался порядок использования воинских частей на трудовом фронте, установленный постановлениями РВСР и ГКТ. Предприятия, ведомства составляли заявки с огромным «запасом», «на всякий случай», не чувствуя никакой ответственности за привлекаемую рабочую силу, не имея четкого плана ее использования. Запросы нередко направлялись сразу в несколько инстанций: окрвоентрудкомиссию, штабы частей,

комтруды в надежде, что хотя бы один будет удовлетворен. Фактическая надобность в рабочих увеличивалась в 2—3 и более раз. Когда же красноармейцы выделялись, отговариваясь нехваткой одежды, инструмента, жилых помещений, другим благовидным предлогом военнослужащих возвращали обратно; или же, как отмечалось в декабре 1920 г. на втором съезде комтрудов Сибири, «похихикивая рассовывают ее [рабочую силу — В.Ц.] другим предприятиям и учреждениям»[239]. О ненормальности подобного положения вещей, разрушающего попытки «учета и целесообразного распределения рабочей силы», указывалось в телеграмме Центрокомтруда в Сибкомтруд от 22 октября 1920 г.[240]

С похожими проблемами приходилось сталкиваться частям Украинской трудовой армии. Вот как характеризовал «тормозящие обстоятельства» командир 1-й трудовой бригады: «Железнодорожники и рудничная администрация совершенно не признают в массе необходимость работать с полным напряжением сил: "нам все равно кому служить, купцу или Ленину, кто даст лучшие условия жизни, тот и наш". Наряды на погрузку дают четыре организации (агенты и уполномоченные окружного правления каменноугольной промышленности, агенты и уполномоченные юготопа, рудничные правления и районная комендатура) и каждая организация дает свое... Ни одна из указанных организаций не пытается найти трудчасть и помочь ей своевременным нарядом, инструментом, порожняком и т.д., а наоборот трудчасть обыскивает весь район в поисках представителей этих организаций.

Наряды бывают дутые, буквально списанные с потолка: называется рудник, указывается количество угля на нем, а в действительности там угля нет уже два месяца, или он имеется для собственных нужд. Чтобы бесцельно не гонять людей... конная разведка едет обследовать участок. Кроме того, каждый полк ежедневно тратит людей на обследование рудников, условий работ на них и т.д.

Были случаи, что трудчасти сбивали замки с сараев, разбирали инструмент и приступали к работе. Делалось это потому, что лицо, хранившее ключ, по случаю праздника, уехало в гости, или, вообще, исчезало даже в будни, так что целая рота не могла его найти за 2—3 часа времени»[241].

Третьей проблемой, мешавшей налаживанию эффективной работы трудовых частей, можно назвать недостаточную подготовку младшего командного состава, острую нехватку квалифицированных руководителей, разбиравшихся в производственных вопросах, от которых требовалась не просто отдача общих указаний, а непосредственное наблюдение за ходом и результатом работ подчиненных. Навыков, которые успешно помогали в боевой обстановке, для решения производственных задач было явно недостаточно. Здесь нужны были специфические знания, которыми красные командиры не обладали. Практически всем трудовым армиям приходилось сталкиваться с неукомплектованностью частей до их штатной численности, особенно весной—летом 1920 г. Соответствующие жалобы приводятся в отчетах, докладах различных трудовых соединений. Так, в Кавказской трудовой армии «некомплект частей» в 1920 г. составлял в среднем 60%[242].

Четвертый фактор, неблагоприятно влиявший на трудармейцев — недостаточное материальное стимулирование их труда. Деятельность, требующая кратковременного порыва, напряжения всех сил в ограниченный промежуток времени, имеющая конкретный, осязаемый и значимый итог могла опираться на революционный энтузиазм. Именно в случаях возникновения названных условий и достигался результат — быстро восстанавливался мост, расчищалась железнодорожная станция или ветка. Регулярная, рутинная, каждодневная работа не оказывала такого стимулирующего воздействия на сознание.

Неудовлетворительное снабжение продовольствием и обмундированием самым непосредственным образом влияло на трудармейцев. Данный фактор негативно сказывался и на гражданском населении. Например, для шахтеров Донбасса были установлены дневные нормы снабжения хлебом: забойщики — 2,5 ф.; прочие подземные — 2 ф.; наземные — 1,5 ф. Не получали пайка члены семей рабочих. Мясо и жиры выдавались в ничтожном количестве[243]. Весной 1920 г. среднее число выходов на работу на шахтах Донбасса составляло 7-12 дней в месяц при минимальной норме 18 дней в месяц. Производительность труда сократилась в 3,5 раза. Уравнительные ставки приводили к тому, что рабочие стали уходить с самых тяжелых видов работ. Необходимость содержать семью заставляла искать другие, побочные

виды заработка. Трудармейцы были избавлены от этой обязанности, но и для них своевременная выдача достаточного для поддержания жизненных сил пайка, без сомнения, являлась важным стимулом к работе.

Как свидетельствовал осенью 1920 г. начальник инженеров 2-й Особой армии, главные причины низкой производительности труда военнослужащих заключались «в недостаточном питании, недостатке предметов снабжения и инструментов». Премиальная система применялась лишь в исключительных случаях — при выполнении особо важных и срочных работ. Кроме жалованья трудармейцы не получали никакой дополнительной оплаты[244].

На плохое обеспечение обмундированием и питанием обращается внимание в «Информационных бюллетенях Управления Особого отдела ВЧК при 1-й РАТ». «Сводках о политическом состоянии воинских частей и учреждений округа»: «В частях... наблюдается прежний недостаток питания и обмундирования, следствием чего является сильное недовольство среди красноармейцев, наблюдаются случаи дезертирства и нищенства»[245].

Сложности со снабжением существовали в Украинской трудовой армии: «Отсутствие второй пары белья, недостаточность ½ фунтового пайка мыла в месяц и крайне грязная работа, заставляют трудармейцев работать, очень часто или голыми, или только в брюках, чтобы можно было одеться после работы в чистое. Это обстоятельство дает возможность сердобольным жителям рудничных поселков или сожалеть о несчастненьких, в праздник выгнанных на работы «нагишом» или зубоскалить. В том и другом случае дело кончается моральным давлением на трудармейцев»[246]. Трудармейцы подремов Украинской трудовой армии, занимавшиеся восстановлением железнодорожного транспорта, «до невозможности плохо обмундированы, живут в ужасных антисанитарных условиях»[247]. По мере возможности командиры трудовых частей пытались решать проблемы снабжения вверенных им подразделений. Так, в 1-й трудовой бригаде Украинской трудовой армии отдается приказание на работах по углю использовать взамен кожаной специально изготовленную деревянную обувь. В летнее время трудармейцы могли работать вообще без одежды[248].

Военнослужащих, отправляемых на Петроградские заводы, Большой Президиум Петрогубсовета рекомендовал одевать «как

можно лучше», чтобы они своим видом не производили неблагоприятного впечатления на рабочих[249].

Необходимо отметить, что в целом успешная деятельность частей Кавказской трудовой армии в 1920 г. строилась, в том числе, на стабильном снабжении продуктами питания, как самих военнослужащих, так и рабочих и членов их семей, что обуславливалось наличием больших запасов продовольствия на Северном Кавказе, относительно небольшой численностью трудармейцев и рабочих, энергией и авторитетом командующего армией И.В.Косиора. Ежедневные выдачи здесь составляли на человека в день 2—3 фунта хлеба, ½—1 фунта мяса, хороший «приварок» в виде каши, овощей — солидную по тем временам норму. Правда к концу года и здесь ситуация начала ухудшаться: «Уже начиная с осени 1920 г. положение в снабжении трудармейцев стало становиться невыносимым», — отмечалось в докладе начальника управления снабжения Кавтрудармии[250].

С улучшением снабжения и введением премиальной системы были связаны основные предложения, касающиеся повышения производительности труда. Так, уже в феврале 1920 г. известный экономист С.Г.Струмилин вполне резонно замечал, что трудармеец получает паек и жалованье при любой производительности. Поэтому «лишь премиальная система изменит положение» и создаст стимулы к труду. Система материального поощрения вполне естественно требовала значительных материальных ресурсов. Если же этих ресурсов нет, то лучше «сузить рамки, чем подвергать его [экономическое возрождение страны — В.Ц.] риску неудачи»[251]. Суть рассуждений С.Г.Струмилина сводилась к тому, что каждое дополнительное усилие требует дополнительной компенсации, когда компенсация достигает достаточной нормы «частный интерес каждого отдельного работника, помимо всяких идеалистических побуждений, толкает его... к возможному повышению интенсивности труда»[252]. Конечно, лучше, если красноармеец хоть что-то делает, приносит пусть даже минимальную пользу, но ожидать значительного эффекта от его труда без дополнительного вознаграждения не приходилось.

Эти соображения прекрасно осознавались военным командованием и гражданскими властями. Меры по материальному стимулированию предпринимаются, в частности, Укрсовтрудармом.

Положением от 5 июня 1920 г. для трудармейцев устанавливаются обязательные нормы выработки. За перевыполнение подразделению назначались премии в размере от 20% до 100% месячного содержания[253]. В Кавказской трудовой армии приказом командующего от 28 мая 1920 г. вводится премирование при выполнении заданного урока в размере ½ фунта хлеба, ½ фунта мяса, 3 золотника масла, 12 золотников крупы в день. За каждый час сверхурочных работ производилась выплата по 27 руб. на человека[254]. Согласно приказу № 26/сат Совтрударма 1-й РАТ от 19 марта 1920 г. перевыполнившие норму части получали дополнительно полфунта хлеба и 2 золотника сахара на человека в день[255]. На Московско-Казанской железной дороге размеры премий доходили до 300% от получаемого содержания при перевыполнении норм в 1,2 и более раз.

Предполагалось и другие формы стимулирования трудармейцев. В Украинской трудовой армии отличившиеся награждались кожаными костюмами, золотыми часами, демобилизацией «с занесением на красную доску». Для оказания наибольшего эмоционального воздействия незадолго до окончания работ давался «тревожный гудок». Трудармейцы и гражданские бросали работу, сбегались к выходам из шахт. Сюда же, беспокоясь за родственников, подходили из поселка или города женщины. Раздавалась команда «Смирно!». Далее производился обход построения. Зачитывался приказ, выдавались премии. После устраивался митинг. Такие формы поощрения, по мнению командования, «долбят старую психологию, внося новые элементы важности, почетности, заслуги напряженного труда»[256].

Помимо поощрительных, принимались и карательные меры. Например, в Запасной, 2-й Особой армиях практиковалось оставление военнослужащих на работах вплоть до выполнения назначенного урока. При систематическом невыполнении заданий возможен был перевод в штрафные части на срок от 3 дней до 6 месяцев. В обувных мастерских Запасной армии каждый трудармеец должен был в неделю изготовить 5 пар сапог. Первые три он шил бесплатно, а за остальные выдавали по 600 руб. В случае систематического невыполнения норм военнослужащий переводился на положение штрафного с 14 часовым рабочим днем.

Об общих результатах хозяйственной деятельности трудовых армий можно судить на основании отчетности Центральной военнотрудовой комиссии, а также докладов, сводок отдельных трудовых армий и соединений. Хуже всего сохранилась отчетность за ноябрь—декабрь 1920 — начало 1921 гг. когда решался вопрос о подчиненности, формах организации управления трудовыми частями. Поэтому по некоторым видам хозяйственной деятельности представленные данные будут неполными.

Нужно отметить, что учет объема выполненных работ в трудовых армиях был поставлен крайне скверно. Военные не имели опыта составления подобного рода документации и поэтому по представленным ими материалам часто совершенно невозможно было понять насколько эффективно используются военнослужащие. Например, в сводке по Западно-Сибирскому военному округу за сентябрь 1920 г. приводятся данные об объеме выполненных трудчастями работ по отдельным губвоенкоматам. Показатели сообщаются следующим образом: Алтайский губвоенкомат — распилено 185 бревен и 160 досок, сложена поленница 50 куб. саженей (к.с.) дров, отремонтировано 2 котла, очищены древообделочный и литейный цеха, выгружено из вагонов 9 100 пудов (п.) угля, погружено 6 платформ и 4 вагона лесных материалов, обшито досками помещений 47 сажень, вставлено 4 рамы, выгружено 20 тыс. п. пшеницы и т.д. и т.п.; Тюменский губвоенкомат — заготовлено 160 к.с. и 433 погонных саженей (п.с.) дров, 4.768 шпал, выгружено 836 вагонов балласта, погружено 757 бревен, 10 возов тесу, 485 п. железа, спрессовано 204 тюка сена и т.д.[257] По каждому из губвоенкоматов приводилось до 50 цифровых показателей по различным видам работ. Но свести их воедино, обобщить, проанализировать было крайне сложно, т.к. слишком уж разнородны были эти работы. К тому же ничего не говорилось о том, сколько военнослужащих и в течение какого времени их выполняли.

Точно такая же ситуация наблюдалась и с отчетностью трудовых армий. Десятки цифр приводятся в еженедельных оперативно-трудовых сводках Украинской трудовой, 2-й Особой и Запасной армии[258]. В газете Петроградской трудовой армии «Боевая правда» уже с 27 февраля 1920 г. перешли к публикации оперативно-трудовых сводок трудовых армий в сокращенном объеме,

т.к. по свидетельству редакции «иначе не хватает места». Ведь только данные, сообщаемые за неделю Запасной армией, содержали до 300 строк самой разнообразной статистической информации[259]. На страницах газеты признавалось, что по сводкам «чрезвычайно трудно восстановить полную картину деятельности трудовых армий... еще труднее установить степень производительности этих работ», т.к. далеко не всегда указывается, сколько человек работало, в течение какого времени, какие были задания и выполнены ли они[260]. Аналогичная оценка давалась сводкам Украинской трудовой армии: «Не имея ни опыта, ни знания и находясь в неблагоприятной в смысле связи обстановке, части, применяющие труд в производственном процессе, давали сплошь неудовлетворительные сводки, в которых или указывалась лишь произведенная работа, но не учитывалась рабочая сила, или учитывалась рабочая сила, но лишь частично... или исчислялась рабочая сила, но не указывалось (что встречается почти во всех сводках) количество проработанных часов и т.д.»[261].

Попытки командования навести порядок в отчетности не всегда были успешными. Так, начальник оперативного управления штаба Украинской трудовой армии М.И.Хлоплянкин, характеризуя деятельность армии за апрель—июнь 1920 г. вводит термин «вся валовая работа по углю», объединяющий добычу и погрузку-разгрузку угля. Участие военнослужащих в труде приводилось по месяцам в «рабочеднях», без распределения по видам работ[262].

2-й Особой армией в отличие от большинства армий предпринята попытка хоть в некоторой степени систематизировать, свести в таблицу сведения об объеме и видах выполняемых ее частями работ. Однако и эту попытку все же нельзя признать в полной мере удачной (*см.: Приложение № 6*).

Поэтому в ведомости, составляемые Центрвоентрудкомиссией можно было занести сведения только по некоторым работам — лесозаготовки, добыча угля, ремонт железнодорожного транспорта и др. Об общем объеме выполненных трудовыми армиями работ может дать представление таблица, составленная Центрвоентрудкомиссией (*См. Приложение № 2*). В нее не вошли 672.655 шт. бревен и шпал, погруженных трудармейцами[263].

На основе нескольких диаграмм составлена сводная таблица по итогам деятельности в 1920 г. отдельных трудовых армий

(*См. Приложение № 1*). К приводимым Центрвоентрудкомиссией данным, несмотря на их кажущуюся абсолютную точность, следует относиться с известной долей осторожности, о чем свидетельствуют расхождения между цифрами поступавших с мест первичных материалов и обобщающих сводок. Эти расхождения порождались как уже отмечавшейся выше неудовлетворительной постановкой отчетности в трудовых частях, так и их частыми переброскамн, а также, по-видимому, стремлением военного командования всячески подчеркнуть успехи вверенных ему трудовых соединений. Т.е. включенные в таблицы сведения скорее дают представления о том, цифрами какого порядка мы можем руководствоваться в оценке работы трудовых частей.

Кроме того, к данным результатам необходимы некоторые поправки, отражающие более объективный взгляд на реальный вклад трудовых армий в хозяйственное возрождение страны. В частности, нуждаются в пояснении цифры, касающиеся общего числа отремонтированных трудовыми армиями паровозов.

Количество «здоровых» (т.е. полностью пригодных к эксплуатации) паровозов в России достигало в конце 1916 г. 16.866. В последующие периоды происходит сначала постепенное, затем все более ускоряющееся сокращение их численности, достигшее критической отметки к началу 1920 г.: декабрь 1917 г. — 15.810, февраль 1918 г. — 9.888, июнь 1918 г. — 5.676, январь 1919 г. — 4.577, декабрь 1919 г. — 4.141, январь 1920 г. — 3.969, февраль 1920 г. — 4.019[264]. За лето 1920 г. число паровозов, имевшихся в распоряжении НКПС на территории Европейской России (без Украины) увеличилось с 2.160 до 2.287 и то в основном за счет передачи около 300 паровозов из Сибири[265]. К началу 1921 г. количество «здоровых» паровозов на всех железнодорожных магистралях страны возросло до 7.700[266]. По сведениям, приведенным на Восьмом Всероссийском съезде советов Л.Д.Троцким, за январь—ноябрь 1920 г. всего в стране было произведено 8.455 «средних ремонтов»* паровозов[267]. За 1920 г. по всей стране отремонтировали 66.800 вагонов[268]. Возникает вопрос, где же эти почти 22 тыс. паровозов и более 146 тыс. вагонов, якобы введенных

* Средним назывался ремонт, после которого паровоз или вагон в состоянии проработать от 6 месяцев до 1 года.

в строй трудармейцами за неполный год? Ответ очевиден: за ремонт выдавалось фактически текущее обслуживание железнодорожного транспорта или же починка косметического характера.

Приводимые в сводках сведения иногда содержали явные преувеличения и поэтому далеко не всегда отражали реально выполненную работу. Например, согласно отчетам 1-й РАТ к 1 марта 1920 г. было отремонтировано 182 паровоза, хотя значительное число этих паровозов находилось в мастерской менее двух дней. «А такое состояние паровоза считается железнодорожниками здоровым и ремонт их не принимается совершенно в расчет»[269].

По данным отдела статистики и эксплуатационного управления НКПС на Юго-Восточных железных дорогах в конце апреля 1920 г. имелось 23.755 вагонов и 903 цистерны, из которых 3.420 нуждались в ремонте[270]. В ходе же деятельности 2-й Особой армии по официальным данным было отремонтировано ни много, ни мало 35.519 вагонов[271]. Парк «больных» паровозов на Юго-Восточных железных дорогах сократился на 10%, что вряд ли может быть признано выдающимся достижением.

На Казанской железной дороге на 1 февраля 1920 г. насчитывалось 913 паровозов (в том числе 525 «больных» и 388 «здоровых»). За февраль—май 1920 г. трудармейцы Запасной армии по официальным сводкам отремонтировали 2 857 паровозов. В результате к 1 июня 1920 г. на Казанской железной дороге имелось 916 паровозов (в том числе 497 «больных» и 419 «здоровых»)[272]. Прогресс, как видно, не столь существенен, чтобы можно было говорить о большом вкладе трудовой армии в дело восстановления транспорта. Данные подсчеты позволили члену президиума ВСНХ Ю.Ларину саркастически назвать руководство Запасной армии «Казанскими чудотворцами» и сделать вывод о том, что работа армии «ничего не дала для усиления количества паровозов по товарному и воинскому движению»[273]. Конечно, Ю.Ларин излишне категоричен, однако и преувеличивать значение трудовой армии в восстановлении железнодорожного транспорта у нас нет оснований. Усилиями армии скорее был остановлен дальнейший развал транспорта, но никак не преодолен кризис.

Чтобы оценить вклад трудовых армий в восстановление железнодорожного парка, можно проследить динамику количества «больных» паровозов и вагонов в процентах от их общего числа:

сентябрь 1919 г. — 51,5% паровозов и 17,7% вагонов, январь 1920 г. — 58,3% паровозов и 20,3% вагонов, август 1920 г. — 58,4% паровозов и 22,3% вагонов[274]. С января по август 1920 г. количество паровозов, ожидающих капитального ремонта возросло на 225%, текущего ремонта — на 60%[275]. Вряд ли негативные тенденции в состоянии железнодорожного транспорта нужно связывать с происками троцкистов, как считали некоторые советские исследователи[276]. Отчасти это было связано, как справедливо отмечал Л.Д.Троцкий, с общим ростом парка паровозов и вагонов за счет освобожденных территорий[277]. Как известно, белые (как, впрочем, и красные) при отступлении старались вывести из строя все, что они не были в состоянии эвакуировать. Поэтому в руки победителей попало множество испорченных железнодорожных составов, что увеличило процент «больных» паровозов и вагонов. Однако все же результаты усилий, направленных на улучшение состояния транспорта оказались не столь велики, как это следовало бы ожидать, если исходить из цифр, представленных Центрвоентрудкомиссией.

Вызывают сомнение и некоторые другие официальные цифры. Притом, что по разным оценкам в ходе Гражданской войны было разрушено от 1 до 2 тыс. в. железнодорожных путей[278], только трудовые части сумели восстановить по данным Центрвоентрудкомиссии почти 12 тыс. в. Так, 2-я Особая армия, если судить по ее отчетности, примерно за 7 месяцев отремонтировала 3.138 в. при общей протяженности Юго-Восточных железных дорог 3.250 в. Запасная армия отремонтировала 6.231 в. Разумеется, из-за действий повстанческих отрядов, износа, неправильной эксплуатации один и тот же участок мог ремонтироваться два и более раз. Тем не менее, нет ли здесь, как и в случае с паровозами и вагонами некоторого преувеличения, происходящего из дефектов отчетности трудовых частей и стремления командования подчеркнуть собственные заслуги перед лицом вышестоящего начальства?

Ответ на этот вопрос может быть получен на основании знакомства с первичной отчетностью 2-й Особой армии. Еще в конце 1970-х гг. А.А.Ходак обратила внимание на то, что в ее сводках могут содержаться погрешности, существенно искажающие итоговые данные о выполненных работах. В качестве примера

исследовательница привела сообщение об отремонтированном 981 паровозе за несколько дней конца июня — начала июля 1920 г. На самом деле речь шла об опечатке. Вместо 981 должно было быть указано 28 паровозов[279]. Одним этим фактом А.А.Ходак и ограничилась. На самом же деле таких погрешностей и совершенно нелепых цифр в трудовых сводках 2-й Особой армии можно обнаружить огромное количество. Например, в сводке за 16 мая 1920 г. указывалось, что 4-ой трудовой бригадой был «разобран обходной путь на расстоянии 369 верст»; за 16 июня 2 357 чел. из 9-й трудовой бригады выгрузили 2 вагона пшеницы и «выпустили из ремонта 5 паровозов и 15 вагонов»; за 15 июня 42 чел. из 3-й трудовой бригады вырыли траншею для прокладки шпал в 700 к.с. (т.е. примерно 6 700 кубометров или более 160 кубометров на каждого)[280]. Т.е. полагаться в полной мере на достоверность сообщаемых в сводках данных у нас нет оснований. О том, что в полной мере доверять сведениям, сообщавшимся трудовыми армиями об объеме проделанной работы нельзя, вынужден был признаться и Л.Д.Троцкий, говоря о результатах хозяйственной деятельности Запасной армии Республики: «Что армия как таковая дать технически грамотные трудовые сводки не может, особенно на первых порах, это бесспорно и известно тем товарищам, которые участвовали в выработке форм и методов учета работы трудовых армий... Работа на транспорте была для запасной армии лишь длительным субботником. Если мы возьмем трудовые сводки наших коммунистических субботников, то увидим, что эти сводки крайне несовершенны, иногда очень наивны»[281].

Обращает на себя внимание и тот факт, что в течение очень короткого промежутка времени службе ремонта Юго-Восточных железных дорог (использовавшей как рабочую силу трудармейцев, так и в равной степени мобилизованных), трудовым бригадам 2-й Особой армии удавалось отремонтировать огромные участки полотна: 5 июня — 142 в. 290 саж. силами 15.968 чел. (из них лишь около 10 в. приходилось на долю трудовых бригад армии, остальное результат работы службы пути); 3 июня — 71 в. 355 саж. силами 14.988 чел.; 9 июня — 81 в. 64 саж. силами 17.721 чел.; 15 июня — 64 в. 157 саж. силами 14.866 чел.[282] и т.д. Цифры отремонтированного полотна очень часто соседствуют

с данными о количестве смененных шпал. Вполне логично было бы предположить, что в сводках 2-й Особой армии (так же как и Центрвоентрудкомиссии) говориться не о восстановлении полностью разрушенного полотна, а о плановой замене изношенных шпал (в редких случаях и рельсов). Т.е. трудовыми соединениями выполнялось текущее обслуживание железных дорог, которое в мирное время на регулярной основе осуществлялось гражданскими рабочими. Вполне естественно, что за годы войны в обстановке общего хозяйственного кризиса, боевых действий, при отсутствии должного контроля процент сгнивших шпал увеличился. Следовательно, и военнослужащим приходилось работать несколько больше, чем в обычных условиях железнодорожникам.

В целом же трудовым частям и соединениям удавалось не более чем поддерживать железнодорожную сеть в более или менее сносном рабочем состоянии — в этом и состоит их основная заслуга. Тем не менее, несмотря на все усилия трудовых армий, кардинальных сдвигов в состоянии железнодорожного полотна не произошло. К началу 1921 г. по всей стране подлежало замене 13,5 млн. шпал — 15,5% от их общего количества[283].

Важно еще отметить, что в сведения о хозяйственной деятельности трудовых частей, включались результаты, полученные вольнонаемными и рабочими милитаризованных предприятий, непосредственно связанных с выполнением задач, поставленных перед командованием трудовых армий. Количество этой гражданской неквалифицированной рабочей силы и специалистов зависело от времени, места, вида заданий. Особенно распространенной такая практика была в первые месяцы существования трудовых армий, сохранившись в дальнейшем в течение всего 1920 г. Например, в ремонте паровозов на Московско-Казанской железной дороге принимали участие ежедневно в среднем в течение 1920 г. 1.409 железнодорожников (80,6%) и 338 красноармейцев (19,4%), вагонов — 505 железнодорожника (73,5%) и 182 красноармейца (26,5%)[284] (*см.: Приложения № 8, 9*). Однако если судить по отчетам Запасной армии, практически весь объем работ был засчитан как выполненный ее военнослужащими. На лесозаготовках, производимых 2-й Особой армией, по вольному найму было отработано около 17% общего числа человеко-дней[285]. Как уже отмечалось на восстановлении Юго-Восточных железных

дорог в равной степени использовались как мобилизованные, так и части 2-й Особой армии. Тем не менее, все лесные материалы, отремонтированные пути в документации фиксировались как выполненные трудовой армией. Аналогичная ситуация наблюдалась и в Украинской трудовой армии, где более 30% отработанных человеко-дней приходилось на вольнонаемных. В военно-полевых строительствах 1-й РАТ по данным на 5 июня 1920 г. 60% лесозаготовок выполнялось гражданским населением[286]. В 5-й армии Восточного фронта с начала работ по 15 июня 1920 г. гражданские составляли 16,6% рабочей силы и 34,2 % гужевого транспорта[287].

Под «вольнонаемными» в отчетах обычно имеются ввиду мобилизованные крестьяне, получавшие за свой труд оплату от лескомов и железкомов. Механизм их взаимодействия с трудовыми частями можно понять на основе знакомства с результатами инспектирования одного из военно-полевых строительств, включенных в состав 2-й Особой армии.

Предварительно лесозаготовительное учреждение отводило участки, где должны были производится заготовки. Рабочие разбивались на группы по 6 человек, каждая из которых получала 2 пилы, колун и топор. Надзор за несколькими группами возлагался на десятника. Дрова складывались в поленницы по 1/6 к.с. На одном из поленьев указывался номер группы, что в дальнейшем служило основанием для составления акта о выполненной работе. Для вывозки мобилизовались подводы, сосредотачиваемые в близлежащем селе в одном определенном месте. Ночью вокруг подвод выставлялся караул, чтобы воспрепятствовать возчикам под покровом темноты разъехаться по домам. Во время вывозки лишь 20—25% трудармейцев занимались непосредственно лесозаготовками. Остальные охраняли подводы, сопровождали возчиков, принимали от них дрова, наблюдали за погрузкой и др. Иногда даже приходилось сажать по военнослужащему практически на каждую подводу[288].

В целом же усилия трудовых армий и трудовых частей тыловых округов обеспечили примерно пятую часть вывоза и 4% добычи нефти по стране в 1920 г., около пятой части продовольственных заготовок. Добычей угля в 1920 г. занимались лишь подразделения 1-й РАТ, трудовые части Сибири и в небольшой

степени — Украинской трудовой армии. Подразделениями последней было погружено более 12% добытого в Донбассе угля. В январе—августе 1920 г. в стране всего было принято и погружено около 4,5 млн. вагонов[289]. Соответственно доля трудовых армий в этом виде работ составляла около 8%. Благодаря трудовым соединениям удалось поправить транспортную ситуацию на только что освобожденных от белых территориях, где складывалось наиболее тяжелое положение — в районе Кавказской, Украинской трудовых армий, Запасной, 2-й Особой, 1-й РАТ.

Значительным было участие трудовых частей в лесозаготовках. Необходимо уточнить, что Центрвоентрудкомиссия подсчитывала объем работ по календарным годам, а Центральное управление лесной промышленности — по операционным (хозяйственным) годам. В 1919/20 хоз. году в стране заготовили 9,4 млн. к.с. (78,7% от плана) и вывезли 7,1 к.с. (79,5% от плана) дров. В 1920/21 хоз. году заготовка составила 8,7 млн. к.с. (60% от плана)[290].

Известно, что во второй половине 1919 г. было заготовлено 4.148 тыс. и вывезено 2.027 тыс. к.с. дров[291]. Соответственно в первом полугодии 1920 г. было заготовлено около 5,35 млн. и вывезено около 5,07 млн. к.с. Тогда доля трудовых частей в заготовке дров составляет около 15% и в вывозке около 7,8% за первую половину 1920 г.

Подсчеты за второе полугодие затрудняются отсутствием данных по трудовым армиям за ноябрь—декабрь. Всего в первой половине операционного 1920/21 г. было заготовлено 5.063.000 и вывезено 2.400.000 к.с. дров[292]. Заготовка за июль—ноябрь 1920 г. составляла 3.433.000 к.с., вывозка 1.415.000 к.с.[293] Трудовыми армиями за июль—октябрь 1920 г. было заготовлено около 191 тыс. к.с., а вывозка велась в незначительных масштабах. Таким образом, судя по результатам первых четырех месяцев полугодия можно предположить, что и в этот период доля трудовых частей в вывозке и заготовке не превышала показатели первого полугодия, сохраняясь примерно на том же уровне, что и раньше.

Производимое при участии трудармейцев на заводах, фабриках и мастерских во многом, шло на обеспечение нужд самих вооруженных сил. Всего на предприятиях Главодежды за март—декабрь 1920 г. было выпущено 3.084.000 шинелей, 3.187.000 гимнастерок, 12.700.000 нательных рубах[294]. Соответственно

военнослужащими Запасной армии и 2-й Особой армии обеспечивалось по приблизительным данным до 10% и более производства некоторых видов военного обмундирования.

Благодаря усилиям командования Запасной армии на Ижевских заводах удалось более чем в два раза увеличить выпуск винтовок. Однако одним из последствий такой гонки являлось помимо значительного числа брака, доходившего до четверти от общего объема выпуска, волнения и забастовки, вспыхнувшие в Ижевске в конце 1920 г. В результате переговоров с местной администрацией и командованием Запасной армии, рабочим удалось добиться ограничения вмешательства военных во внутреннюю жизнь заводов и снижения плановых показателей.

Спрос промышленности и транспорта на рабочую силу трудовыми частями не был удовлетворен. Наоборот, он как раз постоянно возрастал в течение 1920 г., достигнув максимума в январе—марте 1921 г., когда на 219,2 предложений приходилось 104,9 посылок[295]. Однако проблема заключалась не в дефиците трудовых ресурсов. По большому счету этот дефицит был искусственно создан политикой военного коммунизма. В частности, в железнодорожном транспорте в 1920 г. при сокращении в несколько раз паровозного парка количество занятых в отрасли рабочих увеличилось в сравнении с 1913 г. более чем в два раза[296]. В Донбассе весной 1920 г. шахтер в среднем выходил на работу от 7 до 12 дней в месяц[297]. В целом же по стране в 1920 г. из 300 календарных рабочих дней 1 рабочий фактически отрабатывал 228,3 дня[298]. Поэтому дело заключалось не в том, чтобы еще дополнительно набрать новые десятки или сотни тысяч людей, а в рациональном использовании имеющихся в наличии.

Необходимо указать и на дополнительные результаты деятельности трудовых частей, имевших в целом положительное значение. К их числу можно отнести подготовку квалифицированных специалистов из крестьян-трудармейцев. «Соприкасаясь с рабочими квалифицированными, находясь продолжительное время на какой-либо работе, трудармеец до сего времени не знавший ничего кроме сохи, а затем винтовки, стал приобретать определенные навыки, определенные знания настолько, что представилась возможность сплошь и рядом ставить его уже не в качестве чернорабочего, а в качестве подручного квалифицированному рабочему», —

отмечалось в обзоре деятельности Кавказской трудовой армии[299]. Нередко военнослужащие сами стремились к приобретению рабочей специальности. Так, в Кавказской трудовой армии трудармейцы-крестьяне становились неплохими кровельщиками, штукатурами, каменщиками.

Практически при каждой трудовой армии создавались учебные заведения, занимавшиеся подготовкой квалифицированных специалистов из числа военнослужащих. В Запасной армии в марте 1920 г. при Высшей военной школе открывается политехническое отделение, учащиеся которого изучали агрономическое, лесное и железнодорожное дело[300]. Кроме того, при молочном пункте Запасной армии существовала небольшая сельскохозяйственная школа, в которой изучались основы животноводства и ветеринарии. В августе 1920 г. состоялся первый выпуск краткосрочных трехнедельных курсов инструкторов рабочих батальонов трудчастей Туркестанского фронта. Было подготовлено 70 специалистов, направленных в трудовые части края[301]. Однако позднее по причине партийных мобилизаций, недостаточно высокого уровня обучения, по словам начальника Управления трудчастей Туркестана «курсы умерли»[302]. «Красный техникум инструкторов труда» организуется при Петроградской трудовой армии (с топливным, строительным, сельскохозяйственным, электротехническим отделениями)[303], школа военно-дорожных специалистов — при 2-й Революционной армии, курсы металлистов, подготовки и усовершенствования военно-дорожных специалистов, саперно-железнодорожные — при 2-й Особой железнодорожной армии, краткосрочные курсы «инструкторов труда» — в Украинской трудовой армии[304]. В Кавказской трудовой армии из числа военнослужащих было подготовлено к концу 1920 г. 25 квалифицированных нефтяников[305]. Конечно, решить проблему кадрового дефицита указанные школы и курсы не могли, тем не менее, нельзя отрицать их вклад в дело повышения образовательного и профессионального уровня бойцов и командиров трудовых армий — в массе своей бывших крестьян.

Чтобы объективно оценить итоги хозяйственной деятельности трудовых соединений нужно выяснить — произошли ли кардинальные сдвиги в отраслях экономики, где широко использовалась рабочая сила военнослужащих в течение 1920 г.?

Отрицательный ответ на этот вопрос был вполне очевиден даже для советских историков.

Можно ли говорить о сколько-нибудь существенных достижениях в деле восстановления экономики, о том, что трудовые армии способствовали спасению страны от разрухи если уже в январе—феврале 1921 г. разразился топливный кризис, который, по словам начальника Центрального управления лесной промышленности К.Данишевского, объяснялся тем, что «учет топлива не стоял на необходимой высоте, что распределительные органы размахнулись не по топливным ресурсам», обещая потребителям такое количество топлива, которое не могли заготовить добывающие органы[306]. За первую четверть 1921 г. в сравнении с аналогичным периодом 1920 г. объем лесозаготовок снизился на 10%, вывозки — на 15%[307]. В начале 1921 г. на Юго-Восточных железных дорогах «застряло 50 поездов с хлебом, на Московско-Курской железной дороге «возникла угроза остановки движения». Пришлось полностью прекратить движение на 31 линии. Недостаток топлива «останавливает работу по восстановлению копей, рудников и заводов юга России»[308]. Сокращается до двух часов в сутки отпуск электроэнергии в Петрограде. ВСНХ «в виду продолжающегося топливного кризиса» вынужден был принять решение о закрытии ряда заводов и фабрик[309]. Демобилизованным военнослужащим приходилось покидать остановившиеся составы и пешком по нескольку десятков, а то и по сотне верст идти домой.

Рост в каменноугольной промышленности хотя и наблюдался, но он достигался преимущественно экстенсивным путем. Так в Донбассе количество рабочих увеличилось со 175 тыс. в январе — феврале 1920 г. до 244 тыс. в июне—июле и 282 тыс. в сентябре. При этом производительность труда на одного человека в день составляла 62 п. в марте 1920 г., 60 п. в июне, 58 п. в июле, 60 п. в сентябре, 56 п. в октябре 1920 г.[310]. Норма же добычи угля в 1913 г. составляла 145 п. в день. Соответственно объем добычи возрастал пропорционально увеличению числа рабочей силы, составив 667 тыс. п. в январе 1920 г., 968 тыс. п. в марте, 983 тыс. п. в июле, 1.070 тыс. п. в сентябре, 1.010 тыс. п. в октябре 1920 г. Общий объем добычи в Донбассе в 1920 г. достиг около 265 млн. п. или 18% от произведенного в 1917 г. Причем в течение 1920 г.

неуклонно ухудшалось соотношение между наземными и подземными рабочими, занятыми в каменноугольной промышленности. Если в январе 1920 г. это соотношение составляло 49% на 51%, то к октябрю оно изменилось до 41% на 59%[311]. Таким образом, на шахтах неуклонно возрастало число обслуживающего персонала, непосредственно не занятого производством. Добыча угля в Сибири не позволяла обеспечить вывоз заготовленного продовольствия в запланированных размерах. Получаемый у крестьян хлеб приходилось хранить под открытым небом, что в условиях Сибири было чревато порчей[312]. Общий объем добычи угля увеличился в целом по стране со 103.826 тыс. п. в первом квартале, до 105.880 тыс. п. во втором квартале, 117.989 тыс. п. в третьем квартале и 138.783 тыс. п. в четвертом квартале 1920 г.[313] Рост хотя и существенный, однако явно недостаточный, чтобы удовлетворить спрос промышленных предприятий и транспорта.

Примечательно, что сами руководители военного ведомства, НКТ, ряда других учреждений, в отличие от многих советских историков 1940-х — 1980-х гг., оценивали хозяйственные успехи трудовых армий в большинстве своем весьма скромно, без лишнего пафоса и патетики. «Показала ли она [практика, — В.Ц.] ... что трудовая армия оправдала себя, то есть что войсковое соединение — армия в своих работах дала полезный эффект, окупавший усилия по созданию и содержанию армии, — задавался вопросом начальник оперативного управления штаба Украинской трудовой армии М.И.Хлоплянкин, — Ответ нужно дать отрицательный»[314]. Немного сделано «в пудах, верстах и т.п.», — писал после детального ознакомления с деятельностью Украинской трудовой армии представитель трудчастей Туркестана Злотский, — «но очень много сделано в смысле спайки, дисциплинированности и согласованности в работе», благодаря чему удалось добиться главного — «остановки процесса распада»[315]. В итоговом обзоре деятельности трудовых частей, составленном 5 сентября 1922 г., указывалось, что «опыт в них за 1920-й год показал, что эти части, не объединенные особым руководящим, по своему назначению органом, не могут принести того максимума пользы, на который рассчитывалось, ибо работа их протекала неорганизованно ..»[316].

Использование воинских частей было оправдано на кратковременных, срочных работах. Применение же труда военнослужащих в течение более длительного времени очень скоро выявляло слабую приспособленность вооруженных сил к производственным процессам. Трудовые армии отчасти оправдали себя как органы милитаризации народного хозяйства. В условиях военного коммунизма кто как не военные могли выполнить задачу мобилизации всех производительных сил, обеспечения принципов всеобщей трудовой повинности, подавления сопротивления реальной и потенциальной оппозиции существующему режиму. В этом в первую очередь и состоял положительный итог деятельности трудовых армий в 1920 году.

Новый период в хозяйственной работе трудовых армий начинается весной 1921 г. после их передачи в ведение народного комиссариата труда. Общая тенденция, наблюдавшаяся в процессе использования трудовых частей, связана со стремлением их сосредоточения на ударных производствах, требующих массовой рабочей силы. К ним относились добыча угля, заготовка и вывозка дров, строительство, обслуживание железных дорог, что должно было помочь достижению конкретных, вполне очевидных и значимых результатов, повысить трудовую наличность и производительность.

Наиболее точному учету поддается работа трудармейцев по заготовке топлива. В данный период возросло значение Донецкой трудовой армии в обслуживании угольных шахт края. Весной 1921 г. в очередной раз сокращается поступление продуктов питания шахтерам Донбасса. Как следствие — рост трудового дезертирства, недовольства условиями труда и снабжения. Количество подземных рабочих уменьшилось с 17 тыс. в январе до 15,5 тыс. в мае 1921 г.[317] Как отмечалось в отчете политотдела Донтрудармии, «из-за продовольственного кризиса многие рабочие бастуют». На выручку пришли трудовые части, «откачивая затопленные шахты и охраняя другие от затопления»[318].

Первые 15 человек отправились под землю 10 февраля 1921 г.[319] С весны же 1921 г. уже сотням военнослужащих пришлось идти в забой, взяв в руки кайло и лопаты. Выдвигается лозунг — «Все здоровые под землю и только слабые на поверхности и то на ударные работы». Погрузка, охрана, транспортировка

угля, являвшаяся основным видом деятельности для трудармейцев в 1920 г. и начале 1921 г. теряют значение. Главное внимание теперь уделяется добыче. Доля работающих в забое военнослужащих начинает быстро возрастать, достигнув максимума в декабре 1921 г. (*см.: Приложения № 13, 14*). В июле появляются шахты, обслуживающиеся исключительно Донецкой трудовой армией, за исключением нескольких человек технического персонала: № 3, 6, 18, 22, 31, «Альберт», «Мария» и др.

Заслуги трудармейцев получили признание руководства угольной промышленностью. Приказом № 186 от 18 июня 1921 г. председателем ЦПКП Г.Л.Пятаковым объявляется благодарность военнослужащим 4-го трудового полка Донецкой трудармии:

«В Енакиевском районе на угольном руднике в связи с недостатком хлеба 3 июня рабочие забастовали. Трудармейцы 2-й роты 4-го трудполка, исполняя свой боевой долг перед ВЕЛИКОЙ РАБОЧЕЙ КРЕСТЬЯНСКОЙ РЕСПУБЛИКОЙ не покинули своего места и продолжали работу. Потерявшие голову рабочие требовали от трудармейцев прекращения работы. Но несмотря на уговоры и угрозы трудармейцы вместе со своим командиром работали 12 часов в сутки, а подземные 10 часов. ЧЕСТЬ И СЛАВА ГЕРОЯМ ТРУДА»[320]. От Горловского райкома партии, исполкома, управления рудниками 4-му трудовому полку «за доблесть, показанную на трудовом фронте» было вручено Красное трудовое знамя с надписью: «Пролетарии всех стран соединяйтесь. От винтовки к молоту. От разрухи к строительству. 4 трудполку за подвиги на трудовом фронте...»[321]. Аналогичные знамена получили 5-й, 7-й и 8-й трудовой полки.

6 сентября 1921 г. комиссия СТО постановила довести количество подземных рабочих в Донецкой трудовой армии до 6 тыс. чел.[322] Однако уже в октябре положение с продовольствием улучшается, начинают возвращаться на шахты вольнонаемные рабочие и поэтому доля трудовой армии в угольной отрасли снижается.

В первой половине 1921 г. трудармейцами было добыто 4.314.632 п. и погружено 30.468.402 п. донбасского угля[323]. Всего же Донецкой трудовой армией в марте 1921 г. добывалось 2,3% донбасского угля, в апреле — 3,4%, в мае — 5,2%, в июне — 6,7%, июле — 13,8%, в августе — 16,2%, сентябре — 15%, октябре —

11,8%, ноябре — 8,1%, декабре — 8,4%[324]. Аналогичные показатели по погрузке угля составили в январе—марте — 21,4%, апреле — 36,6%, мае — 58%, июле — 72,5%, августе — 57,6%, сентябре — 41,6%, октябре — 27,8%, ноябре — 18,2%, декабре — 18,7%[325]. В целом же, доля трудармейцев в общей добыче Донецкого угля составила в 1921 г. 6,7% (в первом полугодии — 2,7%, во втором — 10,35%). Донецкой трудовой армией было погружено в вагоны в 1921 г. около 55 млн. п. или 30% вывезенного из Донбасса угля[326].

К добыче угля, обслуживанию копей, железных дорог в Кузбассе привлекалась значительная часть военнослужащих Сибирской трудовой армии. Эти работы выполнялись самой многочисленной 1-й бригадой армии. Командованию удалось довольно успешно справляться с возложенными на него задачами. В марте 1921 г. от Сибревкома бригада получила указание подготовить к добыче и вывозке 5 млн. п. угля с копей Кузнецкого района. Требовалось построить рабочие поселки, переместить до 70 тыс. куб. саженей грунта, возвести станционные и путевые здания общей площадью 1.000 кв. саженей, заготовить 130 тыс. бревен и др. На бригаду возлагалось до ¾ всего объема работ[327]. К выполнению задания она приступила с 1 мая 1921 г. Однако в первые полтора месяца было сделано гораздо меньше ожидаемого. Помешала, в первую очередь, плохая организация работ. Выход нашли в установлении жесткого контроля за трудармейцами, мерах материального и морального поощрения отличившихся и наказания нерадивых. Важно также было оказать сильное психологическое воздействие на военнослужащих, убедить их в крайней необходимости своевременного выполнения трудовых заданий. Командование бригады решило организовать работу подчиненных «по-фронтовому», для чего обратились к «системе оперативных приказов». Эти приказы, выдержанные в стилистике боевых, должны были создавать «фронтовой фон, фронтовую обстановку», внушать уверенность в том, что за неисполнение заданий грозят самые суровые меры, вплоть до расстрела. Тем самым трудармеец, по словам военкома 1-й бригады А.И.Шифреса, мог понять, «что у нас не шуточное, не пустяковое (дело)... что от его работы зависит жизнь и смерть Республики»[328].

Бригада разбивается на 4 боевых участка во главе с начальниками из комсостава. Задания давались в оперативных приказах, настраивавших военнослужащих на «боевой» лад: «Положение на всех фронтах Кузнецкого бассейна начинает улучшаться. На фронте лесозаготовок, где мощными ударами 17-го Сибирского трудового батальона уже заготовлено для новостройки и копей необходимое количество лесных материалов, на этом фронте окончательная победа будет одержана 4-м и 5-м транспортами... не останавливаясь ни перед какими жертвами и препятствиями продолжить стремительное наступление на всех боевых участках бригады...»[129].

Помимо призывов и угроз определенную роль в увеличении производительности сыграла система натурального премирования. Дополнительный паек за выполнение повышенной нормы в размере ¾ фунта муки, 12 золотников мяса, 12 золотников крупы, 1 фунта соли, и ½ фунта керосина выдавался на 10 дней вперед по желанию трудармейца.

Самое пристальное внимание обращается на комсостав, ибо, по замечанию того же А.И.Шифреса, «не та часть плоха, где Трудармейцы плохи (они везде одинаковы), а та, где плох комсостав»[130]. На командиров возлагается личная ответственность за то, чтобы на работу выходило не менее 86% военнослужащих. Поэтому «сейчас он... высылает всех босых и с дрожью в сердце сидит в околотке и следит за каждым осматриваемым лекпомом трудармейцем»[131]. Командир, ведя учет выполняемых уроков, сам решал, кому следует выдавать дополнительные премиальные пайки.

Важнейшим фактором успеха являлось то, что военнослужащие использовались большими массами на простейших работах, требовавших только физической силы, легко учитывавшихся и контролировавшихся — лесозаготовки, погрузка и разгрузка, рытье котлованов и перемещение грунта и т.п. Как только трудармейцев разбивали на мелкие группы (10—15 человек и менее), отправляли подальше от командирского надзора — в цеха заводов, учреждения, производительность резко снижалась.

Собственно говоря, А.И.Шифресу и его сослуживцам не нужно было изобретать велосипед, добиваясь повышения производительности труда. Используемые им принципы привлечения массовой принудительной рабочей силы давно уже были опробованы

в различные эпохи, начиная с глубокой древности. Сам военком 1-й бригады, не понаслышке знакомый с ситуацией во вверенных ему частях, прекрасно осознавал, что эффективное использование трудармейцев в течение сколько-нибудь длительного периода невозможно. Он пришел к выводу, что хотя при умелом управлении трудовая армия может оправдать свое предназначение, однако в целом она не более чем временное явление: «Трудовая армия плоть от плоти «военного коммунизма». И поскольку мы не могли перейти от «военного» к «настоящему» коммунизму, постольку Трудовая армия не может быть ячейкой коммунистического общества. Поскольку мы сейчас вошли в период государственного капитализма с системой натуралога, свободного товарообмена, свободой мелкой и средней промышленности, постольку мы должны будем завершить этот круг свободой труда. Следовательно трудовая армия должна будет перестать существовать... На своем опыте я убедился в этом»[332].

Примечательно, что выводы А.И.Шифреса не поддержала редакция журнала «Красная Сибирь», утверждавшая, что неизбежность быстрой ликвидации трудовых частей «мало обоснована» и «в переживаемый нами переходный от капитализма к коммунизму период советская Республика, конечно, не может обойтись без Трудовой Армии, особенно на таких окраинах как Сибирь»[333].

Благодаря принятым мерам производительность трудармейцев резко повысилась. Так, если с 1 апреля по 15 июня на новостройке было выполнено 9.800 к.с. земляных работ, то с 15 июня по 1 июля — 13.000 к.с. Если сначала ежедневно нагружалось 200—300 платформ, то после издания оперативного приказа № 1 от 500 до 700[334]. 25 октября 1921 г. на ст.Бочаты в честь окончания строительства состоялся торжественный митинг, на котором 1-й трудбригаде Сибирской трудовой армии за проявленный трудовой героизм вручается Красное знамя.

Трудармейцы привлекались не только к обслуживанию шахт, подъездных путей и прочим вспомогательным работам, но и занимались непосредственно добычей угля. Вместе с частями 4-й трудбригады Сибирской трудовой армии, использовавшейся в Черемховском бассейне Иркутской губернии за январь—сентябрь 1921 г. ими было добыто 5 490.344 п. угля (*см.: Приложение № 15*). Т.к. за январь—сентябрь 1921 г. Кузбасс и Черемховский бассейн

дали стране 55.262 тыс. п. угля[335], доля военнослужащих Сибирской трудовой армии составила соответственно около 10% от общего объема добычи в крае.

В угольной отрасли использовались также военнослужащие Уральского трудового района. На начало мая примерно 2.000 чел. работало на Челябинских копях, 2.600 — в Богословском горном округе на лесозаготовках и рудниках (в основном на так называемых «поверхностных работах»). На Кизеловских копях 520 чел. находилось на подземных работах[336]. Так же как и на Украине, значение трудармейцев здесь определялось тем, что из-за нехватки продовольствия было снято с государственного снабжения 5.785 горно- и чернорабочих местных райрудуправлений[337]. Всего же из 61,6 млн. п. угля, добытого на Урале в 1921 г. 7,7 млн. п. (12,5%) приходится на долю трудармейцев[338].

Трудармейцы трудчастей Туркестана привлекались к обслуживанию угольных копей Кизил-Кая и Сулюкта. В апреле—начале мая 1921 г. обследование отдельного рабочего батальона, двух штрафных и рабоче-строительной рот, дислоцированных в Ферганской области, выяснило, что отдельный батальон существовал «только на бумаге». Его немногочисленный состав (7 командиров и 25 трудармейцев) в основном нес караульную службу в штрафных ротах. Последние же привлекались к строительству подъездных путей к угольным копям, ремонту казарм, разбивке огородов и т.п.

На копях Боровичско-Любытинского района (Подмосковье) весной—летом 1921 г. использовалась на экскаваторных работах особая инженерная рота 2-й трудовой бригады Центрального трудового района[339].

Значение трудчастей в проведении лесозаготовок, как и ранее, определялось тем критическим положением, в котором находилась экономика из-за недостатка топлива в первой половине 1921 г. Основной объем работ выпал на долю Сибирского, Северного, Уральского, а также Центрального трудовых районов, в первой половине 1921 г. — лесозаготовительных дружин военного отдела Главлескома

К сожалению, в связи с переформированием трудовых армий сводные данные о лесозаготовках за 1921 г. ГУТР, по-видимому, так и не были собраны. Поэтому мы можем оперировать полными

сведениям только по некоторым трудовым районам и фрагментарными по другим районам, экстраполируя их на весь 1921 год.

В Сибири в первой половине 1921 г. трудармейцами было заготовлено 41.394 к.с. дров, 3.799.322 куб. футов бревен, погружено 10.887 к.с. и выгружено — 4.485 к.с. дров [340], в июле—сентябре заготовлено еще 17.616 к.с. дров[341]. За январь—сентябрь 1921 г. в Сибири получили 515.332 к.с. дров[342], что позволяет определить вклад трудармейцев в обеспечение указанным видом топлива учреждений, предприятий и железных дорог края в 11,45%.

На Урале дружины ГВИУ заготовили 25.133 к.с. дров[343], собственно трудовая армия — еще примерно столько же. Т.к. всего в регионе получили 927.666 к.с., на трудовые соединения приходится 5,4% дров.

Кавказская трудовая армия заготовила в течение года 5.100 к.с. «дельной древесины», 30.214 бревен, 11.840 п. коры, 4.200 к.с. дров, а вместе с дружинами ГВИУ — 11.115 к.с. или 9,97% дров Северного Кавказа[344].

На Украине аналогичные показатели составили за первое полугодие 1921 г. соответственно 40.351 к.с. и 9,4%[345]. Работы выполнялись шестью лесными военно-трудовыми комендатурами Правобережной группы. В компетенции комендантов находились все вопросы, связанные с обеспечением лесоразработок рабочей силой, как военной, так и мобилизованным гражданским населением. В их ведении была не только заготовка, но и переработка древесины лесопильными заводами. Комендант «регулирует на месте вечно острый вопрос о рабочей силе, об охране, о проведении гужтрудповинности, практикуя приемы и способы, свойственные только Военному Ведомству» [346], — указывалось в отчете Правобережной группы за вторую половину апреля 1921 г. Фактически на Украине лесные комендатуры оставались, как и ранее, органами милитаризации лесной отрасли.

В Центральном трудовом районе военнослужащие работали по заданиям различных гублесхозов — Тверского, Иваново-Вознесенского, Владимирского, Вологодского, Нижегородского и др. Здесь в первой половине 1921 г. ими было заготовлено 192.122 к.с. дров или 13% от общего объема работ[347].

В Северном трудовом районе аналогичные показатели за январь—ноябрь достигли соответственно 125.304 к.с. дров и 12,3%[348].

Всего же находившимися в ведении военного отдела Главлеса дружинами и отрядами за первую половину 1921 г. было заготовлено 405.590 к.с. и вывезено 274.372 к.с. дров., что составило 9,6% заготовки и 4,6% вывозки по стране в целом[349].

Таким образом, доля военнослужащих в различных регионах страны в добыче данного вида топлива колебалась от 5% до 13%, что было вполне сопоставимо с результатами предыдущего года. Однако теперь речь идет в основном о собственно воинских частях, без мобилизованных крестьян, работа которых ранее могла включаться в отчетность трудовых армий.

По-прежнему большую роль играла Кавказская трудовая армия в обслуживании Грозненских **нефтепромыслов**, прежде всего, в восполнении дефицита рабочей силы на добыче и транспортировке «черного золота». Попытки решить проблему за счет присылки вольнонаемных рабочих из Поволжья осложнялась тем, что последние приезжали с семьями, а пригодных жилых помещений на промыслах и в Грозном практически не было. Поэтому использование военнослужащих являлось неплохим выходом из кадрового кризиса.

Количество трудармейцев, занятых непосредственно буровыми работами в течение марта—декабря 1921 г. колебалось от 67 до 153 чел. (включая учеников), что составляло в среднем 38,3% от общего числа бурильщиков. Военнослужащие, как правило, работали не самостоятельно, а включались в буровые бригады гражданских рабочих. На тартании* использовалось от 112 до 412 трудармейцев, что составляло в среднем 60% всех тартальщиков[350].

Основные экономические показатели Грозненского нефтяного района на протяжении 1921 г. улучшались, хотя производственная программа по добыче нефти была выполнена лишь на 81,5%. Кавказская трудовая армия за январь—октябрь 1921 г. добыла около 11,5 млн. п., а всего в 1921 г. — 18.857.011 п. нефти или 23% от общего объема добычи в Грозненском районе, что составило 7,65% нефти, полученной в целом по стране[351] (*см.: Приложение № 16*).

---

* Тартание — способ добычи нефти путем вычерпывания из скважин.

В 1921 г. военнослужащие привлекались как к подержанию в оптимальном состоянии железнодорожного полотна (правда, в меньшем объеме, чем в предшествующий период), так и к обеспечению паровозов дровами. Сообщения об участии трудармейцев в ремонте подвижного состава в документах с весны 1921 г. носят единичный характер.

Трудармейцы Уральского трудового района, в 1921 г. занимались почти исключительно неквалифицированными работами: погрузкой и разгрузкой вагонов, подвозом топлива, а также ремонтом железнодорожного полотна на Пермской, Самаро-Златоустовской, Северной железных дорогах[352]. Летом и осенью 1921 г. 4-я бригада Уральского трудрайона участвовала в постройке Чепецкого и Чусовского мостов[353].

Постановлением СТО от 20 июля 1920 г. РВСР предлагалось привлечь для обслуживания Мурманской железной дороги два железнодорожных полка общей численностью 3 тыс. чел.[354] Всего сюда было переброшено 2.258 чел. Но из них непосредственно на железной дороге использовалось около 900 трудармейцев Северного трудового района, остальные задействуются на рыбных промыслах, и в «разных учреждениях»[355]. Военнослужащие также были заняты на вспомогательных работах (погрузка и выгрузка балласта, рельс, шпал, запчастей, забивка свай, установление щитов для защиты от снега и т.п.) на Николаевской, Северной и Северо-Западной железных дорогах[356].

Части Кавказской трудовой армии строили железнодорожный подъездной путь к Алгаирским свинцовым рудникам протяженностью около 27 в., узкоколейку на Новые промыслы Грозненского района в 7 в., железную дорогу широкой колеи к Старым промыслам в 15 верст, отводные пути на ст.Грозный в 11 в.[357] Военнослужащие также на различных участках общей протяженностью 834 в. заменили в течение 1921 г. 38.792 шпалы, 8.770 рельс, 1.003 бруса; отремонтировали в депо 120 вагонов. Кроме того, Кавказской трудовой армией выполнялись различные вспомогательные работы, связанные с обслуживанием железнодорожного полотна — очистка от снега и мусора, рытье канав для отвода воды и т.п.[358]

В феврале 1921 г. подразделения Донецкой трудармии использовались для очистки железных дорог: «Пути заносились на целых

участках саженным снегом. Движение закрывалось на целые недели. На снегозаносы нам пришлось обратить все силы и средства», — указывалось в объяснительной записке начальника штаба армии[359].

Части Центрального трудового района обслуживали почти все важнейшие железнодорожные магистрали Европейской России: Северную, Юго-Западную, Пермскую, Александровскую, Приуральскую, Московско-Курскую, Самаро-Златоустовскую и др. Военнослужащие выполняли вспомогательные работы по заданиям служб пути, материальных служб, а также железкомов[360]. Два железнодорожных полка строили Калужскую, Обираловскую, Карташевскую и др. «топливные ветки», т.е. узкоколейки, связывавшие места лесозаготовок с основной магистралью[361].

В Поволжье осенью 1921 г. ремонтом паровозов и вагонов занимались 7-я и 8-я рота 2-го трудбатальона отдельной трудовой бригады Поволжья (Казань, Алатырь), ремонтом железной дороги — 2-й трудбатальон этой же бригады (Симбирск)[362].

Постепенно сокращаются масштабы работ, а затем и окончательно останавливается строительство железнодорожной дороги и трубопровода Александров Гай — Эмба. К маю 1921 г. было уложено лишь 1,2 версты нефтепровода на линии Эмба — Урал протяженностью 160 верст. Включая различного рода подготовительные работы объем сделанного оценивался специалистами в 10%[363]. Немногим лучше сложилась ситуация с железной дорогой. Трудармейцам и гражданским рабочим удалось проложить 51 в. пути, что составляло 12—14% ее запланированной длины. Продолжение строительства требовало дополнительных поставок рельс общим весом в 2,5 млн. п., т.е. едва ли не половину выплавленного в 1920 г. в стране чугуна. «Крупные расходы и жертвы ... совершенно не оправдываются достигаемыми результатами» — делал вывод профессор Л.Рамзин[364]. 6 мая 1921 г. СТО постановил «признать необходимым перевести постройку Алгембы с ударного темпа на обыкновенный»[365]. Новым постановлением от 1 июля СТО предписал довести магистраль до станции Сломихинская, а «работы на остальном протяжении строящейся дороги, от станции Сломихинская до Эмбы ликвидировать»[366]. Освобождающиеся трудовые части переводятся на возведение промысловых соляных веток в районе озера Баскунчак.

Ранее уже упоминалось о строительстве в Кузбассе 1-й трудовой бригадой путей, предназначенных для вывоза угля по маршруту Кольчугино — Усяты (Прокопьевск). Ею также были возведены депо на станциях Бочаты и Усяты, передвигался, ремонтировался, переносился путь на протяжении около 70 в. Всего же Сибирская трудовая армия в 1921 г. отремонтировала более 250 в. и уложила более 100 в. железнодорожных путей, провела ремонт узкоколейки на протяжении 140 в.[367] Подразделения Туркестанского трудрайона привлекались к ликвидации размывов на ст. Чикли Ташкентской железной дороги, ремонту Красноводского участка, обслуживанию Кушкинской железнодорожной ветки[368].

Откомандирование, работа на предприятиях в 1921 г. имели существенно меньшие масштабы, чем ранее, что было связано с общей ситуацией в промышленности в период перехода к нэпу. Закрытие нерентабельных заводов и фабрик, сопровождавшееся высвобождением рабочей силы, делало нецелесообразным привлечение в значительном количестве трудармейцев.

Военнослужащие 6-го трудполка Донецкой трудовой армии составили около трети рабочей силы, занятой подготовкой к пуску домны № 4 Новороссийского металлургического комбината Юзовского района[369]. После введения домны в строй трудармейцы, число которых доводится до 250 чел., остались на заводе, выполняя обязанности чугунщиков, формовщиков, вагонетчиков, кочегаров, горновых и специалистов некоторых других профессий. Еще 45 чел. использовалось на обслуживании коксовых печей Макеевского завода, 40 чел. — Труболитейного завода[370]. О роли военнослужащих в металлургической отрасли края свидетельствует постановление СТО от 15 июня 1921 г., запрещающее командованию Донецкой трудовой армии без согласования с Главным управлением Центрального правления тяжелой индустрии Юга России «отрывать с работ на заводах указанного объединения трудармейцев, как это имело место в Макеевке, где благодаря такому отзыву были остановлены коксовые печи и задержан пуск домны»[371].

На патронном заводе в Симбирске использовались роты 4-го трудбатальона отдельной трудовой бригады Поволжья. Военнослужащие 1-го трудбатальона этой же бригады обслуживали электростанцию в Казани, местное трамвайное депо, 12-го трудбатальона — завод Дюма в Царицыне[372]. Кавказской трудовой

армии были переданы машиностроительный завод Манташева (изготовление и ремонт сельскохозяйственных орудий, инструментов), деревообделочный завод «Плотник»[373]. Рота трудармейцев Центрального трудрайона в составе 113 чел. занималась производством запчастей на 2-м государственном автомобильном заводе «Фили»[374]. В Петрограде 75 военнослужащих было прикомандировано к Александровскому заводу в качестве чернорабочих вплоть до конца 1921 г.[375] Военнослужащие 3-й трудовой бригады Сибирской трудовой армии работали на спичечной фабрике «Заря» в Томске, фарфорофаянсовой фабрике в Иркутске, мельницах в Барнауле[376]. Кроме того, при штабе армии были открыты портняжная, сапожная, шорная, плотницкая мастерские[377]. Летом и осенью 1921 г. как и в предшествующий период, на оружейном заводе в Ижевске использовался 1-й батальон 4-й бригады, включенный в состав Уральского трудового района. 6-й батальон 29-й бригады этого же района был задействован на Пермских заводах Леснер, Мотовилиха[378]. Всего же, только на заводах Урала к началу осени 1921 г. работало около 6 тыс. трудармейцев[379]. Производимая военнослужащими на промышленных предприятиях продукция не указывалась в отчетности ГУТР. Поэтому судить о ее объеме мы не имеем возможности.

Весной 1921 г. с началом нового полевого сезона вновь активизируется привлечение Красной армии к сельскохозяйственным работам. 24 марта 1921 г. отдается приказ «об оказании помощи крестьянству в предстоящую посевную кампанию» на Украине, «по месту их [военнослужащих — В.Ц.] расположения... по соглашению посевкомов с командирами частей»[380]. На Украине основные работы выполнялись боевыми подразделениями и тыловыми частями округов — 1-й Конной, 4-й, 6-й армиями, Киевским и Харьковским ВО. В ходе посевной кампании ими было вспахано 77.894 дес., заборонено 3.112 дес., засеяно 67.347 дес. земли; перевезено 7.410 подвод удобрений, 92.370 п. зерна, отремонтировано 400 плугов, 137 борон, 2.215 сельхозмашин. Три стрелковые и одна кавалерийская дивизии впоследствии награждаются по постановлению Всеукраинского ВЦИК орденом Трудового Красного Знамени[381]. Украинская трудовая армия засеяла лишь 671 дес. земли[382].

Части 9-й армии Кавказского фронта в апреле—мае 1921 г. вспахали 4.919 дес. и засеяли 3.745 дес. земли[383]. В первой половине 1921 г. подразделения Сибирской трудовой армии заготовили 470.777 п. продфуража, вспахали 326.520 кв. с. земли, забороновали 271.800 кв. с., засеяли 227.020 кв. с. полей, скосили сена на 48.000 кв. с.[384]

Летом—осенью 1921 г. Красная армия привлекалась к уборочной кампании. Постановление СТО от 6 июля 1921 г. обязывало РВСР и ВЧК «издать приказы местным командованиям и штабам о предоставлении в распоряжение продорганов красноармейцев для работ по реализации урожая, в особенности по уборке и обмолоту зерновых хлебов в совхозах»[385].

В этот период частями 1-й Конной армии было вспахано 10 тыс. дес. земли, скошено 600 дес. лугов, организованно 150 кузниц для починки сельскохозяйственных орудий, перевезено 16 тыс. п. семян, посеяно 3 тыс. п. зерна. 3-я стрелковая дивизия 4-й армии убрала хлеб с 1.952 дес., 51-я дивизия 6-й армии обмолотила 10 тыс. и перевезла 13.520 снопов[386]. Донецкая трудовая армия в мае 1921 г. вспахала и заборонила 156 дес., засеяла 891 дес. земли, принадлежавшей семьям красноармейцев и беднякам[387]. Кавказская трудовая армия убрала хлеб с 4 тыс. дес. в станицах Сунженской линии и выкосила сена с 6 тыс. дес. в районе Хасавюрта. Работы производились в основном на полях, принадлежавших выселенному за сопротивление советской власти казачеству. Инженерами армии составляется проект орошения 5 тыс. дес. на участках аулов Атаги и Гойты в Чечне. Предполагалось, что земля будет сдана в аренду трудовой армии, а через год «в культурном виде» возвращена населению[388]. Военнослужащим пришлось взять на себя заботу об обеспечении водой огородов жителей Грозного, для чего инженерный полк восстановил оросительный канал длиной 11 в. Совместно с гражданским населением производился ремонт ирригационного канала Чириюрт — Шамахал в Дагестане общей протяженностью 45 в.[389]

К заготовке сена, полевым и огородным работам, уборке проса, подсолнухов привлекались части 11-го (Саратов) и 16-го (Астрахань) трудбатальонов Поволжского трудового района[390]. Сенокошением и обработкой огородов занимались трудчасти Туркестана.

Трудармейцы выполняли различные наряды НКТ Туркестана по ирригации (в Голодной степи и на Сырдарье)[391].

Важную роль в милитаризации сахарной промышленности Украины играли военно-трудовые комендатуры Правобережья. В их ведении находилось 151 «песочный» (т.е. изготавливавший сахарный песок) и 5 рафинадных заводов[392]. Функции «комсахов» (так сокращенно назывались коменданты) заключались в обеспечении заводов рабочей силой мобилизованного населения; охране предприятий, как от налетов бандитов, так и от хищений со стороны администрации и рабочих, а также реквизиций военных и хозяйственных организаций; проведении законов о милитаризации отрасли; контроле за соблюдением правил охраны труда. «Заводоуправления, завкомы, которые вначале косились на комендантов и порою относились к ним враждебно, сознали пользу комендантов и не только примирились с фактом их существования, но порою крепко держаться за своих комендантов, видя в них строгих проводников тех мероприятий, осуществить которые им не под силу, представителей твердой власти...» — указывалось в одном из отчетов частей Правобережной группы[393]. Однако с помощью военных удавалось поддерживать производство лишь на самом минимальном уровне, спасая отрасль от полного развала и гибели. В сезон 1920—21 г. заводы Правобережной Украины изготовили 4,5 млн. п. сахара — почти в 20 раз меньше, чем в предреволюционный период. Около трети произведенного было расхищено, из-за чего постановлением СТО от 8 июня 1921 г. назначается комиссия для расследования и предания суду ревтрибунала виновных[394].

Получили дальнейшее развитие в Красной армии собственные сельскохозяйственные предприятия. В 1921 г. действовало 322 военных совхоза с общей площадью более 200 тыс. дес., покрывавших 30% годовой потребности вооруженных сил в продовольствии[395]. Военные совхозы, которые не были связаны с ГУТР, продолжили существование и в дальнейшем, дожив до наших дней.

В целом же на сельскохозяйственных работах в 1921 г. использовалось до 10% личного состава собственно трудовых частей (*см.: Приложения № 17—20*). В сводной отчетности ГУТР

соответствующие данные об объеме произведенной трудармейцами продукции не указывались.

Продовольственные трудности заставили больше внимания уделять добыче рыбы силами трудовых частей. Постановлением СТО от 25 апреля 1921 г. РВСР было предложено выделить из войсковых частей 18 тыс. чел. «для доставления их на рыбные промыслы» Каспийского и Мурманского побережья[396].

В результате на побережье Дагестана перебрасывается до 1.900 трудармейцев, ранее занятых на железнодорожном транспорте и нефтедобыче; 1 300 военнослужащих 14-й, 32-й, 33-й дивизий 11-й армии. В течение года они заготовили 412 вагонов рыбы (в основном сельди), 230 тыс. п. соли, погрузили и разгрузили 2 млн. п. различных материалов и товаров, предназначенных для рыбных промыслов, очищали берег от мусора, переносили и убирали неводы, мыли засолочные чаны и т.п. В августе началось строительство Огнинской рыбовозной ветки, необходимой для транспортировки засоленной рыбы к железнодорожной магистрали[397]. Ее возведение завершается к началу марта следующего 1922 г. В ноябре 1921 г. из трудармейцев, занятых на промыслах Дагестана, формируется 1-й отдельный рыболовный полк, с которым Каспийская областьрыба заключает договор о сотрудничестве на сезон 1921—1922 г.

В Поволжье весной 1921 г. создается отдельная Астраханская трудовая бригада, обслуживавшая рыбные промыслы северного Каспия[398]. На побережье Кольского полуострова и в Мурманске дислоцировался отдельный батальон Архангельской областьрыбы. Его военнослужащие использовались не как рыбаки-специалисты, а на погрузочно-разгрузочных и др. вспомогательных работах[399]. В отчетах управления трудчастей Северной области этот вид деятельности не фиксировался в виде конкретных показателей.

Строительные работы, выполнявшиеся трудармейцами, были связаны преимущественно с заготовкой топлива и обслуживанием транспорта. В Кузнецком бассейне частями Сибирской трудовой армии к 25 октября 1921 г. сооружается 3 здания, 10 бараков, водопровод Калзагол-Бочаты и др. объекты, предназначенные для обеспечения успешного функционирования местных угольных шахт и железной дороги[400]. 10-м батальоном 4-й трудбригады

Сибирской трудовой армии производилась постройка гавани на р.Мане в районе Иркутска.

На Грозненских нефтепромыслах военнослужащие Кавказской трудовой армии возвели 8 и отремонтировали 16 буровых вышек, 56 верст паро- водо- и газопроводов, проложили газопровод к электростанции длинной 832 п.с., выполняли текущий и капитальный ремонт жилых и хозяйственных построек. Трудармейцы связали Грозный телеграфом с селами Ведено и Шатой, расположенными в горных районах Чечни; некоторыми станицами Сунженской линии, являвшимися местами дислокации частей Кавтрудармии[401].

Летом и осенью 1921 г. 2-й батальон 10-й бригады Уральского трудрайона строил подвесную канатную дорогу в районе Златоуста, рота специалистов — аэродром в Кургане[402], отдельные подразделения участвовали в сооружении электростанции в Кизеле.

На строительстве Каширской электростанции работал 12-й батальон 2-й бригады Центрального трудового района. Помимо неквалифицированной рабочей силы из его состава выделялись плотники, столяры, каменщики, кровельщики для возведения срубных домов, цейхгауза, крыш[403].

Кроме того, военнослужащие в 1921 г. добывали торф (Урал, Сибирь, Север, Правобережная группа Украинской трудовой армии), камень (Донбасс), соль (Урал), выполняли «мелкие наряды по городам» (Туркестан) и мн. др. Целостное и всеобъемлющее представление о результатах работы трудармейцев, так же как и раньше, составить сложно. Только в отчетах Сибирской трудовой армии за первую половину 1921 г. содержатся сведения по 126 видам хозяйственной деятельности, большинство из которых не поддается суммированию.

Привлечение населения к трудовой повинности с помощью трудчастей широко практиковалось только в первые месяцы 1921 г., затем постепенно сойдя на нет.

Об особенностях использования трудармейцев при проведении трудовых мобилизаций можно судить по отчетам инструкторов Управления трудчастей Туркестана за первую половину 1921 г. Так, в начале года возникла необходимость в расчистке от снега железнодорожного пути в районе г.Черняево. Железнодорожное ведомство подало заявку на 1.250 человек, которые должны

были быть распределены по 11 участкам по 50—250 человек в каждом. Для проведения мобилизации создается чрезвычайная тройка, члены которой вместе с восемью инструкторами всеобуча, двадцатью конвоирами выезжают в населенные пункты, прилегающие к магистрали. Привлекаемые к трудовой повинности граждане принимались на участках представителями трудовых частей, разбивались на взводы, на них распространялись «все положения, применяемые в рабочих полках»[404]. На железнодорожную администрацию возлагалось обеспечение мобилизованных помещениями, топливом, продовольствием, а также общее техническое руководство работами. Управление трудовых частей выделило 19 человек комсостава и 50 конвоиров. Мобилизация в целом прошла удовлетворительно. Однако при организации расчистки железнодорожных путей пришлось столкнуться с трудностями, показавшими всю ограниченность возможности широкого и регулярного использования принципов всеобщей трудовой повинности для решения хозяйственных задач. Как свидетельствовал инструктор-инспектор Б.М.Шадрин, «Вся беда заключалась в том, что мобилизованное население по прибытии на пункты стремится разбегаться по домам, несмотря на предупреждение о строгой каре за труддезертирство»[405]. Мобилизованным не хватало теплых помещений, кипятка. Паек в размере 1,5 фунтов хлеба и 0,5 фунта мяса в день на человека не компенсировал физических затрат при тяжелой работе на холоде. Администрация считала допустимым использовать мобилизованных по любому назначению — на очистке курятников, заготовке дров для личных нужд служащих и т.п., что вызывало естественные нарекания командиров трудчастей.

На Урале красноармейцы привлекались к борьбе с дезертирством мобилизованного гражданского населения во время весеннего лесосплава. Так, в апреле 1921 г. вятский губисполком настоятельно просил не снимать 17-й запасной полк с охраны трудмобилизованных иначе «сплав 300 тыс. кубов будет сорван»[406].

В это же время подразделения, находящиеся в ведении лесных военно-трудовых комендатур Правобережной группы Украинской трудовой армии, занимались мобилизацией гражданского населения на лесозаготовки. Например, шесть взводов Черниговской комендатуры обеспечивали работу 12 тыс. чел. весной

1921 г. В Уманской комендатуре во второй половине апреля использовалось 817 трудармейцев, 923 «учетников» и 1.530 гражданских[407].

Существенно сокращается участие военнослужащих в трудовых мобилизациях с середины 1921 г., что следует связать с началом сельскохозяйственных работ, низкой эффективностью предыдущих мобилизаций, отсутствием достаточных запасов продовольствия, высвобождением рабочей силы в результате закрытия ряда предприятий, а позднее — с изменениями в трудовой политике при переходе к нэпу. Мобилизации и регистрации лета—осени 1921 г. не отличались большими масштабами и касались, прежде всего, некоторых категорий квалифицированных специалистов.

Например, в 1-й РАТ (Уральском трудовом районе) еще в феврале 1921 г. гражданские составляли 27% по отношению к общему числу трудармейцев. В марте их количество сократилось до 2%, в апреле до 1%, а с мая свелось к нулю[408]. В Центральном трудовом районе в ноябре 1921 г. «вольнонаемные» отработали лишь 3 362 ч.д., или 1,4% от общего числа затраченных человеко-дней.

Трудовыми мобилизациями занимались не только трудовые части, но и в небольшом объеме строевые подразделения Красной армии. На 1 сентября 1921 г. в Петроградском ВО для выполнения трудгужповинности было привлечено 147, в Московском ВО — 561, в Сибири — 90 военнослужащих. В остальных военных округах красноармейцы для этой цели не использовались[409].

О распределении военнослужащих по видам хозяйственной деятельности в целом могут дать представление следующие цифры. На 1 мая 1921 г. из 214.556 трудармейцев на заводах было занято 10.771 (5%), топливе — 26.056 (12,1%), лесозаготовках — 30.717 (14,3%), армейских складах — 5.763 (2,7%), железной дороге — 64.257 (29,9%), работах комгосора — 9.002 (4,2%), обслуживании военного ведомства — 11.823 (5,5%), заготовке продовольствия — 7.585 (3,5%), разных работах — 43.585 (20,3%)[410]. 22 июля 1921 г. СТО принимает постановление, в соответствии с которым предписывалось расформировать в течение двух месяцев трудчасти, выполняющие задания военного ведомства (2.588

чел.), продорганов (6.575 чел.), и «разные мелкие работы» (27.616 чел.)[411].

На начало октября 1921 г. распределение военнослужащих изменилось так (за вычетом занятых на самообслуживании части): транспорт — 31,3%, топливо — 36,9%, военное ведомство — 12,1%, продработа — 10,1%, разные работы — 9,7%[412] (*см., также: Приложения № 18, 19*).

В Центральном трудовом районе в ноябре 1921 г. 93,9% трудовой наличности использовалось уже только на топливе и транспорте[413]. Аналогичная ситуация наблюдалась и в других районах (*см.: Приложение № 20*). В это время уже 77,8% работающих трудармейцев занимались обслуживанием транспорта и заготовкой топлива. Заключенные с хозяйственными организациями в конце 1921 г. договора касались почти исключительно этих двух видов работ (*см.: Приложение № 21*).

Таким образом, прослеживается тенденция, связанная с уменьшением использования трудчастей на второстепенных направлениях хозяйственной деятельности, исключением возможности распыления военнослужащих по мелким нарядам различных учреждений. Еще одна особенность, отмеченная в итоговом обзоре деятельности трудовых частей, заключалась в том, что «произошла специализация районов по работам: Северный — лесозаготовки и транспорт, Донецкий — каменный уголь, Кавказ — нефть и так далее»[414].

Можно отметить увеличение в сравнении с 1920 годом **трудовой наличности**, чему способствовала более рациональная организация трудовых частей, освобождение их от выполнения большинства боевых задач, стремление свести к минимуму обслуживающий персонал и командный состав.

В 1921 г. трудовая наличность трудчастей Туркестана колебалось от 40 до 46%. Невыход на работу объяснялся преимущественно болезнями (8—10%), самообслуживанием (26—33%), отсутствием обмундирования и обуви[415]. Непрерывно возрастала трудовая наличность Сибирской трудовой армии (*см.: Приложение № 22*). В период с января по октябрь 1921 г. непосредственное участие в работе принимало в среднем около 40% ее личного состава. В Уральском трудовом районе в среднем выходило на работу в течение 1921 г. 44% личного состава, что почти в 2 раза

превысило показатели 1920 г. (*см.: Приложение № 23*). В равной степени это относится и к другим трудовым районам (*см.: Приложение № 24*).

Осенью 1921 г. ставится задача довести количество военнослужащих, занятых самообслуживанием до 14%, фактически работающих до 75%, за счет назначения больных и необмундированных в наряды, замены караулов дневальными и сторожами и вообще сокращения всех видов деятельности, не связанных с производством. Повысить используемую трудовую наличность заставлял переход трудчастей на хозрасчет. В ноябре—декабре эта задача во многих трудовых районах отчасти была реализована. Так, в Донецкой трудовой армии в декабре 1921 г. работало уже 72% личного состава[416], в Северном трудовом районе — 52%[417].

Необходимо отметить, что **производительность** труда военнослужащих в 1921 г. была выше, чем в 1920 г., прежде всего, за счет опыта, приобретаемого в результате длительной работы на одном месте. Например, военнослужащие, занятые на сплаве в Уральском трудовом районе, с течением времени «перещеголяли по знакомству с делом и производительности специалистов-сплавщиков»[418]. На лесозаготовках производительность составила 0,21 к.с. в день, что в 1,75 раза превысило показатели 1920 г.[419] Однако к концу 1921 г. из-за замены личного состава эффективность работы трудармейцев начала вновь снижаться, произошла, по словам командующего, «деквалификация армии»[420]. В Центральном трудовом районе летом—осенью 1921 г. производительность колебалась от 0,17 к.с. до 0,38 к.с. дров в день, в Северном — от 0,22 к.с. до 0,5 к.с.[421] Производительность военнослужащих Сибирской трудовой армии была вполне сопоставима с показателями гражданских рабочих, лишь немного им уступая (*см.: Приложение № 25*).

В Донецкой трудовой армии трудармеец добывал за смену от 54,7 до 188,1 п. угля (*см.: Приложение № 26*). В качестве сравнения можно привести данные по производительности горнорабочего Донбасса за вторую половину 1921 г.: июль — 85 п., август — 121 п., сентябрь — 215 п., октябрь — 365 п., ноябрь — 414 п., декабрь — 465 п.[422] Очевидно, что показатели периода кризиса лета — начала осени 1921 г. примерно одинаковые. С нормализацией

общей обстановки в отрасли, сразу же сказались преимущества, которыми обладали профессиональные шахтеры в сравнении в трудармейцами. На Урале ежедневная добыча угля на одного трудармейца колебалась в августе—октябре 1921 г. от 106 п. до 135 п.[423] На гражданского горнорабочего в это же время здесь же приходилось от 386 п. до 554 п. в день[424]. В данном случае речь идет о среднем объеме добычи на человека включая вспомогательный персонал. Непосредственно же забойщики из числа трудармейцев добивались спустя два-три месяца после начала работы показателей примерно таких же как и у профессионального шахтера.

В целом производительность труда на лесозаготовках, в каменноугольной промышленности неуклонно возрастала, достигнув наивысших результатов осенью 1921 г. (*см.: Приложение № 27*). Несколько хуже были показатели в периоды смены личного состава, а также в том случае, если военнослужащие разделялись на мелкие группы, разбросанные по большой территории, как это наблюдалось в Правобережной группе Украинской трудовой армии. Здесь производительность в октябре 1921 г. составляла в среднем 60% нормы[425].

Одним их факторов, препятствовавшим дальнейшему повышению эффективности использования трудармейцев, являлось по-прежнему слабое их снабжение основными видами довольствия. Ситуация оставалась в 1921 г. столь же сложной, как и в предшествующий период, а по некоторым параметрам даже изменилась к худшему. Государство не имело достаточных ресурсов для того, чтобы обеспечить красноармейцев нормальным питанием и обмундированием. ГУСТ получал все виды довольствия от военного ведомства в последнюю очередь, только после удовлетворения запросов строевых подразделений, с большими перебоями. На сокращение поставок повлиял также неурожай, вызвавший общее ухудшение продовольственной ситуации в стране.

На Урале хлебный паек в начале 1921 г. сокращается с 45 фунтов до 36, а затем до 25 фунтов в месяц[426]. Такой паек едва позволял избежать полного истощения организма и голодной смерти. В 4-й бригаде Уральской трудовой армии военнослужащие регулярно получали только хлеб и рыбу, а остальное «от случая

к случаю»[427]. В 10-й бригаде выдавали только 1 фунт хлеба на человека в день[428].

В первые месяцы 1921 г. военнослужащие Донецкой трудармии получали по 2 ф. хлеба в день и приварок (мясо, крупу, жиры). Летом нормы выдачи снизились до 1,5 ф., а в некоторых местах даже до четверти фунта хлеба в день[429]. Перестали отпускать приварок, в связи с чем пищу не готовили на общей кухне. В 11-м отдельном трудовом батальоне Украинской трудовой армии выдавали в начале сентября 1921 г. по 1 ф. хлеба, 5 зол. сахара и 3 зол. соли в день. Прием пищи заключался в том, что трудармейцы брали хлеб, посыпали его сахаром и ели[430].

Допускались серьезные перебои в снабжении трудармейцев продовольствием в Сибирской трудовой армии, на что содержаться прямые указания в оперативных приказах 1-й бригады. В приказе № 2 отмечалось, что по вине технического управления новостройки произошла «маленькая заминка» в снабжении трудармейцев[431]. О том, насколько сложным было положение с питанием трудчастей, свидетельствует один из параграфов оперативного приказа № 1, в котором командирам предлагалось организовать сбор дикого лука, щавеля, колбы в качестве «санитарной меры». Употребление в пищу растений должно было компенсировать нехватку витаминов в рационе. Тем не менее, спустя месяц в оперативном приказе № 2 упоминается об увеличении заболеваемости цингой в частях бригады. В оперативном приказе № 3 от 20 июля 1921 г. констатировалось, что «продовольственный кризис — самое страшное оружие в руках нашего противника — хозяйственной разрухи, потеснил наши части на новостройке и принудил их отойти на линии прежних норм выработки ... дальнейшее отступление по всему фронту продолжается»[432].

Цинга, малокровие, общее истощение отмечаются среди военнослужащих Кавказской трудовой армии. Весной—летом 1921 г. здесь перестали выдавать приварок (овощи, мясо, жиры), хлебный паек сократился до 1 ф. на человека в день.

Случаи цинги отмечаются в 4-й бригаде Центрального трудового района[433]. В значительно лучшем положении находились трудармейцы, занятые строительством Каширской электростанции. Они получали в день от 2 ф. до 4 ф. хлеба, ½ ф. мяса или рыбы, ¾ ф. крупы, несколько золотников сахара, чая, кофе, соли,

сушеных овощей[434]. Как критическое оценивалось положение со снабжением трудармейцев Большим Президиумом Петроградского губернского совета в марте 1921 г.[435]

Иногда трудности создавались из-за бесхозяйственности учреждений, использовавших военнослужащих. Так, Архангельская область рыба предъявила запрос на 3 тыс. трудармейцев для обслуживания рыболовных промыслов Мурманского побережья. Однако уже по прибытии 1-го эшелона на место выяснилось, что реальная потребность не превышает 650—700 чел. Командованию пришлось срочно разыскивать учреждения, которые согласились взять бы на довольствие военнослужащих и дать им хоть какую-то работу. По этой причине около 1 500 трудармейцев в течение нескольких дней не получали питания[436].

Регулярно возникали проблемы со снабжением трудармейцев обмундированием, что объяснялось, во-первых, обеспечением со стороны военного ведомства по остаточному принципу, во-вторых, быстрой изнашиваемостью одежды и обуви на таких работах как добыча угля, нефти и др. Для регулярного использования более подходила бы не военная форма (изготовленная в то время из материала низкого качества), а спецодежда. Однако последняя трудармейцами почти не получалась. В-третьих, отрицательную роль играла периодическая сменяемость личного состава. Демобилизованные уносили с собой недавно выданное обмундирование, а передаваемые из военного ведомства красноармейцы опять же прибывали раздетыми и разутыми.

В Кавказской трудовой армии к 1921 г. иссякли запасы 8-й армии, которыми удавалось обходиться в предшествующий период. К сентябрю командование сумело дополнительно получить в общей сложности 2 тыс. пар обуви, 8 тыс. комплектов гимнастерок, 10 тыс. — белья, 9,5 тыс. шаровар, 10 тыс. лаптей. Этого оказалось крайне мало, учитывая, что, во-первых, военнослужащие использовались на тяжелых грязных работах, и, во-вторых, прибывающие пополнения ничего не имели. В результате, по словам начальника снабжения армии, в свою трехлетнюю годовщину, отмечавшуюся в сентябре 1921 г., (отсчет велся от создания 8-й армии), Кавказская трудовая армия «выйдет на парад босиком». К тому же получаемое обмундирование не отличалось высоким качеством: белье «из редкого миткаля и пошито по

каким-то странным декалам, так что еле лезет на трудармейца»[437]. В целом же некомплект шинелей в армии составлял 75%, обуви — 60%, гимнастерок — 65%, нательного белья — 80%[438].

В частях Уральского трудрайона ощущался «острый недостаток обуви и обмундирования», что приводило к «громадному невыходу на работу»[439]. Гимнастерками трудармейцы были обеспечены на 59%, брюками — на 43%. Однако, имеющееся обмундирование в значительной степени находилось в негодном к носке состоянии[440]. В Кизеловских копях возвращавшиеся с работы трудармейцы передавали грязное обмундирование заступавшей смене. Пополнения также прибывали необмундированными[441].

Перебои в снабжении оставались одной из главных проблем трудчастей Туркестанского фронта на протяжении всего периода их существования. Из-за отсутствия обуви, обмундирования, нехватки конвоиров имели место частые побеги штрафников. На копях Сулюкта трудармейцы ходили, как правило, в единственной несменяемой одежде, являвшейся одновременно и нижним и верхним бельем, и которая «от непрерывного и длительного ношения сделалась от грязи как бы просмоленной»[442]. За отсутствием обуви «сотни трудармейцев остаются неиспользованными при наличии нарядов на работу», — сообщалось в докладе управления трудчастей войск Туркфронта[443].

В трудовых полках Донецкой трудовой армии недостаток брюк и гимнастерок колебался от 50 до 100%, кожаной обуви — от 5 до 25%, телогреек — от 30 до 85%, шинелей — от 1 до 50%. Нехватку обуви пытались компенсировать плетением из пеньки веревочных чуней. Как отмечалось в докладе о состоянии санитарной части армии, «у многих трудармейцев от работы в сырых и грязных шахтах при отсутствии прозодежды на теле остались лишь лохмотья». По причине отсутствия мыла, сменной одежды развивались кожные заболевания, тиф[444].

Обмундирование в 4-й трудбригаде Центрального трудового района имело 24%, обувь — 19%, белье — 28% личного состава. Остальные были «раздеты, босы в полном смысле этого слова»[445].

В Сибирской трудовой армии весной 1921 г. военнослужащие были обмундированы в среднем на 40%, в том числе обеспеченность шинелями составляла 30%, шароварами — 29%, обувью — 50%, нательным бельем, валенками — 40%[446]. Из пополнений

1890—92 г.р. лишь 10—12% имели годную к носке одежду и обувь.

Августовское совещание командующих трудовых частей признало положение со снабжением «весьма тяжелым»[447]. Обращение за помощью к военному ведомству не вызывало надлежащего отклика. Начальник ГУСТа в конце июля 1921 г. встретился с заместителем главного начальника снабжения Красной армии Янушевским. Последний заявил, что «почти все наличие как в складах, так даже и готовое в производственных органах [обмундирование] уже распределено между войсками»[448].

Далекими от идеальных являлись условия расселения и организация быта трудармейцев. Военнослужащие Донецкой трудовой армии, работавшие на шахтах, размещались в казармах — каменных одноэтажных зданиях при рудничных поселках. Первоначально эти помещения (в каждом трудовом полку их насчитывалось от 3 до 14) не были пригодны для жилья. Затем постепенно они переоборудовались усилиями самих трудармейцев. Стены казарм регулярно белились. Однако чистыми они оставались только в течение следующих 3—4 дней, после чего покрывались слоем приносимой с работы угольной пыли. От 15% до 50% окон не имели стекол и были забиты досками или фанерой[449]. Постельные принадлежности заменяло обмундирование. Полностью отсутствовали столы, вешалки, шкафы, полки. Умываться трудармейцам приходилось около казарм из котелков. Отхожие места находились в запущенном состоянии[450].

В трудчастях Туркестана на копях Сулюкта в казармах протекала крыша, поэтому для защиты от дождя над нарами подвешивались железные листы, жилище через ветхий потолок наполнялось водой, «превращая земляной пол в лужу грязи». Постельными принадлежностями обеспечивались только госпитали и больницы.

О том, в каком незавидном положении находились трудармейцы, работавшие на угольных копях Черемховского бассейна, рассказывается в корреспонденции, посвященной инспекционной поездке комиссара 4-й бригады Сибирской трудовой армии: «В бараке полумрак, недавно выбеленный, он кажется странно чистым, и резким контрастом выступают на фоне белых стен трудармейцы своими черными от угольной пыли лицами и одеждой...

много было тяжелого в том, что говорили трудармейцы. Много раздетых ходит на работу ввиду недостатка обмундирования. В бараке невозможно жить — загрызают клопы... Спят под открытым небом, а на дворе осень. По два месяца задерживают премию». Мыло не выдавалось уже 4 месяца — «грязные, черные, и нет возможности вылезть из этой грязи. С непривычки тяжелая работа и норма, мрачные сырые шахты, безобразное освещение, плохой инструмент, дома голод, разорение. С ними мало беседуют, никто к ним не ходит, они брошены, забыты. Много еще горьких истин услышал комиссар из уст трудармейцев. Лилась жалоба, но не было в ней гневных, раздраженных звуков...»[452]. В гарнизонах Омска, Барнаула, Семипалатинска трудармейцы располагались «по полуразвалившимся старым баракам»[453]. Также неудовлетворительно было организовано размещение трудармейцев Кузнецкого бассейна — на нарах в вагонах-теплушках, без постельных принадлежностей, общей кухни[454].

Постельных принадлежностей не было и в частях Кавказской трудовой армии (за исключением курсантов): «люди спят, имея под себя и поверх себя лишь одну шинель, которая имеется не у всех»[455]. Военнослужащие устраивались в казармах, бараках, палатках или же по обывательским квартирам в Грозном. «Кухни не лужены, — сообщал начальник снабжения армии, — не хватает котлов для варки пищи, совершенно нет котелков и баков, кипятильников, чайников и кружек»[456].

Во 2-й бригаде Центрального трудового района трудармейцы, как показало обследование, проведенное политсекретариатом, «находятся совершенно не в оборудованных помещениях — выбиты стекла, нет печей, нет дров, нет нар, и валяются на грязных полах без постельных принадлежностей»[457]. Такая же ситуация наблюдалась в 11-м трудбатальоне Украинской трудовой армии — половина трудармейцев спала в казарме на полу не имея не только постельных принадлежностей и одеял, но и шинелей[458].

Военнослужащие трудчастей Урала размещались в казармах, вагонах, земляных бараках, лагерных палатках, частично — по квартирам местных жителей. Состояние помещений, в которых красноармейцы были расквартированы, в подавляющем большинстве не соответствовало санитарно-гигиеническим нормам[459].

Обеспеченность постельными принадлежностями летом 1921 г. составляла 13%[460].

В несколько лучшем положении находились работавшие на лесозаготовках, как в Сибири, так и в других районах страны, располагавшиеся в частных домах близлежащих селений по несколько человек. Дополнительным преимуществом этих трудармейцев являлась возможность подработать в свободное время у хозяев за продукты.

Вряд ли с такими условиями в течение продолжительного периода согласились бы мириться гражданские рабочие. Опыт Донбасса, Петрограда, других промышленных центров показывал, что при перебоях со снабжением представители «класса-гегемона» бастовали, прогуливали, или же просто покидали предприятия, уходя в деревню. В этом случае трудармейцы могли послужить им заменой хотя бы на некоторое время. Однако проблемы с обеспечением различными видами довольствия, организацией нормальных условий жизни и быта существенно снижали производственный потенциал трудовых частей. Можно вполне согласиться с начальником снабжения Сибирской трудовой армии, считавшим, что «существование трудармии при условиях неснабжения ее 100% невозможно, т.к. трудармия, как и армия на боевом фронте будет тогда работоспособна, и с успехом выполнит возложенные на нее задачи, когда она будет обута, одета и сыта»[461]. На эти же факторы обращало внимание и командование Донецкой трудовой армии, указывавшее, что трудармейцам приходилось после смены ложиться на голые доски в грязной одежде, причем «такое явление повторяется изо дня в день». Т.к. военнослужащие не имели возможности нормально отдохнуть, не следовало ожидать от них производительности труда более высокой, чем у гражданских рабочих[462]. Попытка централизации системы снабжения путем ее передачи из ведения отдельных армий, военных округов в специально создаваемый орган — ГУСТ, не увенчалась успехом по причине отсутствия достаточных ресурсов. Деятельность ГУСТа во многом сводилась к решению различного рода организационных вопросов: выработке норм обеспечения инструментами, помещениями, продовольствием, вооружением; составлению смет на вторую половину 1921 г. и 1922 г.; урегулированию принципов взаимоотношений с различными

учреждениями — НКП, НКФ, наркоматом по военным делам; укомплектованию собственных штатов и т.п.

Двойственное положение трудовых частей, связанное с их принадлежностью к военному ведомству по принципам организации, комплектованию, снабжению, и подчиненность во всех остальных вопросах НКТ, создавали неопределенность в отношении многих вопросов, касающихся их повседневной жизни и деятельности.

Защите интересов трудармейцев должно было способствовать их включение в профсоюзные объединения, объявленное постановлением ВЦСПС № 104 от 20 июля 1921 г.[463] Реализация постановления столкнулась с серьезными препятствиями, заключавшимися в незнакомстве самих военнослужащих с формами и принципами профсоюзной работы, а также в нежелании местных организаций брать на себя обузу в лице трудовых частей. Циркуляр ВЦСПС от 13 сентября 1921 г. предписывал принять меры «к устранению крайне распространенного явления, когда трудчасти оказываются жертвой вольных или невольных комбинаций агентов работодателей, которые, пользуясь неопытностью трудармейцев и подневольностью их труда или вовсе его не оплачивают или выдают вознаграждение по своему усмотрению, нерегулярно, в виде подачек и этим убивают всякую заинтересованность в исполняемой работе»[464].

Еще один путь решения проблемы — обеспечение трудчастей за счет учреждений, по заданию которых они работают. Постановление СТО, принятое 13 июля 1921 г., предписывало: «С 1 сентября снять с довольствия Главснабподарма и передать на гражданское снабжение трудчасти Украины (включая Донбасс), Петроградского военного округа и Поволжья... С 1 октября передать на гражданское снабжение все трудчасти повсеместно»[465].

Реально ситуация начинает меняться лишь с октября 1921 г. в связи с попытками перевода трудчастей на хозрасчет. После чего заключаются договора о переходе трудармейцев на пищевое, вещевое, квартирное, денежное довольствие работодателей, что, конечно, сделало условия жизни и деятельности военнослужащих более приемлемыми.

15 октября 1921 г. на натуральную оплату переходит Донецкая трудовая армия, что резко улучшило ее обеспечение продовольствием. Забойщик стал, пусть и с задержками, получать до 12 ф.

хлеба в день. Обмундирование теперь приобреталось в счет зарплаты. Излишки хлеба менялись на другие необходимые продукты.

В 3-й бригаде Центрального трудового района вводится премирование в размере 5 тыс. руб. за 1 к.с. дров. Начинают создаваться кооперативы для обслуживания нужд трудармейцев. Заработанное поступает в общий котел и опять же расходуется на приобретение продуктов. Также проводятся сложные обменные операции, вызванные обесценением денег: полученные из Центра 400 п. керосина обменяли на 400 п. ржи, рожь обменяли на 600 п. соли, а соль в свою очередь на 900 п. муки[466]. В некоторых местах в качестве вознаграждения выдавалась произведенная продукция.

Введение хозрасчета в то же время резко снизило заинтересованность ведомств в являвшейся до этого фактически бесплатной рабочей силе. Ранее сделанные заявки были пересмотрены (*см.: Приложения № 21, 29, 30*). Заключаемые с хозяйственными органами договоры предусматривали определенные выплаты за конкретный результат работы в определенный промежуток времени. Например, соглашение, подписанное между управлением трудчастями Северной области и производителем работ 2-го Гатчинского подрайона Петроградского губтопа содержало обязательство последнего выплачивать за каждую заготовленную кубическую сажень дров по 125 тыс. руб., погруженные в вагон 5 саженей — 130 тыс. руб. Из этой суммы 86 тыс. руб. выдавалось продовольствием: 10 ф. хлеба, 1 2/3 ф. рыбы или мяса, 16 зол. сахара и др., остальное — деньгами[467].

В договорах 2-й трудовой бригады Центрального трудрайона с железскомом Московско-Казанской железной дороги предусматривалась оплата в размере 168 тыс. руб. за 1 к.с. дров, с начальником Нарофоминского производственного района — 150 тыс. руб. за 1 к.с.[468] Первый из указанных договоров был подписан на срок с 15 декабря 1921 г. по 1 июня 1922 г., второй — с 21 ноября по 31 декабря 1921 г. В некоторых соглашениях отмечалось, что численность командного состава, больных, находящихся в отпуске, под арестом и проч. не участвующих непосредственно в работе не должна превышать определенного процента от общего количества трудармейцев (в различных договорах фигурируют цифры от 6% до 25%); сообщалось о возможности пересмотра условий при изменении рыночных цен на дрова;

приводились обстоятельства, при которых производятся поощрения и взыскания военнослужащих; фиксировался порядок обжалования при нарушении договора и др. В общем, подписываемые документы были в значительной степени коммерческими контрактами, подробно оговаривавшими взаимные права и обязательства. Поэтому отпадала нужда в сохранении военной организации трудовых частей, служившей, по мнению многих подрядчиков, излишней обузой. Например, 1-я отдельная трудовая бригада Северной области заключила соглашение с железскомом на распиловку дров на участке железной дороги в районе станций Вологда — Ростов. Железком передал подряд частному контрагенту. Последний же, получив в свое распоряжение трудармейцев, заявил, что ему нужны исключительно рабочие, а не комсостав. Для контроля и учета ему достаточно своих десятников[469].

Подразделения, которые не смогли заключить договоров, оказались в критическом положении. В частности, на Урале перевод на хозрасчет закончился неудачей, т.к. трудчасти с самого начала не смогли составить достойной конкуренции появившейся при переходе к нэпу избыточной вольнонаемной рабочей силе. В конце 1921 г. окружное управление Уральского трудового района создало комиссию по выяснению состояния трудчастей, изучению возможности их перевода на хозрасчет, степени обеспеченности работой. В это время трудовые части Урала насчитывали 4.153 человека. Из них по трудовым заданиям работало 860 или 20,7% личного состава, в переброске находилось 5,7%. Остальные 73,6% не работали в основном из-за отсутствия одежды и обуви. Имелись случаи отказа от услуг трудармейцев[470]. Комиссия Уралэкономсовета выяснила, что себестоимость заготовки 1 к.с. дров трудармейцами составляла 582 тыс. руб., а вольнонаемными рабочими — 64 тыс. руб. «Вне конкуренции» оказался труд местного крестьянства, пострадавшего от неурожая и нуждавшегося в дополнительном заработке[471]. Соответственно о проведении хозрасчета не могло быть и речи.

В целом же в большинстве районов хозяйственные органы, хотя и в ограниченном объеме готовы были продолжать сотрудничество с ГУТР. Воинская организация трудчастей имела значение для поддержания дисциплины. Все прочие атрибуты принадлежности трудармейцев к Красной армии постепенно сводились

к минимуму. Дальнейшее развитие ситуации зависело уже от позиции Центра относительно будущего трудовых армий.

* * *

Подводя итоги, необходимо отметить, что в течение 1920 г. трудовые армии добились наибольших успехов в восстановлении транспортной инфраструктуры — железных дорог, мостов, телефонно-телеграфных линий, нефтепроводов, ремонте паровозов и вагонов. Несомненно значение вооруженных сил в проведении продразверстки. В остальном же их вклад в решение хозяйственных задач был достаточно скромен. На низком уровне сохранялись объемы производство угля и нефти, металлов и товаров первой необходимости, продукции земледелия и животноводства, грузооборот железнодорожного транспорта. Труд военнослужащих был во многом порождением и органической частью системы военного коммунизма и в таком качестве не мог повлиять на ее пороки, мешавшие налаживанию нормальной экономической жизни.

Следует указать и на более эффективное использование трудовых частей в 1921 г. После выхода из непосредственного подчинения военного ведомства трудовые соединения перестали рассматриваться как резерв Красной армии, который можно было в любой момент снять с работ, перебросить, переформировать. Появилась возможность привлекать их к трудовой деятельности на относительно регулярной основе, изменять структуру в направлении приспособления к производственным процессам. Меры по объединению управления трудчастями, установлению однотипных организационных форм, сосредоточению на выполнении только некоторых видов работ сыграли положительную роль в повышении трудовой наличности и производительности труда военнослужащих. Трудовые части обеспечивали в течение 1921 г. от 6,7% (Донбасс) до 12,5% (Урал) добываемого угля, 7,65% нефти, от 5% до 13% заготовки дров в различных регионах страны. По другим видам работ подсчет затруднен из-за дефектов отчетности, отсутствия сводных данных за сколько-нибудь длительные промежутки времени.

Однако предпринимаемые шаги имели известные ограниченные пределы, обусловленные объективными факторами. Во-первых,

отрицательное влияние на деятельность трудовых частей оказывал, образно говоря, «низкий КПД» экономики военного коммунизма. Простое наращивание объемов заготовок дров, угля, нефти силами трудовых армий мало что меняло, т.к. не решалась проблема рационального использования полученного топлива и сырья. В качестве примера можно привести ситуацию на железнодорожном транспорте, сложившуюся в данный период. Расход топлива на 1 паровоз превышал в 1921 г. довоенные нормы по дровам в 2 раза, углю — 1,61 раза, нефти — 1,93 раза. Фактические же затраты были еще выше. В 1913 г. в Сибири действовало 1.117 паровозов, в 1921 г. — 556. На 1 паровоз в 1913 г. тратилось 52.900 п. угля и 6 к.с. дров, в 1921 г. соответственно 81.700 в. и 28 к.с. При этом пробеги паровозов сократились в три раза. Т.е. фактически на единицу пройденного пути расходовалось едва ли не на порядок больше топлива, чем до революции. Причина столь большой разницы заключалась в том, что «огромная доля топлива на железных дорогах расхищается всеми кому не лень и все это идет в счет НКПС»[472].

Экстенсивный характер экономики военного коммунизма порождал едва ли не ажиотажный спрос на рабочую силу со стороны различных хозяйственных учреждений. Громадные заявки, не подкрепленные разумными экономическими обоснованиями, сделанные «на глазок» или «с запасом», было проще удовлетворить за счет трудармейцев, чем что-то менять в самой системе. Скованным дисциплиной военнослужащим, в отличие от гражданских рабочих сложно было открыто выразить свое недовольство условиями труда, размещения, питанием. Их можно было беззастенчиво эксплуатировать, ни за что при этом не отвечая. Ценность трудармейцев осознавалась лишь тогда, когда для администрации предприятий и учреждений они становились не вспомогательной, а основной рабочей силой, без которой производство могло остановиться, под угрозой находилось само существование отрасли, например, на шахтах Донбасса, в нефтяной промышленности Грозного.

Во-вторых, одной из главных причин, мешавшей использованию армии на трудовом фронте являлся способ комплектования, который лежал в ее основе. Принудительно мобилизуемый трудармеец не мог показать высокую производительность в течение

длительного периода. К тому же его работа лишь в незначительной степени была связана с материальным вознаграждением, пропорциональным затраченным усилиям. Но и при нормальном снабжении, премировании за выполнение заданий, возможности повышения эффективности работы военнослужащих являлись ограниченными. Как показывал опыт, трудармеец, удовлетворив свои весьма скромные потребности в еде и пище, далее переставал интересоваться увеличением заработка. У связанного с домом и семьей гражданского рабочего в этом отношении стимулов было гораздо больше. Добиться же эффективного труда, опираясь на энтузиазм, моральное стимулирование в течение сколько-нибудь продолжительного времени было невозможно.

Практика продемонстрировал, что существенный успех при использовании воинских частей на трудовом фронте мог быть достигнут при следующих условиях: четкое взаимодействие с хозяйственными органами, нуждающимися в рабочей силе; формирование постоянного, не подлежащего замене «кадра» трудармейцев, который получил бы со временем необходимый минимум производственных навыков; обеспечение частей всеми видами довольствия, а также премиальными пайками; тщательный контроль за работой военнослужащих. Как правило, ни одно из названных условий не соблюдалось должным образом.

В целом же трудовые части показали свою действенность именно как чрезвычайное «пожарное» средство решения экономических проблем в условиях, когда других методов было недостаточно, резервом на случай непредвиденных обстоятельств. Так, в конце 1921 г. мотивируя необходимость сохранения Донецкой трудовой армии, Л.Г.Шапиро в докладе на имя И.В.Сталина обращал внимание на то, что каменноугольная промышленность не застрахована от повторения кризиса лета 1921 г. по причине популярности лозунгов меньшевиков и националистов среди рабочих. В таком случае проблему решит присутствие трудармейцев, «дисциплинированных, не способных ни на какие забастовки и в нужный момент могущих заполнить ту брешь, которая образуется с уходом специалистов горняков»[473].

Как и в предыдущий период, трудовым частям удавалось отчасти компенсировать издержки политики военного коммунизма, характеризовавшейся низкой эффективностью управления

экономикой, незаинтересованностью основной массы работников в результатах своего труда и прочими известными явлениями, которые довели отдельные отрасли народного хозяйства едва ли не до уровня XVIII века. Их использование также признавалось более успешным в сравнении с привлечением мобилизованного гражданского населения. Разбегавшиеся при малейшей возможности крестьяне на фоне скованных военной дисциплиной трудармейцев как источник массовой рабочей силы смотрелись в гораздо менее выгодном свете. Однако задачи, поставленные перед трудовыми соединениями постановлением СТО от 30 марта 1921 г., нельзя признать в полной мере выполненными. Они не служили «пропускными органами Наркомтруда» для трудмобилизованных, поскольку сама политика, опирающаяся на принципы всеобщей трудовой повинности, переживала глубокий кризис. Тем не менее, в сложных ситуациях, возникших в ряде отраслей народного хозяйства в 1921 г., трудовые соединения являлись надежным подспорьем, восполнявшим дефицит рабочей силы.

Примечания

[1] См.: Бисвский Д.А. Очерки истории хозяйственного строительства в период гражданской войны. М., 1957. С. 201.

[2] Лященко П.И. История народного хозяйства СССР. М., 1956. Т. 3. С. 80.

[3] Гражданская война и военная интервенция в СССР. Энциклопедия. М., 1983. С. 591.

[4] Правда. 1920. 17 сент.

[5] Гражданская война и военная интервенция в СССР. Энциклопедия... С. 493.

[6] Лященко П.И. История народного хозяйства СССР... Т. 3. С. 80.

[7] Правда. 1921. 25 марта.

[8] Денисов Н.Г. Кавказская армия труда в борьбе за восстановление народного хозяйства Юго-Востока Европейской части РСФСР в 1920—1922 гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ростов/н-Д., 1982. С. 10.

[9] Российский государственный военный архив (далее — РГВА). Ф. 6. Оп. 8. Д. 22. Л. 18.

[10] Там же. Ф. 212. Оп. 3. Д. 190. Л. 60, 154.

[11] Там же. Д. 41. Л. 41.

[12] Краткие сведения о результатах работ Украинской Трудовой Армии за март и апрель 1920 года // Революционный фронт. 1920. № 4. С. 50.

[13] РГВА. Ф. 241. Оп. 1. Д. 92. Л. 4—19.

[14] Экономическая жизнь. 1920. 25 февр.

[15] История Уральского военного округа. М., 1970. С. 98.

[16] Боевая правда. 1920. 15 апр.
[17] РГВА. Ф. 6. Оп. 8. Д. 22. Л. 18.
[18] Там же. Л. 18.
[19] Гражданская война и военная интервенция в СССР. Энциклопедия... С. 590.
[20] Красный набат. 1920. 28 янв.
[21] Боевая правда. 1920. 9 марта.
[22] Краткие сведения о результатах работ Украинской Трудовой Армии за март и апрель 1920 года // Революционный фронт. 1920. № 4. С. 50.
[23] РГВА. Ф. 6. Оп. 8. Д. 22. Л. 18; Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф. 382. Оп. 1. Д. 313. Л. 14.
[24] Мышов Н.А. Петроградская революционная армия труда и ее деятельность по восстановлению народного хозяйства в 1920 г. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1991. С. 18.
[25] Аникст А. Современная безработица в России и борьба с нею // Вестник труда. 1922. № 2. С. 10.
[26] Декреты Советской власти. М., 1975. Т. VII. С. 98.
[27] Красный набат. 1920. 28 янв.
[28] Там же. 8 февр.
[29] Правда. 1920. 27 янв.
[30] Там же. 18 февр.
[31] ГАРФ. Ф. 7275. Оп. 1. Д. 85. Л. 13—14.
[32] Там же. Д. 729. Л. 10.
[33] Боевая правда. 1920. 9 марта.
[34] Мышов Н.А. Петроградская революционная армия труда... С. 21.
[35] РГВА. Ф. 212. Оп. 3. Д. 470. Л. 4.
[36] Емельянов А.П. Трудовая армия на Урале. 1920—1921 гг.: Дисс... канд. ист. наук. М., 1945. С. 124.
[37] Красный набат. 1920. 18 февр.
[38] Емельянов А.П. Трудовая армия на Урале... С. 126.
[39] РГВА. Ф. 241. Оп. 1. Д. 43. Л. 706.
[40] Там же. Л. 8.
[41] Краткие сведения о результатах работ Украинской Трудовой Армии за март и апрель 1920 года // Революционный фронт. 1920. № 4. С. 50.
[42] РГВА. Ф. 25892. Оп. 1. Д. 85. Л. 101.
[43] Там же.
[44] Там же.
[45] РГВА. Ф. 6. Оп. 8. Д. 82. Л. 58.
[46] М.С. Деятельность частей Первой Трудовой Армии ПриурВО на трудовом фронте // Серп и молот. 1920. № 28—29. С. 17.
[47] Трудовая повинность в Тюменской губ. // Серп и молот. 1920. № 1. С. 21.
[48] РГВА. Ф. 25892. Оп. 1. Д. 82. Л. 386.
[49] Краткие сведения о результатах работ Украинской Трудовой Армии за март и апрель 1920 года // Революционный фронт. 1920. № 4. С. 50.
[50] РГВА. Ф. 6. Оп. 8. Д. 22. Л. 5.
[51] Экономическая жизнь. 1920. 3 февр.

[52] РГВА. Ф. 6. Оп. 8. Д. 22. Л. 5.
[53] Там же. Д. 24. Л. 533об.
[54] Боевая правда. 1920. 15 апр.
[55] Кобозев. Чего недостает в наших сводках // Революционный фронт. 1920. № 3. С. 33.
[56] См.: Экономическая жизнь. 1920. 19 февр.
[57] М.С. Деятельность частей Первой Трудовой Армии ПриурВО на трудовом фронте... С. 14.
[58] Там же. С. 16.
[59] Государственный архив Тюменской области (далее — ГАТО). Ф. 295. Оп. 1. Д. 2. Л. 15.
[60] РГВА. Ф. 25892. Оп. 1. Д. 85. Л. 95—99.
[61] РГВА. Ф. 6. Оп. 8. Д. 22. Л. 1.
[62] ГАРФ. Ф. 7275. Оп. 1. Д. 85. Л. 9.
[63] Богданов. О работе первой бригады Украинской Трудовой Армии // Революционный фронт. 1920. № 10. С. 37.
[64] Троцкий Л.Д. Речь на заседании Революционного военного Совета 1-й Армии труда в Екатеринбурге 19 февраля 1920 г. // Сочинения. Т. XV. М., 1927. С. 282.
[65] Там же. С. 284.
[66] Там же. С. 283; Он же. Процент работников и производительность труда (Беседа о трудовой армии) // Сочинения. Т. XV. М., 1927. С. 332.
[67] Троцкий Л.Д. Речь на заседании Революционного Военного Совета 1-й Армии труда в Екатеринбурге 19 февраля 1920 г... С. 283.
[68] Троцкий Л.Д. Процент работников и производительность труда... С. 333.
[69] Троцкий Л.Д. Основные положения доклада на собрании членов Екатеринбургской организации РКП(б) 25 февраля 1920 г. // Сочинения. Т. XV. М., 1927. С. 286.
[70] Троцкий Л.Д. Общие условия первого периода работы (Записка из поезда тов. Троцкого) // Сочинения. Т. XV. М., 1927. С. 330.
[71] Ленин В.И. Телеграмма Л.Д.Троцкому // Полн. собр. соч. Т. 51. С. 146—147.
[72] Ленинский сборник. М., 1942. Т. XXXIV. С. 274.
[73] Хлопянкин. Теория и практика трудовых армий // Революционный фронт. 1920. № 5. С. 40.
[74] Там же. С. 40—41.
[75] Девятый съезд РКП(б). Протоколы. М., 1960. С. 414—415.
[76] Там же. С. 414.
[77] Там же. С. 428, 430.
[78] П.Н. Перевал (опыт использования боевой армии на трудовом фронте) // Серп и молот. 1920. № 15—16. С. 10.
[79] Деятельность 1-й Армии Труда за 1920 год // Серп и молот. 1921. № 6—7. С. 102.
[80] М.С. Деятельность частей Первой Трудовой Армии ПриурВО на трудовом фронте... С. 19.
[81] Там же; Деятельность 1-й Армии Труда за 1920 год... С. 102.

[82] Годовой отчет Промышленного бюро Президиума ВСНХ на Урале за 1920 год. Екатеринбург, 1921. С. 68—69.

[83] Там же. С. 68—70.

[84] Сборник отчетов Народных Комиссаров УССР, Уполномоченных Народных Комиссаров РСФСР при Совнаркоме УССР и центральных учреждений Украины. Харьков, 1921. Отчет о деятельности Укрсовтрударма за 1920 год. С. 11.

[85] Мышов Н.А. Петроградская революционная армия труда... С. 24.

[86] Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (далее — ЦГА СПБ). Ф. 1000. Оп. 80. Д. 89. Л. 216.

[87] Ходак А.А. 2-я Особая армия Республики (ноябрь 1919 — январь 1921 гг.). Анализ источников о трудовой и боевой деятельности армии, приемы и методы их публикации: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1980. С. 12.

[88] Отчет Кавказской армии труда о проведенной работе частями с апреля по октябрь 1920 г. // Роль Красной Армии в хозяйственном и культурном строительстве на Северном Кавказе и в Дагестане 1920—1923 гг. Сб. документов и воспоминаний. Махачкала, 1968. С. 122.

[89] Беджанян Р.М. Красная Армия на фронте восстановления народного хозяйства (1920—1925 гг.). Львов, 1968. С. 78.

[90] РГВА. Ф. 212. Оп. 3. Д. 189. Л. 2—4.

[91] Там же. Д. 239. Л. 12, 14.

[92] Там же. Д. 189. Л. 3.

[93] Нужны ли нам трудовые армии? Доклад Центральному Комитету Российской Коммунистической Партии и Совету Труда и Обороны. Грозный, 1920. С. 20.

[94] РГВА. Ф. 217. Оп. 1. Д. 343. Л. 91—92.

[95] РГВА. Ф. 6. Оп. 8. Д. 22. Л. 56об.

[96] Из отчета о деятельности Кавказской армии труда за январь месяц 1921 года // Роль Красной Армии... С. 170.

[97] Отчет Кавказской армии труда о проведенной работе частями с апреля по октябрь 1920 г. // Роль Красной Армии... С. 122.

[98] Российский государственный архив социально-политической истории (далее — РГАСПИ). Ф. 605. Оп. 1. Д. 91. Л. 14.

[99] РГВА. Ф. 6. Оп. 8. Д. 22. Л. 45.

[100] РГАСПИ. Ф. 605. Оп. 1. Д. 91. Л. 13—14.

[101] ГАРФ. Ф. 7275. Оп. 1. Д. 85. Л. 10.

[102] ГАТО. Ф. 295. Оп. 1. Д. 2. Л. 168.

[103] РГВА. Ф. 25892. Оп. 7. Д. 5. Л. 23.

[104] М.С. Деятельность частей Первой Трудовой Армии ПриурВО на трудовом фронте... С. 18.

[105] Сборник отчетов Народных Комиссаров УССР, Уполномоченных Народных Комиссаров РСФСР при Совнаркоме УССР и центральных учреждений Украины. Харьков, 1921. Отчет о деятельности Укрсовтрударма за 1920 год. С. 10—11.

[106] РГВА. Ф. 6. Оп. 8. Д. 22. Л. 41.

[107] Вторая Особая армия Республики на восстановлении железнодорожного транспорта (1920 г.) // Советские архивы. 1976. № 4. С. 75, 76.

[108] Ходак А.А. Вторая Особая армия Республики на восстановлении железнодорожного транспорта... С. 30.

[109] См.: Беджанян Р.М. Красная Армия на фронте... С. 78.

[110] Мышов Н.А. Петроградская революционная армия труда... С. 24.

[111] Любимов М. О деятельности полевого штаба Укрсовтрударма // Революционный фронт. 1920. № 7. С. 45.

[112] Сборник отчетов Народных Комиссаров УССР ..., С. 8.

[113] Добыча и заготовка топлива в 1920 и 1921 году. Вып. 3 к отчету Г.У.Т.а за 1921 год. М., 1923. С. 4—5.

[114] Мышов Н.А. Петроградская революционная армия труда... С. 24.

[115] См.: Беджанян Р.М. Красная Армия на фронте ... С. 78.

[116] РГВА. Ф. 171. Оп. 1. Д. 199, 200, 202; Ф. 6. Оп. 8. Д. 56, 89.

[117] Правда. 1920. 30 сент.

[118] Там же. 19 сент.

[119] Экономическая жизнь. 1920. 25 февр.

[120] ГАРФ. Ф. 486. Оп. 1. Д. 99. Л. 18.

[121] ГАРФ. Ф. 7275. Оп. 1. Д. 84. Л. 15.

[122] П.Н. Перевал (опыт использования боевой армии на трудовом фронте)... С. 10; Деятельность 1-й Армии Труда за 1920 год... С. 103.

[123] Дмитриев Н.И. Дмитриева Т.В. Обеспечение крупной промышленности Урала рабочей силой во 2-й пол. 1919—1920 гг. // Экономика и социально-политическое развитие Урала в переходный период: история, историография. Свердловск, 1990. С. 82.

[124] РГВА. Ф. 164. Оп. 1. Д. 68. Л. 195.

[125] Там же. Л. 335—336.

[126] М.С. Деятельность частей Первой Трудовой Армии ПриурВО на трудовом фронте... С. 18, 19; Деятельность 1-й Армии Труда за 1920 год... С. 103; Добыча и заготовка топлива в 1920 и 1921 г... С. 17.

[127] Першин И.М. Участие Красной Армии в социалистическом строительстве в Сибири (кон. 1919—1922 гг.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1974. С. 22.

[128] РГВА. Ф. 6. Оп. 8. Д. 72. Л. 3, 24.

[129] Добыча и заготовка топлива в 1920 и 1921 году... С. 8—10.

[130] Нефтяное и сланцевое хозяйство. 1920. № 4—8. С. 34; Шох П.М. К характеристике положения нефтяной промышленности России и Азербайджана в 1920 г. // Нефтяное и сланцевое хозяйство. 1921. № 1—4. С. 6.

[131] Из доклада о деятельности Кавказской армии труда за июнь 1920 года // Роль Красной Армии... С. 144.

[132] Иголкин А.А. Отечественная нефтяная промышленность в 1917—1920 годах. М., 1999. С. 126.

[133] Экономическая жизнь. 1921. 5 янв.

[134] Губкин И.М. Боевые задачи на нефтяном фронте // Нефтяное и сланцевое хозяйство. 1920. № 9—12. С. 5.

[135] Нужны ли нам трудовые армии?.. С. 2.

[136] Иголкин А.А. Отечественная нефтяная промышленность в 1917—1920 годах... С. 128.

[137] Добыча и заготовка топлива в 1920 и 1921 году... С. 56—57.

[138] Там же. С. 74—75.

[139] Денисов Н.Г. Кавказская армия труда в борьбе за восстановление народного хозяйства... Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ростов/н-Д., 1982. С. 20.

[140] Добыча и заготовка топлива в 1920 и 1921 году... С. 59.

[141] Нефтяное и сланцевое хозяйство. 1921. № 5—8. С. 286.

[142] РГВА. Ф. 164. Оп. 1. Д. 68. Л. 195, 338; Мелкие заметки (хроника) // Серп и молот. 1921. № 3. С. 153.

[143] Мелкие заметки (хроника) // Серп и молот. 1921. № 3. С. 153.

[144] Ильюхов А.А. Политика советской власти в сфере труда. 1917—1922 гг. Смоленск, 1999. С. 118.

[145] Экономическая жизнь. 1921. 26 февр.

[146] РГВА. Ф. 212. Оп. 3. Д. 323. Л. 506.

[147] Артемов О.Ю. Проблемы милитаризации труда в условиях военного коммунизма на материалах Запасной Армии Республики. 1919—1921 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. М., 1995. С. 145.

[148] РГВА. Ф. 212. Оп. 3. Д. 189. Л. 96.

[149] Там же. Д. 177. Л. 320.

[150] Там же. Д. 189. Л. 118—119.

[151] Там же. Л. 120.

[152] Оськин Д. Хозяйственная работа 2-й Особой армии. М., 1926. С. 94—95.

[153] Там же. С. 108.

[154] РГВА. Ф. 241. Оп. 4. Д. 131. Л. 90.

[155] РГВА. Ф. 25875. Оп. 1. Д. 437. Л. 199.

[156] Бергин Р.И. Трудовая армия. Харьков, 1920. С. 11.

[157] Ревегук В.Я. Создание и деятельность украинской трудовой армии // Вопросы истории СССР. Харьков, 1981. Вып. 26. С. 27.

[158] Б.У. Продовольственные итоги // Серп и молот. 1920. № 23—24. С. 29.

[159] ГАТО. Ф. 295. Оп. 1. Д. 2. Л. 208.

[160] РГВА. Ф. 241. Оп. 1. Д. 43. Л. 90.

[161] Арсеньев Ю.А. Коммунистическая партия — организатор участия Красной Армии в решении продовольственного вопроса (1918—1922 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Львов, 1980. С. 13.

[162] Там же.

[163] Гражданская война и военная интервенция в СССР: Энциклопедия... С. 477.

[164] Советская правда. Орган Челяб. губкома РКП и губревкома. 1920. 1 мая.

[165] Там же. 13 мая.

[166] Толмачев Г. Неделя крестьянина // Серп и молот. 1920. № 19—20. С. 3—4.

[167] Экономическая жизнь. 1920. 8 июля.

[168] М.С. Деятельность частей Первой Трудовой Армии ПриурВО на трудовом фронте... С. 18.

[169] Беджанян Р.М. Красная Армия на фронте восстановления народного хозяйства... С. 44.

[170] Трудовая армия. Орган Украинского Совета Трудармии. 1920. 1 сент.

[171] Там же. 18 сент.

[172] Там же.

[173] Из отчета политотдела 14 стрелковой им. Степина дивизии о проделанной работе за 12 дней октября 1920 года // Роль Красной Армии... С. 212.

[174] ГАРФ. Ф. 486. Оп. 1. Д. 49. Л. 27об.

[175] Из отчета о деятельности Кавказской трудовой армии труда за август 1920 года // Роль Красной Армии... С. 152.

[176] Артемов О.Ю. Проблемы милитаризации труда в условиях военного коммунизма... С. 202.

[177] «Горячешный и триумфальный город». Петроград: от «военного коммунизма к НЭПу: Документы и материалы. СПб., 2000. С. 150.

[178] Беджанян Р.М. Красная Армия на фронте восстановления народного хозяйства... С. 73.

[179] РГВА. Ф. 6. Оп. 8. Д. 71. Л. 62—66.

[180] Першин И.М. Участие Красной Армии в социалистическом строительстве в Сибири (кон. 1919—1922 гг.): Дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1974. С. 6.

[181] Лобанов А.П. Трудовые армии в Поволжье (1920 — март 1921 гг.). Саратов, 1980. С. 71—73.

[182] РГВА. Ф. 25892. Оп. 7. Д. 5. Л. 45об.

[183] М.С. Деятельность частей Первой Трудовой Армии ПриурВО на трудовом фронте... С. 18.

— Отчет Кавказской армии труда о проведенной работе частями с апреля по октябрь 1920 г. // Роль Красной Армии... С. 122.

— РГВА. Ф. 6. Оп. 8. Д. 22. Л. 56об.

[184] Лобанов А.П. Трудовые армии в Поволжье... С. 57.

[185] Беляева В.И., Гольдфарб Л.Г. О творческой инициативе шахтеров Донбасса и о роли Украинской трудовой армии в восстановлении угольной промышленности в 1920 г. // Сб. науч. работ кафедр общественных наук вузов Харькова. Вып. 2. Харьков, 1957. С. 274.

[186] Сборник отчетов Народных Комиссаров УССР, Уполномоченных Народных Комиссаров РСФСР при Совнаркоме УССР и центральных учреждений Украины... С. 11.

[187] Мышов Н.А. Петроградская революционная армия труда... С. 20, 24.

[188] Лобанов А.П. Трудовые армии в Поволжье... С. 62.

[189] М.С. Деятельность частей Первой Трудовой Армии ПриурВО на трудовом фронте... С. 18; Деятельность 1-й Армии Труда за 1920 год... С. 103.

[190] Артемов О.Ю. Проблемы милитаризации труда в условиях военного коммунизма... С. 197.

[191] М.С. Деятельность частей Первой Трудовой Армии ПриурВО на трудовом фронте... С. 18; Деятельность 1-й Армии Труда за 1920 год... С. 103; Добыча и заготовка топлива в 1920 и 1921 г... С. 159—160.

[192] Экономическая жизнь. 1920. 27 июля.

[193] ГАРФ. Ф. 486. Оп. 1. Д. 22. Л. 20об.

[194] Там же. Л. 22об.

[197] РГВА. Ф. 110. Оп. 6. Д. 806. Л. 2об.
[198] Экономическая жизнь. 1920. 22 июля.
[199] Из доклада о деятельности Кавказской армии труда за июнь 1920 года // Роль Красной Армии... С. 147.
[200] РГВА. Ф. 6. Оп. 8. Д. 22. Л. 41.
[201] Оськин Д. Хозяйственная работа 2-й Особой армии... С. 103.
[202] РГВА. Ф. 171. Оп. 1. Д. 199, 200, 202; Ф. 6. Оп. 8. Д. 56, 89.
[203] РГВА. Ф. 110. Оп. 6. Д. 806. Л. 7.
[204] Там же.
[205] Деятельность I-й Армии Труда за 1920 год... С. 102.
[206] Денисов Н.Г. Кавказская армия труда в борьбе за восстановление народного хозяйства... Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ростов/н-Д., 1982. С. 19.
[207] РГВА. Ф. 212. Оп. 3. Д. 189. Л. 3—3об.
[208] ГАРФ. Ф. 382. Оп. 1. Д. 313. Л. 17.
[209] РГВА. Ф. 6. Оп. 8. Д. 82. Л. 106, 111.
[210] Гражданская война и военная интервенция в СССР. Энциклопедия... С. 600.
[211] Большая Советская энциклопедия. М., 1977. Т. 26. С. 270.
[212] РГВА. Ф. 6. Оп. 8. Д. 7. Л. 22об.
[213] РГВА. Ф. 164. Оп. 1. Д. 68. Л. 309.
[214] Там же. Л. 362.
[215] Деятельность I-й Армии Труда за 1920 год... С. 102.
[216] РГВА. Ф. 25892. Оп. 7. Д. 59. Л. 251.
[217] РГВА. Ф. 6. Оп. 8. Д. 22. Л. 41.
[218] Оськин Д. Хозяйственная работа 2-й Особой армии... С. 61, 95.
[219] РГВА. Ф. 25889. Оп. 5. Д. 968. Л. 1об.
[220] РГВА. Ф. 110. Оп. 6. Д. 806. Л. 2об.
[221] Богданов. О работе первой бригады Украинской Трудовой Армии // Революционный фронт. 1920. № 10. С. 37.
[222] Нужны ли нам трудовые армии?... С. 3, 5.
[223] Там же. С. 6, 7.
[224] Из отчета о деятельности Кавказской армии труда за январь месяц 1921 года // Роль Красной Армии... С. 169.
[225] РГВА. Ф. 25892. Оп. 1. Д. 82. Л. 362.
[226] Там же. Л. 363.
[227] Вторая Особая армия Республики на восстановлении железнодорожного транспорта (1920 г.) // Советские архивы. 1976. № 4. С. 73.
[228] РГВА. Ф. 6. Оп. 8. Д. 22. Л. 63об.
[229] РГВА. Ф. 212. Оп. 3. Д. 189. Л. 114.
[230] М.С. Деятельность частей Первой Трудовой Армии ПриурВО на трудовом фронте... С. 18, 19.
[231] Из отчета Главугля о деятельности за июль 1920 г. по добыче угля в бассейнах страны // Документы трудового энтузиазма: Сб. документов о борьбе рабочего класса СССР за повышение производительности труда в 1918—1920 годах. М., 1960. С. 230—232.

[232] Цит. по Иголкин А.А. Отечественная нефтяная промышленность в 1917—1920 годах... С. 148.

[233] На фронте крови и труда. Два года борьбы и побед 8-й, ныне Кавказской Армии Труда. 1918 — 11 сентября 1920 г.: Юбилейный иллюстрированный сборник. Грозный, 1920. С. 8—9.

[234] РГВА. Ф. 110. Оп. 6. Д. 806. Л. 57.

[235] РГВА. Ф. 212. Оп. 1. Д. 189. Л. 4.

[236] Сборник отчетов Народных Комиссаров УССР, Уполномоченных Народных Комиссаров РСФСР при Совнаркоме УССР и центральных учреждений Украины... С. 8—9.

[237] Богданов. О работе первой бригады Украинской Трудовой Армии.... С. 37.

[238] ГАРФ. Ф. 382. Оп. 1. Д. 313. Л. 14.

[239] РГВА. Ф. 25875. Оп. 1. Д. 437. Л. 199.

[240] Там же. Д. 165. Л. 20.

[241] Богданов. О работе первой бригады Украинской Трудовой Армии... С. 37.

[242] Нужны ли нам трудовые армии? ... С. 5.

[243] Экономическая жизнь. 1920. 22 июля.

[244] РГВА. Ф. 6. Оп. 8. Д. 22. Л. 63об.—64.

[245] Центр документации общественных организаций Свердловской области (далее — ЦДООСО). Ф. 1494. Оп. 1. Д. 3. Л. 293.

[246] Богданов. О работе первой бригады Украинской Трудовой Армии... С. 37.

[247] РГВА. Ф. 241. Оп. 1. Д. 43. Л. 19.

[248] Богданов. О работе первой бригады Украинской Трудовой Армии... С. 37.

[249] ЦГА СПБ. Ф. 1000. Оп. 80. Д. 89. Л. 72.

[250] ГАРФ. Ф. 486. Оп. 1. Д. 95. Л. 95.

[251] Струмилин С. Трудовые армии и производительность труда // Экономическая жизнь. 1920. 19 февр.

[252] Там же.

[253] РГВА. Ф. 241. Оп. 1. Д. 6. Л. 34.

[254] Приказ командующего Кавказской армией труда о введении премирования отдельных лиц и команд за высокую производительность труда // Роль Красной Армии... С. 137.

[255] ГАТО. Ф. 295. Оп. 1. Д. 2. Л. 32.

[256] РГВА. Ф. 110. Оп. 6. Д. 806. Л. 3об.

[257] РГВА. Ф. 25875. Оп. 1. Д. 165. Л. 21—21об.

[258] См., напр.: Трудовая армия. Орган Украинского Совета Трудармии. 1920. 23 июня; Трудовая армия. Воронеж, 2-я Особая армия республики. 1920. 10 сент. и др.

[259] Боевая правда. 1920. 27 февр.

[260] Там же. 6 марта.

[261] М. Х-ин. О трудовых сводках // Революционный фронт. 1920. № 3. С. 34.

[262] Экономическая жизнь. 1920. 4 сент.

[263] ГАРФ. Ф. 382. Оп. 1. Д. 313. Л. 17.

[264] Экономическая жизнь. 1920. 7 марта.

[265] Там же. 15 сент.

[266] Мещеряков Н. Год упорного труда // Правда. 1921. 5 марта.

[267] Экономическая жизнь. 1920. 28 декаб.

[268] Мещеряков Н. Год упорного труда // Правда. 1921. 5 марта.

[269] ГАРФ. Ф. 7275. Оп. 1. Д. 85. Л. 9об.

[270] Ходак А.А. 2 Особая армия Республики на восстановлении Юго-Восточных железных дорог в 1920 г... С. 29.

[271] Вторая Особая армия Республики на восстановлении железнодорожного транспорта (1920 г.) // Советские архивы. 1976. № 4. С. 75, 76.

[272] Экономическая жизнь. 1920. 13 авг.

[273] Там же.

[274] Клеменчич В. Итоги работы железных дорог за три года (1917—1920 гг.). М., 1920. С. 10, 12.

[275] Баевский Д.А. Очерки истории хозяйственного строительства... С. 242.

[276] Там же. С. 243—244.

[277] Троцкий Л. Ремонт паровозов // Правда. 1920. 8 сент.

[278] Гражданская война и иностранная интервенция в СССР... С. 493; Лященко П.И. История народного хозяйства СССР. М., 1956. Т. 3. С. 80.

[279] Ходак А.А. 2 Особая армия Республики на восстановлении Юго-Восточных железных дорог в 1920 г. (По новым архивным документам). М., 1976. Рукопись, депонир. в ИНИОН АН СССР № 821. С. 29—33.

[280] РГВА. Ф. 171. Оп. 1. Д. 202. Л. 20, 22, 57.

[281] Троцкий Л.Д. Ремонт паровозов // Правда. 1920. 9 сент.

[282] РГВА. Ф. 171. Оп. 1. Д. 202. Л. 20, 31, 35.

[283] Правда. 1921. 25 марта.

[284] РГВА. Ф. 212. Оп. 3. Д. 189. Л. 2об.

[285] Ходак А.А. 2 Особая армия Республики на восстановлении Юго-Восточных железных дорог в 1920 г... С. 26.

[286] РГВА. Ф. 25892. Оп. 1. Д. 82. Л. 362.

[287] РГВА. Ф. 6. Оп. 8. Д. 71. Л. 62—66.

[288] Там же. Д. 23. Л. 55—55об.

[289] Подсчитано по: Клеменчич В. Итоги работ железных дорог... С. 15.

[290] Добыча и заготовка топлива в 1920 и 1921 году... С. 91—92.

[291] Правда. 1921. 16 февр.

[292] Там же.

[293] Экономическая жизнь. 1921. 16 янв.

[294] Там же. 23 февр.

[295] Аникст А. Обзор деятельности Наркомтруда за 1921 год. К IV сессии ВЦИК. М., 1921. С. 12.

[296] Экономическая жизнь. 1920. 31 окт.

[297] Там же. 22 июля.

[298] Труд в СССР. Статистико-экономический обзор (октябрь 1922 г. — март 1924 г.). М., 1924. С. 203.

[299] На фронте крови и труда... С. 13.

[300] Красный боец. 1920. 15 сент.

[301] Дмитриевич Г. Трудовая армия // Военная мысль. 1920. Кн. 1. Сентябрь. С. 144.
[302] ГАРФ. Ф. 486. Оп. 1. Д. 22. Л. 79.
[303] Боевая правда. 1920. 4 авг.
[304] РГВА. Ф. 110. Оп. 6. Д. 806. Л. 3; Беджанян Р.М. Красная Армия на фронте восстановления народного хозяйства... С. 57—58.
[305] Экономическая жизнь. 1921. 5 янв.
[306] Данишевский К.Х. Итоги и перспективы государственных дровозаготовок (На рубеже двух лесозаготовительных кампаний 1920—1921, 1921—22 гг.). М., 1921. С. 3.
[307] Там же. С. 4.
[308] Мещеряков Н. На топливный фронт // Правда. 1921. 4 февр.
[309] Правда. 1921. 13 февр.
[310] Экономическая жизнь. 1920. 25 нояб.
[311] Там же.
[312] Правда. 1920. 2 дек.
[313] Добыча и заготовка топлива в 1920 и 1921 году... С. 14.
[314] Хлоплянкин. Теория и практика трудовых армий... С. 40.
[315] РГВА. Ф. 110. Оп. 6. Д. 806. Л. 2об.
[316] ГАРФ. Ф. 486. Оп. 2. Д. 34. Л. 6об.
[317] Там же. Оп. 1. Д. 22. Л. 2.
[318] Там же. Оп. 9. Д. 42. Л. 23-24.
[319] Там же. Оп. 1. Д. 99. Л. 18.
[320] Там же. Оп. 9. Д. 42. Л. 27.
[321] Там же. Оп. 1. Д. 100. Л. 44.
[322] Там же. Д. 49. Л. 87.
[323] РГВА. Ф. 241. Оп. 1. Д. 146. Л. 239.
[324] ГАРФ. Ф. 486. Оп. 1. Д. 100. Л. 13; Добыча и заготовка топлива в 1920 и 1921 году... С. 4—5.
[325] ГАРФ. Ф. 486. Оп. 1. Д. 100. Л. 14; Д. 99. Л. 42об.
[326] Добыча и заготовка топлива в 1920 и 1921 году... С. 54—55; ГАРФ. Ф. 486. Оп. 1. Д. 100. Л. 5; РГВА. Ф. 241. Оп. 1. Д. 146. Л. 239.
[327] ГАРФ. Ф. 486. Оп. 1. Д. 95. Л. 34.
[328] Шифрес А. Из опыта Трудовой Армии // Красная Сибирь. 1921. № 2. Июль—сентябрь. С. 3.
[329] ГАРФ. Ф. 486. Оп. 1. Д. 95. Л. 34, 61.
[330] Шифрес А. Из опыта Трудовой Армии... С. 4.
[331] Там же.
[332] Там же. С. 6.
[333] Там же. С. 7.
[334] Там же. С. 6.
[335] Добыча и заготовка топлива в 1920 и 1921 году... С. 8—10.
[336] ГАТО. Ф. 295. Оп. 1. Д. 41. Л. 13.
[337] ГАТО. Ф. 168. Оп. 1. Д. 59. Л. 81.
[338] Добыча и заготовка топлива в 1920 и 1921 году... С. 7; РГВА. Ф. 25892. Оп. 7. Д. 59. Л. 252.

[339] ГАРФ. Ф. 486. Оп. 1. Д. 106. Л. 45; Оп. 2. Д. 34. Л. 64.
[340] Там же. Д. 95. Л. 39.
[341] Там же. Д. 83. Л. 42.
[342] Добыча и заготовка топлива в 1920 и 1921 году... С. 150.
[343] Там же. С. 108—109.
[344] Из отчета о деятельности Кавказской армии труда за 1921 год // Роль Красной Армии... С. 198; Добыча и заготовка топлива в 1920 и 1921 году... С. 144.
[345] ГАРФ. Ф. 486. Оп. 1. Д. 83. Л. 42. Добыча и заготовка топлива в 1920 и 1921 году... С. 142.
[346] ГАРФ. Ф. 486. Оп. 1. Д. 99. Л. 24об.
[347] Добыча и заготовка топлива в 1920 и 1921 году... С. 134.
[348] Там же. С. 100, 104; ГАРФ. Ф. 486. Оп. 1. Д. 83. Л. 42.
[349] Добыча и заготовка топлива в 1920 и 1921 году... С. 156—157.
[350] Из отчета о деятельности Кавказской армии труда за 1921 год // Роль Красной Армии... С. 195.
[351] Добыча и заготовка топлива в 1920 и 1921 году... С. 58—59; Из отчета о деятельности Кавказской армии труда за 1921 год // Роль Красной Армии... С. 196.
[352] ГАТО. Ф. 295. Оп. 1. Д. 41. Л. 13.
[353] РГВА. Ф. 25892. Оп. 7. Д. 5. Л. 83об. 139.
[354] Декреты Советской власти. М., 2006. Т. XVII. С. 381.
[355] ГАРФ. Ф. 486. Оп. 2. Д. 19. Л. 4.
[356] Там же. Оп. 1. Д. 93. Л. 2.
[357] Из отчета о деятельности Кавказской армии труда за 1921 год // Роль Красной Армии... С. 196.
[358] Там же. С. 197—198.
[359] ГАРФ. Ф. 486. Оп. 1. Д. 80. Л. 25.
[360] Там же. Д. 61. Л. 11.
[361] Декреты Советской власти. М., 2004. Т. XVI. С. 382.
[362] ГАРФ. Ф. 486. Оп. 1. Д. 26. Л. 10.
[363] Рамзин Л. Алгемба и эмбенский нефтепровод // Экономическая жизнь. 1921. 8 мая.
[364] Там же.
[365] Декреты Советской власти. М., 2006. Т. XVII. С. 253.
[366] Там же. С. 252.
[367] Першин И.М. Сибирская трудовая армия // Очерки социально-экономической и культурной жизни Сибири. Новосибирск, 1972. Ч. 2. С. 149.
[368] ГАРФ. Ф. 486. Оп. 1. Д. 49. Л. 35; РГВА. Ф. 110. Оп. 6. Д. 858. Д. 18.
[369] ГАРФ. Ф. 486. Оп. 1. Д. 100. Л. 8.
[370] Там же. Л. 40.
[371] Декреты Советской власти. М., 2004. Т. XVI. С. 432.
[372] ГАРФ. Ф. 486. Оп. 1. Д. 26. Л. 1—2.
[373] Адаменя А.П. Отдельный технический полк и его участие в восстановлении Грозненских нефтяных промыслов других работах // Роль Красной Армии... С. 308.
[374] ГАРФ. Ф. 486. Оп. 1. Д. 87. Л. 21.

[375] ЦГА СПБ. Ф. 1000. Оп. 80. Д. 89. Л. 22.
[376] ГАРФ. Ф. 486. Оп. 1. Д. 26. Л. 26—26об.
[377] Там же. Д. 49. Л. 3.
[378] РГВА. Ф. 25892. Оп. 7. Д. 5. Л. 3, 23, 40, 83об, 139.
[379] Там же. Л. 117.
[380] Правда. 1921. 31 марта.
[381] Беджанян Р.М. Красная Армия на фронте восстановления народного хозяйства... С. 110—111.
[382] Там же. С. 83.
[383] Там же. С. 119.
[384] ГАРФ. Ф. 486. Оп. 1. Д. 95. Л. 39.
[385] Декреты Советской власти. М., 2006. Т. XVII. С. 279.
[386] Беджанян Р.М. Красная Армия на фронте восстановления народного хозяйства... С. 112—113.
[387] ГАРФ. Ф. 486. Оп. 9. Д. 42. Л. 17.
[388] Красный труд. Грозный. 1921. 18 октяб.
[389] Из отчета о деятельности Кавказской армии труда за 1921 год // Роль Красной Армии... С. 199.
[390] ГАРФ. Ф. 486. Оп. 1. Д. 26. Л. 1—2.
[391] Там же. Д. 49. Л. 35.
[392] Там же. Д. 99. Л. 27об—28.
[393] Там же. Л. 30.
[394] Декреты Советской власти. М., 2004. Т. XVI. С. 379.
[395] Арсеньев Ю.А. Коммунистическая партия — организатор участия Красной Армии в решении продовольственного вопроса... С. 20.
[396] Декреты Советской власти. М., 1997. Т. XIV. С. 300.
[397] Из отчета о деятельности Кавказской армии труда за 1921 год // Роль Красной Армии... С. 200.
[398] РГВА. Ф. 25889. Оп. 5. Д. 968. Л. 10.
[399] ГАРФ. Ф. 486. Оп. 2. Д. 19. Л. 3—4.
[400] Трудовой фронт. 1921. 25 октяб.
[401] Из отчета о деятельности Кавказской армии труда за 1921 год // Роль Красной Армии... С. 196—197, 201.
[402] РГВА. Ф. 25892. Оп. 7. Д. 5. Л. 3, 23, 40, 83об, 139.
[403] ГАРФ. Ф. 486. Оп. 1. Д. 87. Л. 21.
[404] РГВА. Ф. 110. Оп. 6. Д. 858. Л. 11.
[405] Там же. Л. 12об.
[406] ГАРФ. Ф. 486. Оп. 1. Д. 80. Л. 36.
[407] Там же. Д. 99. Л. 25об., 26об.
[408] РГВА. Ф. 25892. Оп. 7. Д. 59. Л. 244.
[409] РГВА. Ф. 7. Оп. 3. Д. 94. Л. 33—45.
[410] ГАРФ. Ф. 486. Оп. 1. Д. 19. Л. 1об—2.
[411] Декреты Советской власти. М., 2006. Т. XVII. С. 413.
[412] ГАРФ. Ф. 486. Оп. 1. Д. 115. Л. 5.
[413] Там же. Д. 83. Л. 57.
[414] Там же. Д. 142. Л. 4об.

[415] Там же. Д. 106. Л. 10.
[416] Там же. Д. 84. Л. 49.
[417] Там же. Л. 110.
[418] РГВА. Ф. 25892. Оп. 7. Д. 5. Л. 133об.
[419] Там же. Л. 85об. 130об.
[420] Там же. Д. 59. Л. 251об.
[421] ГАРФ. Ф. 486. Оп. 1. Д. 83. Л. 67—71.
[422] Добыча и заготовка топлива в 1920 и 1921 году... С. 46.
[423] ГАРФ. Ф. 486. Оп. 1. Д. 83. Л. 67—71.
[424] Добыча и заготовка топлива в 1920 и 1921 году... С. 48.
[425] ГАРФ. Ф. 486. Оп. 9. Д. 42. Л. 80.
[426] Там же.
[427] РГВА. Ф. 25892. Оп. 7. Д. 5. Л. 4.
[428] Там же. Л. 46.
[429] ГАРФ. Ф. 486. Оп. 1. Д. 100. Л. 53.
[430] Там же. Д. 31. Л. 45.
[431] Там же. Д. 95. Л. 61.
[432] Там же. Л. 41.
[433] Там же. Д. 49. Л. 20.
[434] Там же. Д. 87. Л. 15.
[435] ЦГА СПБ. Ф. 1000. Оп. 80. Д. 89. Л. 114.
[436] ГАРФ. Ф. 486. Оп. 2. Д. 19. Л. 3.
[437] Там же. Оп. 1. Д. 95. Л. 95.
[438] Там же. Д. 49. Л. 27об.
[439] РГВА. Ф. 25892. Оп. 7. Д. 5. Л. 46.
[440] Там же. Л. 4, 118.
[441] Там же. Д. 32. Л. 8.
[442] РГВА. Ф. 110. Оп. 6. Д. 806. Л. 27.
[443] ГАРФ. Ф. 486. Оп. 1. Д. 95. Л. 24.
[444] Там же. Д. 49. Л. 67.
[445] Там же. Д. 26. Л. 4об.
[446] Там же. Л. 67.
[447] Там же. Д. 7. Л. 61.
[448] Там же. Оп. 2. Д. 34. Л. 31.
[449] Там же. Оп. 1. Д. 100. Л. 68.
[450] Там же. Д. 49. Л. 66.
[451] РГВА. Ф. 110. Оп. 6. Д. 806. Л. 19.
[452] М.М. Они // Красный стрелок. 1921. 2 нояб.
[453] ГАРФ. Ф. 486. Оп. 1. Д. 95. Л. 71об.
[454] Там же. Д. 49. Л. 22об.
[455] Там же. Л. 98, 101.
[456] Там же. Д. 95. Л. 96.
[457] Там же. Оп. 9. Д. 47. Л. 76.
[458] Там же. Оп. 1. Д. 31. Л. 45.
[459] РГВА. Ф. 25892. Оп. 7. Д. 5. Л. 118.
[460] ГАРФ. Ф. 486. Оп. 1. Д. 95. Л. 73.

[461] Там же. Л. 32.
[462] Там же. Оп. 2. Д. 23. Л. 108.
[463] Там же. Оп. 1. Д. 52. Л. 55.
[464] Там же. Л. 56.
[465] Декреты Советской власти. М., 2006. Т. XVII. С. 331.
[466] ГАРФ. Ф. 486. Оп. 1. Д. 49. Л. 49об.
[467] Там же. Д. 78. Л. 43—43об.
[468] Там же. Л. 2, 6.
[469] Там же. Оп. 2. Д. 34. Л. 67.
[470] РГВА. Ф. 25892. Оп. 7. Д. 32. Л. 8.
[471] Там же. Д. 59. Л. 241.
[472] Берзин Р.И. Вопросы топливоснабжения Республики. М., 1922. С. 24.
[473] ГАРФ. Ф. 486. Оп. 1. Д. 83. Л. 30об.

[461] Там же. Л. 32.
[462] Там же. Оп. 2. Д. 23. Л. 108.
[463] Там же. Оп. 1. Д. 52. Л. 55.
[464] Там же. Л. 56.
[465] Декреты Советской власти. М., 2006. Т. XVII. С. 331.
[466] ГАРФ. Ф. 486. Оп. 1. Д. 49. Л. 49об.
[467] Там же. Д. 78. Л. 43—43об.
[468] Там же. Л. 2, 6.
[469] Там же. Оп. 2. Д. 34. Л. 67.
[470] РГВА. Ф. 25892. Оп. 7. Д. 32. Л. 8.
[471] Там же. Д. 59. Л. 241.
[472] Берзин Р.И. Вопросы топливоснабжения Республики. М., 1922. С. 24.
[473] ГАРФ. Ф. 486. Оп. 1. Д. 83. Л. 30об.

ГЛАВА II

ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ, КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ РАБОТА ТРУДОВЫХ АРМИЙ

Важное значение имел политический аспект деятельности трудовых частей и соединений, с помощью которых можно было не только вести хозяйственное строительство, но и контролировать ситуацию в районах с пока еще не оформившейся гражданской властью, во многом заменяя эту власть.

Очень сложной была ситуация в районе дислокации Кавказской трудовой армии. Острые межнациональные, социально-экономические противоречия между казаками, «иногородним» русским населением и горцами, политическая оппозиция части местного населения по отношению к центральной власти, создавали крайне напряженную, нервозную обстановку в крае. В горах и лесах скрывались разбитые остатки армии Деникина, банды дезертиров, отряды чеченских и дагестанских «полевых командиров». Борьба с ними требовала большого напряжения сил, поглощала значительную часть энергии трудовой армии.

Аналогичная ситуация складывалась и на Украине. Даже рабочие угольных шахт Донбасса были отнюдь не однозначно позитивно настроены к новым порядкам, установившимся после победы большевиков: «В начале их [рабочих] настроение было безразличное, частью они находились под влиянием враждебных нам политических групп — меньшевики и боротьбисты имели сильные организации... Дисциплины не было вовсе. С приходом трудчастей до некоторой степени рабочие стали подтягиваться, но все же разгильдяйство, лень, спекуляция, пьянство захватывает еще большие слои рабочих», — отмечалось в очерке работы Политотдела Донбасса. Что уж говорить про крестьянство, едва ли не поголовно «зараженное махновщиной». Продорганы были бессильны наладить нормальное снабжение: «В одном и том же районе на двух близ отстоящих один от другого рудниках рабочие на одном получают полностью норму, на другом же голодают... Один из тормозов этому — махновские банды и развившаяся до безграничности спекуляция на каждой станции».

Еще более сложным было положение в районе дислокации 2-й РАТ: «Инородцы, населяющие большую часть территории округа, слабо развиты во всех отношениях, являются элементом мало сознательным и в отношении политическом... Русское население некоторых частей Заволжья, хотя и более культурное, тоже не может считаться верным оплотом Советской Республики... население это только внешне подчинялось Советской власти... белогвардейский дух не успел еще выдохнуться во многих местах Округа»[3].

Командующий 2-й Особой армией Д.П.Оськин вспоминал, что когда он посетил железнодорожные мастерские в Воронеже, его взору предстала следующая картина: «Посещаемость мастерских рабочими едва доходила до 35%, да и являющиеся на работу не столько занимались работой, сколько приготовлением для себя пищи здесь же в мастерских на разведенных кострах... Повсюду валялись различные отбросы и царила непролазная грязь... Крыши текли, печи запущены, и все не потому, что трудно было привести это в порядок, а потому, что никто не интересовался заводить этот порядок. После нашего посещения мастерских потребовалось всего несколько дней, чтобы привести мастерские в приличный вид их же собственными силами»[4].

Состояние органов управления дорогой, продовольственное снабжение в районе дислокации 2-й Особой армии также оставляли желать лучшего: «Администрация дороги инертна, расхлябана. У нее нет никакого плана работ, никакой системы... Санитарное дело совершенно отсутствует... Дорполитотдел существует на бумаге. Он не знает есть ли у него районные политотделы. Есть ли где комячейки. Полное отсутствие учета коммунистов и организации их. Агитпунктов на дороге нет... Продовольственное снабжение отвратительно. Рабочие получили в январе месяце только по 3 фунта хлеба и больше ничего. Рабочие раздеты, у Воронежского губпродкома ничего нет»[5]. В июле 1920 г. Д.П.Оськин докладывал Л.Д.Троцкому, что до создания армии на железной дороге «все было деморализовано, начиная с управления дорогой, кончая младшими линейными агентами. Никакого учета не было. Что где твориться никто не знал»[6].

Усилия военного командования направляются на то, чтобы навести порядок в деятельности хозяйственных организаций,

обеспечить рабочих хотя бы минимальным продовольственным пайком и одеждой. В железнодорожных мастерских г. Воронеж организовали раздачу пищи в столовой во время обеденного перерыва. РВС 2-й Особой армии распорядился организовать для рабочих депо и мастерских выдачу горячих завтраков из запасов армии, обмундирования, тем из них, которые имели право на получение производственной одежды. Объявляется, что прогульщики будут лишаться железнодорожного пайка. Врачебной администрации было дано распоряжение сообщать о симулянтах в дорожную комиссию по борьбе с труддезертирством[7]. Вводятся нормы расхода топлива для паровозов (120 п. на 100 верст), за превышение которых на железнодорожные бригады налагались штрафы, а за экономию давались премии. Назначаются специальные приемщики на рудники, ответственные за получение и отправку качественного угля. На каждый вагон заводится сопроводительный документ с указанием, откуда именно получен данный уголь[8]. Отдается приказ о том, что починочными мастерскими армии могут пользоваться наряду с военнослужащими и железнодорожные рабочие[9]. Т.е. в систему обслуживания и снабжения Юго-Восточных железных дорог вносится определенный порядок, заменивший прежнюю расхлябанность, безответственность, свойственные гражданским учреждениям периода военного коммунизма.

Предпринимаются меры, направленные на обеспечение успешной работы гражданских предприятий и учреждений, связанных с нуждами армии. С 22 июня 1920 г. Чусоснабарму 2-й Особой армии передается в управление производство предметов военного снабжения в Воронежской губернии. Было изъято у населения и с местного склада фирмы Зингер большое количество швейных машин, в результате чего их число в мастерских губодежды было увеличено со 100 до 1.200. При содействии Чусоснабарма налаживается работа кустарного, обозно-инженерного отделов губсовнархоза. Особым постановлением предписывается организовать комитеты содействия снабжению Красной армии в составе руководителей важнейших уездных учреждений.

Одним из итогов деятельности Чусоснабарма 2-й Особой армии стало увеличение с июня по октябрь 1920 г. выпуска обмундирования на предприятиях Воронежской губернии в 7,5 раз;

изделий губкожи (обувь и конская упряжь) — в 7,7 раз, организация сбора коры для дубления кожи, шерсти, пеньки, овчины, изготовление силами кустарей обозного имущества для армии.

Кроме того, Чусоснабарм 2-й Особой армии прилагает усилия для налаживания работы пострадавшей от военных действий промышленности Воронежской губернии. Его приказами образуются комиссия по распределению материалов (комрасмат), занимавшаяся учетом и распределением хранившихся на складах оборудования и сырья; и промышленный совет — консультационно-технический орган Чусоснабарма, осуществлявший контроль за распределением заказов, обеспечением оборудованием заводов, работавших на транспорт и обслуживание армии[10].

Ревтрибуналом 2-й Особой армии рассматриваются дела и выносятся приговоры по трудовому дезертирству. Например, по обвинению рабочего Отроженских мастерских А.Ф.Панкратова за то, что он «без разрешения мастера и комиссара 8 мая уехал в гор. Казань и возвратился в Воронеж 8 июля», ремонтного рабочего ст.Поворино А.А.Дрожжина, который «пользуясь служебным положением для личных целей не имея на это надлежащего разрешения незаконно и самовольно оставлял периодически в течение 5 месяцев службу, что и составило прогулов 77 ½ дней»[11] и т.д. и т.п.

Для наведения порядка на железных дорогах использовалась Запасная армия Республики. Комиссару Московско-Казанской железной дороги пришлось для борьбы с простоями на 10 паровозов посадить по человеку, чтобы те, в течение двух недель учитывали каждое передвижение паровоза. Были поставлены хронометристы на погрузку дров. Все это делалось для определения причин простоев и прогулов, установления оптимального режима работы. За различные проступки 95 рабочих и служащих было привлечено к суду революционного трибунала, еще 37 за прогулы, 24 — «за недостаточно продуктивное использование паровозов»[12]. Ревтрибунал Запасной армии за период с 17 октября 1919 г. по начало сентября 1920 г. рассмотрел 1.745 дел, осудил 1.308 чел., из которых военнослужащие составляли 798 чел., а остальные были советскими и железнодорожными служащими, крестьянами, «лицами без занятий»[13].

Огромную роль в укреплении советских учреждений Донбасса сыграла Украинская трудовая армия. По словам представителя трудчастей Туркестанского фронта Злотского полевые штабы «почти слились с гражданскими органами Управления и вели промышленность данных районов по пути формирования через милитаризацию... нельзя определить где кончается гражданское управление и начинается военное»[14]. Постановлением Укрсовтрударма № 10 от 27 февраля 1920 г. в распоряжение донецких рабочих передаются с армейских складов 7 тыс. пар обуви, 6 тыс. шинелей, 3 тыс. шаровар, 35 тыс. лаптей и др. Еще 80 тыс. комплектов обмундирования поручалось дать в течение трех месяцев с помощью мастерских военных заготовок, расположенных в Луганске и Таганроге[15]. Постановлением № 8 от 25 февраля устанавливаются нормы снабжения поверхностным и подземным рабочим — шахтерам и членам их семей. Однако в полной мере выполнить взятые на себя обязательства по снабжению Укрсовтрударм оказался не в состоянии. В первой половине 1920 г. потребности Донбасса удовлетворялись в хлебе на 50%, в ячмене на 30%, крупах на 14%, мясе на 2,8%, сахаре на 83%, подсолнечном масле на 11%[16]. Тем не менее, нельзя отрицать позитивное значение предпринимаемых командованием армии и Укрсовтрудармом мер, направленных на обеспечение хотя бы минимальных потребностей шахтеров Донбасса в продовольствии.

Как отмечалось в докладе о работе Украинской трудовой армии в первые два месяца ее существования, она оказывала на рабочих и население позитивный эффект: «Мы имеем ряд самых красноречивых донесений от наших частей, и даже телеграммы от различных учреждений и других ведомств, где подчеркивается огромнейшее моральное воздействие Трудармии на окружающую среду. Возьмем хотя бы тот самый Донбасс, где лишь одно появление первых частей Трудармии и ее агентов подтянуло все местные рабочие аппараты, и когда приходится перебрасывать часть с одного рудника на другой, поднимается вопль "хоть ничего не делайте, но не уходите, а то работа опять встанет". Вот обычный припев рудничного правления. Под Мелитополем стоит наполовину вымерший от тифа 3-й трудполк, в полку бойцов не больше 200 человек. Полк стоит один, почти без связи с внешним миром, полуободранный. Но он делает прямо чудеса. Спросите

тов. Владимирова [представитель наркомпрода, член Укрсовтрударма, — В.Ц.] и он вам скажет, что только Мелитополь веселит его душу»[17].

И в дальнейшем для местных властей трудовые части являлись своеобразным пожарным средством, с помощью которого можно было обеспечивать погрузку и транспортировку угля из Донбасса. Рабочие при возникновении проблем со снабжением часто объявляли забастовку. В таком случае их замена военнослужащими, арестованными, военнопленными была как нельзя кстати. «По донесениям из районов погрузка налаживается с большим трудом вследствие отсутствия прозодежды, денег и продовольствия..., — сообщал врид начальника Полевого штаба Донбасса в октябре 1920 г., — без батальона трудармейцев погрузку наладить очень трудно»[18].

Особенно широкие задачи выполнялись Кавказской трудовой армией: «Политотдел организовал местную власть... Трибунал разбирал дела неармейского происхождения. Особый отдел ловил контрреволюционные элементы из станиц, раскрывал заговоры, в намерение которых входил поджог промыслов и т.д. Санчасть в организованные ею курорты и госпиталя принимала рабочих... Эта работа являлась особенно ценной в глухой заброшенной центром местности, где советские аппараты только начинали строиться и остаются до сих пор весьма слабые...»[19].

Еще в первых числах апреля 1920 г. было проведено обследование только что образованных советских, партийных и профессиональных учреждений в г. Грозном. В результате выяснилось, что их работники отличаются «неосведомленностью, порой наивной неумелостью», что объясняется якобы «слишком долгой их оторванностью от советского края». Поэтому политотдел Кавказской трудовой армии взял на себя роль консультанта советских учреждений Грозного: «Местные товарищи, приступившие к организации того или иного отдела ревкома, приходили за руководящими указаниями... Отсутствие в самом отделе полного комплекта законов, декретов Республики вынуждало давать подробные словесные указания, часто до малейших деталей. Так, по указаниям политотдела организовались отдел народного образования, отдел народного здравия, отдел коммунального хозяйства, отчасти отдел юстиции, отдел управления и др.»[20].

Под непосредственным контролем политотдела производится переформирование заводских комитетов, профессиональных союзов, до этого находившихся под влиянием представителей партий эсеров и меньшевиков. Вырабатывается программа и посылаются лекторы на двухнедельные курсы по подготовке волостных и станичных военных комиссаров[21]. Практиковалось откомандирование из воинских частей лиц, предназначенных для укрепления кадров советских и партийных учреждений края. Военнослужащие занимали самые различные должности — от делопроизводителей до председателей ревкомов. Так, 8 человек было направлено в распоряжение Моздокского окружного ревкома, 15 — Майкопского ревкома и т.д.[22]

О роли военного командования в районе Грозного свидетельствует следующий отрывок из отчета «о формировании и первоначальной деятельности Кавказской трудовой армии»: «Рабочим нефтепромышленности аккуратно выдаем продовольствие, ведется политработа. Безболезненно устраняются от управления заводами завкомы и назначаются управляющие. Вообще рабочие склонны обращаться в армию за разрешением вопросов, не имеющих отношение к армии. Так, городские рабочие прислали делегацию с ходатайством выдавать им продукты непосредственно из армии из-за неналаженности аппарата продкома, который получал от нас для рабочих продовольствие»[23].

Военные взяли на себя обеспечение всеми видами довольствия трудящихся нефтепромыслов Северного Кавказа, железнодорожников Терского района. Только с 10 апреля по 31 мая 1920 г. пайки из армейских магазинов получали помимо 30.525 военнослужащих, 13.161 рабочих, 35.051 членов их семей, 29.476 горожан (в основном жителей г. Грозный)[24]. В июне на довольствии состояло 32 тыс. рабочих и 35 тыс. членов их семей[25], в сентябре — 9.940 рабочих и 17.665 членов их семей[26], в декабре — 8.388 рабочих и 18.471 член их семей[27]. Приказом Кавсовтрударма из армейских складов ежемесячно выдавалось рабочим по 20 ф. муки, ½ ф. сахара; членам их семей — по 10 ф. муки и ¼ ф. сахара. Мука отпускалась по фиксированной цене 72 руб. за пуд при среднемесячной зарплате около 9 тыс. руб.[28] Рабочие нефтепромыслов и железной дороги также получали из армейских запасов гимнастерки, шаровары и кожу.

Через полевое казначейство Кавказской трудовой армии осуществлялся перевод денежных средств для Грозненского и Кизлярского ревкомов, Центрального нефтеуправления, использовавшихся в дальнейшем на выплату жалованья рабочим, закупку лошадей, заготовку леса и др. нужды[29]. Однако обеспечивать рабочих всем необходимым на постоянной основе у трудовых армий не было никакой возможности. К концу 1920 г. перестало хватать продовольствия и обмундирования уже для самих военнослужащих, о чем свидетельствует сокращение пайков, рост недовольства, отражавшийся в переписке трудармейцев с родными.

Там, где политическая власть не отличалась относительной стабильностью, трудовым армиям приходилось брать на себя функции, связанные с поддержанием надлежащего порядка в хозяйственных учреждениях, обеспечением их успешной работы. Меры, предпринимаемые военным командованием, способствовали сокращению прогулов, притоку гражданской рабочей силы на фабрики, заводы, железные дороги, налаживанию деятельности ревкомов, советов и их отделов.

Трудармиям приходилось принимать меры к обеспечению медицинского обслуживания не только собственного личного состава, но и местного гражданского населения. Военнослужащие Петроградской трудовой армии приняли участие в первые месяцы 1920 г. в борьбе с эпидемией тифа. Чусоснабарм 2-й Особой армии занимался обеспечением хозяйственными предметами, койками, обозом изоляционно-пропускных пунктов по борьбе с холерной эпидемией на территории Воронежской губернии[30].

На довольствие Кавказской трудовой армии были зачислены медицинские учреждения г.Грозный. Санитарной частью армии оборудуются амбулатория и больница на нефтеперегонных заводах, снабжалась медикаментами, перевязочным материалом, бельем «Народная больница» на 500 коек. Усиленное питание и медикаменты поставлялись местному родильному дому и детскому приюту[31]. Весной 1920 г. организуется 6 прививочных отрядов, проводивших профилактическую вакцинацию от холеры и оспы не только трудармейцев, но и гражданского населения; малярийные станции, занимавшиеся «профилактической хинизацией», опылялись ядохимикатами заболоченные поля — места обитания малярийного комара[32]. Во главе Чрезвычайной комиссии

по борьбе с холерой был назначен военком штаба Кавтрудармии И.И.Шатровский. В армейской типографии отпечатываются воззвания к населению, излагавшие причины заболевания и меры предохранения от него. Для обслуживания больных выделяется госпиталь в г.Грозном, организуется скорая помощь. Медперсонал в возрасте до 50—55 лет объявляется мобилизованным на ликвидацию эпидемии. На железнодорожной станции устраивается карантинный пункт. На местном пивоваренном заводе вместо пива стали выпускать кипяченую воду, которую разливали в 24 бочки, установленные в различных районах города. Служащие гражданских и военных учреждений снабжались кипяченой водой в течение рабочего дня. Запрещается продажа напитков домашнего приготовления. Базар переносится из центра Грозного на окраину[33]. Принятые меры позволили обуздать эпидемию и свести число смертных случаев к минимуму.

Силами медицинской службы 2-й РАТ были укомплектованы медучреждения Алгембы, отремонтирована больница и центральный аптечный склад в Новоузенске, кумысно-лечебный санаторий в окрестностях города, создан эпидемический отряд в Александровом Гае. Летом 1920 г. Алгембе передается полевой передвижной госпиталь на 230 мест, эпидемический госпиталь на 45 мест, один стационарный и четыре летучих банно-прачечных отряда и др.[34]

Трудовые армии широко привлекались для подавления повстанческого движения, борьбы с остатками белогвардейских войск, отдельными группами противника, прорывавшихся в тыловые районы. Они также выполняли охранные функции, в некоторых случаях обеспечивали тыловые коммуникации войск, находящихся на боевом фронте.

В Грозном и его окрестностях трудармейцы являлись единственной силой, ответственной за поддержание порядка, несение караульной и конвойной службы: «Трудовая армия, имея свои гарнизоны на промыслах, защитила их от грабежей чеченцев и дала возможность спокойно работать рабочим, которые отвлекались от своих прямых обязанностей на самоохрану»[35]. Ситуация была настолько напряженной, что не хватало сил для окараулирования резервуаров с бензином на нефтеперегонных заводах. Еще в 1917 г. чеченские отряды разрушили нефтепровод, по которому

нефть перекачивалась из Грозного в Петровск (ныне Махачкала). Когда в июне 1920 г. нефтепровод удалось восстановить, Кавказской трудовой армии пришлось взять на себя его постоянную охрану.

Сложность военно-политической обстановки в крае подтверждается в письмах военнослужащих Кавказской трудовой армии. Один из важнейших мотивов, прослеживающихся во многих письмах, — крайняя опасность пребывания в Чечне. Неоднократно подчеркивается, что военнослужащим приходится быть в постоянном напряжении, чтобы избежать внезапного нападения, выстрела из-за угла, налета и т.п.

Лесодровяной склад, 29 июля 1920 г.: «Чечены хотя и признают Советскую власть, но где им удобно бьют солдат и вообще, на Кавказе, в частности в Грозном, жить опасно...»[36]. Административное управление армии, 1 июля 1920 г.: «В настоящее время в Грозном очень опасно. Чеченцы наших русских красноармейцев режут. Никакой пощады солдатам нет»[37]. Комендантское управление штаба армии, 24 мая 1920 г.: «По окраинам расположены аулы, жители которых чеченцы и встречаться с ними нет ни малейшего желания, если запоздаешь, то определенно ставь себе крест. По ночам часто бывают перестрелки с ними»[38]. Управление 267-го этапа, 4 декабря 1920 г.: «Вообще здесь на Кавказе не бывает ни одного дня спокойно... Все против власти настоящей»[39]. Рота связи, 17 января 1921 г.: «Каждую минуту ждем смерти, нельзя в деревню войти без винтовки, того и гляди откуда-нибудь из-за угла попадет»[40].

Край буквально кишел различными военными формированиями казаков, зеленых, местных националистов, скрывавшимися в лесах и горах, пользовавшихся поддержкой значительной части населения. На Северном Кавказе численность «белобандитов» по данным особого отдела Кавказского фронта к концу июня составляла 13.100 штыков и сабель при 50 пулеметах и 12 орудиях[41].

Уже в конце мая 1920 г. жители Шали совершили нападение на бойцов Кавказской трудовой армии. В начале июля в районе Нальчика командование 2-й трудовой бригады вынуждено было снять с работ три роты трудармейцев и направить их на ликвидацию повстанческого отряда численностью 150 сабель. 29 июля неизвестными лицами было разобрано железнодорожное полотно

близ Хасавюрта. Лишь благодаря хладнокровию машиниста удалось избежать крушения поезда с трудармейцами 4-го батальона 2-й рабочей бригады[42]. Наиболее крупными антисоветскими формированиями, действовавшими в районе дислокации Кавтрудармии, были отряды полковника Васищева численностью до 2 тыс. сабель, Батманова — около 3 тыс. штыков и сабель, полковника Белого — до 1,5 тыс. сабель[43].

Ситуация настолько обострилась, что в дополнение к частям 9-й Кубанской армии в борьбе с антисоветскими выступлениями в крае используется Кавказская трудовая армия. И.В.Косиор 16 августа 1920 г. издал приказ, обязывавший командиров отдельных рабочих батальонов создавать вооруженные взводы, а комбригов — пулеметные команды[44]. С 20 августа 1920 г. армия переводится на боевое положение. Бывшие военнопленные согласно распоряжению врид командующего А.Медведева должны были выводиться из состава частей и перебрасываться в Грозный для пополнения отдельного армейского рабочего батальона, а обычные красноармейцы наоборот перебрасываются из Грозного в боевые подразделения[45].

В боях с повстанцами приняли участие все три рабочие бригады армии, отдельный армейский батальон и 1-й Революционной дисциплины полк, 14-я им. Степина дивизия. Непосредственно боевые задачи возлагались на сводные отряды, выделяемые из бригад, снабженные не только легким стрелковым оружием, но и пулеметами, артиллерией. Так, в сентябре 1920 г. сводный отряд в составе 600 трудармейцев с приданными им шестью пулеметами, двумя орудиями и бронепоездом разгромили действовавший в районе железнодорожных линий Моздок-Николаевская и Ищерская-Наурская отряд полковника Васищева[46].

Была образована Надтеречная группа войск, делившаяся на несколько боевых участков. Во главе левого участка (район ст. Наурская-Калиновская) был поставлен командир Отдельной бригады Э.К.Озоль. В его состав входили по одному батальону 1-го Революционной дисциплины стрелкового полка, 8-го запасного полка, 1-й Отдельной рабочей бригады.

Ею была очищена от повстанцев железнодорожная линия, соединяющая Грозный и Владикавказ. Однако окончательная ликвидация антисоветских выступления силами одной трудовой

армии была затруднена из-за отсутствия кавалерийских частей, занимавшихся преследованием и уничтожением противника. Завершение операции выпало на долю регулярных боевых соединений.

В директиве командования Кавказским фронтом задачи по подготовке отражения Врангелевского десанта от 9 августа 1920 г. ставились, в том числе и перед трудовой армией, которой предписывалось направить кавалерийскую бригаду 14-й им. Степина дивизии по железной дороге на ст.Кавказская в резерв командующего фронтом[47]. Частям дивизии пришлось вступить в бой в районе Туапсе с отрядами генерала Фостикова. «В станице Преградной мы простояли два дня, организовали ревком, провели митинг с разъяснением задач Советской власти и Красной армии, показали два спектакля, открыли школу для детей, а уходя оставили пом. политрука в ревкоме для налаживания его работы, — вспоминал военком 40-й бригады 14-й дивизии М.Е.Виноградов, — Далее мы двинулись по направлению к станице Зеленчуковской, очищая все населенные пункты от остатков банд Фостикова»[48]. В дальнейшем 14-я им. Степина дивизия принимала участие в ликвидации повстанческих казачьих отрядов в пойме Кубани, мятежа имама Гоцинского в Дагестане.

18 октября 1920 г. врид командующего Кавказской трудовой армией А.Медведев издал приказ о переводе всех частей армии на боевой положение «вследствие... проявления активных боевых действий со стороны контрреволюционных банд» Занятые на обслуживании нефтепроводов и железных дорог подразделения стягиваются в Грозный или же используются преимущественно для несения охранной службы на хозяйственных объектах[49].

После некоторой стабилизации ситуации в районе Грозного, постановлением СТО от 7 декабря 1920 г. части Кавказской трудовой армии вновь переводятся на труд. На боевых участках они были заменены войсками Терской области. В итоговом отчете, посвященном деятельности Кавказской трудовой армии, период с 1 сентября по 1 декабря 1920 г. характеризовался как время «почти полного замирания деятельности армии как трудовой единицы: все были вооружены и брошены на фронт для борьбы с бандами»[50]. За участие в разгроме повстанческих отрядов 15 трудармейцев И.В.Косиором были представлены к ордену Красного Знамени[51]. В боях с мятежниками Кавтрудармия несла большие

потери. Погиб в сентябре 1920 г. вместе с 80 бойцами окруженный на хуторе Селиванове командир 1-й бригады Ф.Михайлов. Почти полностью в ноябре 1920 г. был истреблен в с.Ботлих 1-й Революционной дисциплины полк.

Неоднократно привлекались к подавлению антисоветских выступлений недовольного продразверсткой и трудовыми повинностями крестьянства части Украинской трудовой армии. Уже 9 марта 1920 г. Укрсовтрударм принял решение сосредоточить в четырех уездах Полтавской губернии, слабо выполняющих продовольственную разверстку не менее пехотной бригады и кавалерийского полка, четыре автотранспорта с целью охраны подвоза продгрузов и очищения от бандитов[52]. Данное намерение хотя и не в полном объеме и с запозданием, но все-таки было выполнено.

О роли частей трудовой армии на территории неспокойной Украины можно судить по докладу инспектора Кононова, посетившего в апреле 1920 г. 3-й трудовой полк, дислоцированный в Большом Токмаке Таврической губернии. Полк являлся гарнизоном города — единственной военной силой, на которую могла положиться местная власть, т.к. практически все население было настроено «промахновски» — крайне враждебно по отношению к проводимой большевиками политике. Как заявил председатель ревкома, если трудармейцев выведут из Большого Токмака, то и ревком вынужден будет покинуть город. Основная часть полка была стянута в здание бывшего банка, переделанного под штаб и казарму. Само здание было обнесено забором. Военнослужащие вынуждены были заниматься не производительным трудом, а выполнять обязанности по несению караульной службы, производить облавы и аресты, сопровождать грузы и т.п.[53]

К «усмирению восстаний, борьбе с дезертирством и продовольственным экспедициям» весной 1920 г. привлекался 5-й трудовой полк Украинской трудармии[54]. В задачи 6-го трудового полка входили «охрана копей, конвоирование поездов с углем»[55]. В июне—июле 1920 г. на боевое положение переводятся подразделения Украинской трудовой армии, дислоцированные в Полтавской губернии, «ввиду разрастания восстания партизан»[56]. 31 октября комиссар 4-го трудового полка сообщал командованию, что выполнять задания приходится в постоянных стычках с бандитами[57]. Части 42-й дивизии приказом командующего

Юго-Западным фронтом с 23 по 27 мая снимались с работ и вели бои с повстанцами[58]. 8-й трудовой полк был размещен в четырех населенных пунктах Одесской губернии. Оттуда в соответствии с директивами командования посылались отдельные подразделения для окарауливания ссыпных пунктов, транспортов с продовольствием и «в боевые экспедиции» для поимки дезертиров и изъятия оружия[59]. По словам инспектора, обследовавшего полк, обстановка в районе его дислокации «боевая», т.к. население при внешнем подчинении «чрезвычайно недовольно продовольственной политикой»[60]. О значении боевой деятельности частей Украинской трудовой армии говорит и тот факт, что постоянная смена работающих частей и занимающихся борьбой с бандитизмом, также как и строевые занятия, считались одной из важных средств поддержания дисциплины[61].

Необходимость окончательно решить вопрос с «умиротворением» оппозиционно настроенного по отношению к политике военного коммунизма украинского крестьянства возникла после разгрома Врангеля. Общее руководство действиями войск по борьбе с бандитизмом на Украине возлагается на Главкома Республики, непосредственно же на месте — на уполномоченного РВСР на Украине, командующего Южным фронтом М.В.Фрунзе[62]. В ликвидации «махновщины» приняли участие и подразделения трудовых армий.

Донецкой трудармии были переданы некоторые части ВНУС и поставлена цель уничтожить «банды» повстанцев в районе Старобельска и Славянска, для чего создаются два летучих отряда в составе сводного кавалерийского полка ВНУС, кавполка 4-й Богучарской бригады, группы Покуса, соединений 2-й Донской стрелковой дивизии и др. «Действия летучих отрядов должны отличаться решительностью и настойчивостью, — указывал М.В.Фрунзе, — Задача их не распыление банд, а полное истребление. Преследование вести не ограничиваясь какими бы то ни было рубежами или границами»[63]. Поэтому не случайно, что уничтожение бандитизма, гарнизонная служба назывались одной из важных функций Донецкой трудовой армии в рапорте ее командующего[64].

Во многом аналогичные задачи выполнялись и 2-й Особой армией. В районе Юго-Восточных железных дорог вводится

обязательное сопровождение угольных маршрутов конвоем, на который возлагается охрана от расхищения и недопущения посадки пассажиров. Устанавливаются контрольно-распределительные пункты на железнодорожных узлах, прилегающих к рудникам[65]. Приказом РВСР от 22 июля 1920 г. на 2-ю Особую армию возлагается обеспечение тыла Кавказского фронта для чего в пределах Донской области нужно было содержать специальные гарнизоны. Необходимость такого шага объяснялась командующим армией Д.П.Оськиным тем, что эта территория «кишела организаторами белогвардейских восстаний»[66] и поэтому необходимо было создать прочную тыловую базу фронту.

В июле 1920 г. отряд полковника Назарова, продвигаясь в промежутках между городами достиг Черкасского округа и перерезал железнодорожное сообщение на линии Лихая-Сулин. Против белых пришлось направить силы двух стрелковых бригад 2-й Особой армии. Отряд Назарова, не сумевший поднять на борьбу донское казачество, блокируется в лесах в районе станции Горной и в начале августа уничтожается[67]. В сентябре—начале октября 1920 г. частям 2-й Особой армии пришлось вступить в боевые столкновения с вторгнувшимися в пределы Донской области махновцами общей численностью около 3 тыс. чел.[68]

Трудовые бригады 2-й Особой армии выделяли небольшие подразделения для поимки военных дезертиров на территории Воронежской губернии. Предварительно губерния была разбита на четыре района во главе с военными начальниками. Затем отряды губвоенкомата, части из состава трудбригад двигались в заданном направлении прочесывая местность с тем, чтобы сойтись в условленном пункте. Такая операция, организованная в конце июня—начале июля 1920 г. позволила задержать во всех четырех районах 3.276 дезертиров. Еще трое при попытке оказать сопротивления были убиты[69]. При проведении продразверстки разбитые на группы по 5 человек трудармейцы сталкивались с бандами, скрывавшимися в лесах Воронежской губернии. Одна из таких групп в июне 1920 г. была окружена, разоружена и расстреляна дезертирами в Павловском уезде. На кистях рук погибших трудармейцев ножом было вырезано слово «коммуна»[70].

В ликвидации мятежа Сапожкова приняли участие некоторые подразделения Заволжского ВО, ранее входившие во 2-ю РАТ.

В борьбе с повстанческим движением были задействованы также отдельные подразделения 1-й Революционной трудовой армии. Петроградская трудовая армия принимала меры по укреплению границы с Финляндией, оборудованию инженерной обороны Карельского перешейка, о чем свидетельствуют соответствующие директивы Главного командования[71].

Таким образом, трудовым частям приходилось зачастую брать на себя функции войск внутренней службы, которые также занимались ликвидацией бандитизма, охраной путей сообщения, учреждений и предприятий. В свою очередь и части ВНУС (ВОХР) привлекались к хозяйственным работам, как правило, эпизодически — к борьбе со снежными заносами, пожарами, участию в «неделе крестьянина», субботниках и воскресниках. Примечательно, что использование военнослужащих ВНУС вполне официально допускалось «в исключительных случаях... как рабочая сила и в помощь агентам продорганов и населению»[72].

Однако нельзя преувеличивать степень боеспособности трудовых частей, укомплектованных «по остаточному принципу» из военнопленных, дезертиров, мобилизованных старших возрастов и т.п.; не имевших возможности вести регулярное военное обучение. Как отмечалось в отчете инспекционной комиссии, обследовавшей в июне 1920 г. Кавказскую армию труда, войска «благодаря большому некомплекту, недостатку вооружения и обмундирования, а также и отсутствия воинской подготовки... небоеспособны для ведения войны, но для частичного поддержания порядка среди туземцев и для небольших экспедиций пригодны», рабочие батальоны — «скорее рабочие артели, чем боевые единицы... о боевой подготовке их пока не думали»[73].

Обследование 4-го трудового полка Украинской трудовой бригады, проведенное в ноябре 1920 г. показало, что его боеспособность находится на неудовлетворительном уровне, трудармейцы «утратили всякий воинский вид... не могут окараулить даже себя» и при нападении бандитов «обычно ретируются к штабам батальонов даже за десятки верст»[74].

Во 2-й Особой армии в конце июня 1920 г. на почти 20 тыс. трудармейцев и комсостава приходилась 2.383 винтовки, т.е. примерно одна на 9 человек[75].

Следовательно, возможность боевого применения трудовых армий ограничивались преимущественно борьбой с повстанческими отрядами, дезертирами и отдельными разрозненными частями белых.

Некоторые трудовые армии занимались формированием запасных частей, предназначенных для отправки в зону военных действий. Данные функции выполнялись преимущественно Запасной и 2-й Особой армиями.

13 мая 1920 г. командующий 2-й Особой армией Д.П.Оськин предложил Главкому С.С.Каменеву привлечь армию для формирования из выявленных в Воронежской губернии дезертиров различных воинских соединений: маршевых батальонов, трудовых и боевых частей, бригады ВОХРа[76]. В июне—июле 1920 г. из состава 2-й Особой армии выделяются для отправки на польский фронт 4 трудовые бригады, маршевый батальон, 4 роты, автогрузовой отряд, радиостанция, военно-полевое строительство. Также армейское командование внесло предложение придать армии функции запасной, на что 5 июля 1920 г. последовало согласие РВСР. Отдается приказ сформировать одну запасную бригаду в составе 4 пехотных и одного пулеметного полков, не трогая трудовых соединений. Затем создается 2-я запасная бригада, для чего центром выделяется один запасной полк, отдельные артиллерийские и кавалерийские части. Для их укомплектования из трудовых частей изымаются все командиры взводов, артиллерийский и кавалерийский комсостав. Решению этой задачи также способствовало переформирование шести трудовых бригад в батальоны, что привело к сокращению штабов трудовых соединений. В августе на фронт передаются бригада, армейское автоуправление, образцовый полк, 10 маршевых батальонов и маршевая рота[77]. Данная работа проводилась армией вплоть до ноября 1920 г. Всего же 2-я Особая армия подготовила для фронта 10 стрелковых бригад, 2 стрелковых полка, 36 маршевых батальонов, 3 кавалерийских полка и 5 артиллерийских дивизионов, 3 запасных бригады, 2 запасных артдивизиона, учебный полк и ряд мелких специальных подразделений[78].

23 мая 1920 г. была составлена докладная записка председателю РВСР о необходимости переброски на Западный фронт 2-й РАТ[79]. Штаб 2-й РАТ был отправлен в действующую армию

и использован в соответствии с приказом командующего Западным фронтом Тухачевского от 11 июня 1920 г. для формирования 4-й армии[80]. Для Западного фронта Заволжский ВО совместно со 2-й РАТ сформировал 8 эскадронов, 2 легких батареи, 3 пулеметные команды[81].

Из Запасной армии было послано на фронт 2 дивизии, 22 стрелковых бригады, 201 маршевый батальон, 12 пулеметных команд, 2 кавалерийские дивизии, 12 кавалерийских полков, 12 кавалерийских батальонов (всего в 1920 г. более 313,7 тыс. чел.)[82].

Поддержание высокой боеготовности оказалось сложно сочетать с эффективным трудовым применением воинских частей. Несколько позднее это положение нашло подтверждение в постановлении X съезда РКП(б) по военному вопросу[83]. На фронт при необходимости отправлялись как правило не трудовые части, а специально формируемые запасные. Относительно успешная работа 2-й Особой армии в указанном направлении строилась на том, что не происходило смешения боевой и трудовой деятельности, а соблюдалась своего рода специализация.

Культурно-просветительская, пропагандистская работа разворачивалась как среди трудармейцев, так и среди гражданского населения, проживавшего на территории дислокации трудовых армий силами политотделов, существовавших в трудовых соединениях точно так же, как и в любых других частях Красной армии.

Уже в одном из первых документов, определяющих основные направления деятельности 1-й РАТ, Л.Д.Троцкий указывал: «Десятки и сотни тысяч печатных воззваний и речей должны разъяснять самым отсталым красноармейцам и всем окружающим рабочим и крестьянам смысл того великого дела, к которому приступает 3-я армия»[84].

Политотдел Донбасса, образованный в соответствии с приказом Укрсовтрударма с 1 марта 1920 г., занимался по поручению командующего армией обследованием состояния рудников, взял на себя некоторые функции партийных комитетов гражданских учреждений, поскольку последние «страдают отсутствием опытных работников, заражены большей частью местничеством, нередко пьянством, а в Гришинском, части Юзовском районах даже махновщиной»[85]. Только за март—апрель 1920 г. Политотделом

Донбасса было организовано 52 комячейки, 3 библиотеки, 6 школ грамоты, 3 клуба, проведено 197 митингов, 17 лекций, 39 спектаклей, 22 киносеанса, распространено около 77 тыс. листовок и брошюр, более 88 тыс. экз. газет, издано 18 тыс. листовок и брошюр и т.д. и т.п.[86] Почти вся работа велась на рудниках. Митинги и лекции были посвящены тематике, касающейся разъяснения сути происходящих в стране перемен: положение советской республики, история и задачи РКП(б), задачи и значение для экономики Донбасса трудовой армии и др. Политотдел также участвовал в кампании по замене ревкомов советами, и выборах на губернский съезд советов. О тесном взаимодействии военных и гражданских учреждений свидетельствует проведение «Первой конференции коммунистических ячеек милитаризованной промышленности и трудовых войск Донецкого бассейна»[87].

В целом же до августа 1920 г. по сообщению начальника Политотдела Донбасса Магидова было создано 100 коммунистических и 26 комсомольских ячеек, 3 школы политработника, 20 школ грамоты, 16 клубов, 9 читален, 17 культкомиссий, проведено 524 митинга, 123 рабочих собрания, 95 лекций, 37 киносеансов, 22 недели, посвященные различным кампаниям, распространено более 290 тыс. номеров газет и мн. др.[88]

Намечались и осуществлялись планы политической деятельности, охватывавшие широкие слои населения во 2-й Особой армии. Здесь организовывалась коллективная читка газет и брошюр, красноармейские конференции, «повсеместная устная агитация типа не митинга... а собеседования, разговора»[89].

Аналогичная работа проводилась и остальными трудовыми армиями. Как отмечалось политотделом Кавказской армии труда, значительную часть сил ему приходилось «тратить для работы среди населения, которая ведется усиленным темпом»[90]. В 1920 г. он организовал 38 школ, предназначенных для ликвидации неграмотности среди трудармейцев, школу политграмоты для чеченцев. Политкурсы для рабочих г.Грозный выпустили 60 слушателей, которые были направлены в гражданские партийные организации. Несколько сот человек прошло подготовку в партшколе 1-й ступени (военно-политические курсы) трудовой армии. «Среди курсантов четвертого набора [май 1920 г., — В.Ц.] кроме русских были чеченцы, осетины, дагестанцы и представители

других народностей Кавказа. Курсанты — рабочие проявляли большой интерес к учебе, и занятия проходили чрезвычайно живо», — вспоминал секретарь партийной ячейки партшколы И.П.Салов[91]. В начале 1921 г. она была превращена в партшколу 2-й ступени с секцией для чеченцев.

В различных частях Кавказской трудовой армии работало 20 клубов, при каждом из которых существовали политические и драматические кружки. Совместно с Грозненским отделом народного образования проводится трудовая повинность для учителей, организуются краткосрочные двухнедельные курсы для подготовки ликвидаторов безграмотности. Регулярно как среди трудармейцев, так и гражданского населения устраивались митинги, концерты, спектакли, выполнявшие агитационно-пропагандистские задачи[92]. С 1 января по 1 сентября 1920 г. Политотдел поставил 437 спектаклей, 278 концертов, на которых присутствовало 371,935 чел.[93] Применялись такие формы работы как помощь семьям красноармейцев, организация субботников и воскресников. Политработники выезжали в села и станицы, где устраивали собрания местного актива, инструктировали ревкомы. Например, инспектором политотдела 14-й им. Степина дивизии во время его посещения станицы Передовой в сентябре 1920 г. было проведено совещание учителей, заседание ревкома, митинг, на котором присутствовало около 500—600 человек. В выступлении инспектора были затронуты основные вопросы международной и внутренней политики: «1. Сущность Советской власти. Участие в ее строительстве трудовых масс. 2. О гражданской войне, роль Антанты в этой войне. 3. О создании Лиги наций, о созыве II конгресса III Интернационала. О созыве съезда народов Востока. О комитетах содействия. 4. О партии РКП, как руководительнице мирового революционного движения. 5. О работе агентов и ее результате. 6. Об общественной запашке. О выполнении разверстки...»[94].

Непосредственно в городе Грозном — в партийной школе, «Народном университете» сотрудниками политотдела армии читались различные научно-популярные лекции: «Описание солнечной системы», «Первобытный человек», «О животном и растительном мире» и т.п.[95] Практиковались такие формы агитационной деятельности как устройство показательных «политсудов» —

над дезеритарми и спекулянтами, «лодырем-хлеборобом», самогонщиками, «шкурниками-богатеями», «неграмотным красноармейцем», даже над «старым режимом»; диспуты между коммунистом и беспартийным, коммунистом и крестьянином, красноармейцем и мятежником. Это были постановочные действа, подготовленные армейскими политработниками, призванные убедить присутствующих в правильности проводимой советской властью политики.

Следует отметить, что в равной степени аналогичная работа выполнялась и 9-й армией Кавказского фронта, 11-й армией, частями военкоматов. Ими также устраивались митинги, собрания, распространялись листовки, газеты, выделялись сотрудники для ревкомов и партийных ячеек и т.п. Просто у трудовой армии в силу ее незанятостью выполнением боевых задач, тесной связью с местными гражданскими учреждениями и предприятиями, имелось больше возможности для ведения регулярной политической и культурно-просветительской работы. Однако в целом политико-просветительская деятельность на Северном Кавказе была затруднена сложной обстановки в крае и дефицитом подготовленных кадров. Регулярная работа велась, прежде всего, в Грозном и его окрестностях, а также некоторых уездных центрах. Ею были слабо охвачены представители народностей Северного Кавказа.

Большими тиражами трудовые армии выпускали листовки, обращения, газеты, брошюры. Так, только Петроградской трудовой армией за май—август 1920 г. было издано 1 640.250 эк. газеты «Боевая правда», 87.092 экз. журналов, 158.500 листовок[96]. Типографией политотдела Кавказской трудовой армии печатались программа и устав РКП(б), резолюции Всероссийского съезда трудового казачества, листовки, брошюры (в том числе и на чеченском языке), «Советский букварь» и мн. др.[97]

Широких масштабов достигли мероприятия, организованные политотделом Запасной армии. Только в мае 1920 г. устраивались «День книги и просвещения», «Неделя польского фронта» в ходе которых провели 370 митингов, 210 спектаклей, 14 киносеансов, издали 49 тыс. листовок, лозунгов и воззваний и др. Ежедневно в «неделю польского фронта» на всех мероприятиях присутствовало в среднем 8.340 чел. Курсанты военно-учебных заведений собрали 13 тыс. книг, предназначенных для красноармейских

библиотек. С этой целью практиковались плата за вход на концерты книгами, «поквартирная агитация», летучие митинги. Для установления более тесного контакта между рабочими и военнослужащими были устроены четыре беспартийные конференции, в которых приняло участие 1.161 чел., в том числе 682 красноармейца.

На 1 июня 1920 г. в Запасной армии имелось 129 библиотек, насчитывавших более 25 тыс. книг. Кроме того, более 20 тыс. экземпляров имела Центральная красноармейская библиотека в Казани. Преимущественным спросом у красноармейцев пользовалась беллетристика. Помимо выдачи литературы на руки практиковалось устройство выставок, бесед, чтений вслух. Агитлекторская секция политотдела заведовала 10 школами политграмоты, в которых проходило обучение 2.706 чел. В частях Запасной армии было помимо этого организовано 140 кружков (самообразования, литературы, музыкальные, драматические, ораторские, физкультуры, шахматные и др.) и 41 клуб; педагогические, внешкольные, чувашские методические курсы, педагогический музей[98]. Всего в 1920 г. при Запасной армии функционировало около 200 школ, одновременно обучавших 5.630 красноармейцев[99]. При политотделе постоянно работала партийная школа, в программу которой входили изучение истории революционного движения, политэкономии, аграрного вопроса, общеобразовательных дисциплин.

Партшколы были созданы также политотделом 2-й Особой армии. Из 120 слушателей первого выпуска, состоявшегося в сентябре 1920 г., 70 зачисляются в резерв как будущие политработники[100]. На стройке Александров Гай — Эмба действовало общеобразовательных 11 школ для трудармейцев. Всего же в частях 2-й РАТ по данным на июнь 1920 г. функционировало 36 школ, в которых обучалось 1.010 чел.; 56 библиотек, имевших 20.895 книг; 18 драматических и 9 музыкальных кружков, 5 клубов[101].

В 1-й РАТ уже в конце февраля 1920 г. состоялся первый выпуск 112 курсантов партийной школы, из которых 76 направляются в трудовые части[102]. На Урале в течение марта—апреля 1920 г. происходит слияние армейских и гражданских партийных организаций (не коснувшееся боевых частей). Здесь также регулярно проводятся митинги, беспартийные конференции

в гарнизонах Перми, Челябинска, Златоуста, создаются русские и мусульманские школы для трудармейцев и т.п.[103]

Число школ для неграмотных во 2-й Особой армии с мая по октябрь 1920 г. возросло с 19 до 66, школ «повышенного типа» — с 1 до 6, библиотек — с 18 до 106, клубов — с 11 до 25[104]. Кроме того, во 2-й Особой армии за этот же период времени проводится 181 митинг и 1.699 бесед, 285 лекций, 41 концерт[105].

Указанные мероприятия, разъясняя обоснованность и правильность внутренней и внешней политики советского государства, являлись важным дополнением к принудительным и репрессивным действиям, направленным против социальных слоев и отдельных лиц, враждебно настроенных к новой власти. В принципе они не отличались от аналогичных мер, предпринимаемых в отношении собственного личного состава и местного населения политическими органами военных округов и любых других соединений Красной армии. Здесь сложно обнаружить какую-либо особую специфику, присущую именно трудовым армиям.

Главной же проблемой, с которой приходилось сталкиваться политотделам трудовых частей — неприспособленность к решению проблем, связанных с производственной пропагандой. Повышение образовательного уровня военнослужащих, их воспитание в духе преданности идеалам коммунизма, конечно, было очень важной целью. Но ее достижение лишь в небольшой степени приближало трудовые соединения к выполнению своего главного предназначения — успешного участия в борьбе с хозяйственной разрухой, увеличения производительности труда. Необходимость налаживания эффективной производственной пропаганды многократно обсуждалась на разных уровнях в течение 1920—1921 гг. Причем подчеркивалось, что имеющиеся в наличии партийно-политические кадры не имеют навыков подобного рода деятельности: «Весь личный состав инструкторов, политруков, агитаторов совершенно не подготовлен к делу производственной пропаганды, и если ему немедленно же не прийти на помощь, он будет бессилен что-нибудь сделать»[106].

Важным представляется вопрос о том, как военнослужащие воспринимали свое участие в хозяйственном возрождении страны? **Отношение рядовых красноармейцев к переводу** 3-й армии на трудовой фронт не было однозначным. Определенной их части,

к которой следует отнести, прежде всего, коммунистов, казалось, что подобный шаг способен существенно приблизить построение общества социальной справедливости и всеобщего изобилия. Выражение таких настроений можно найти в письмах красноармейцев к родным. Вот характерный фрагмент одного из писем: «Скоро управимся с новым врагом (разрухой) я так полагаю, что скорее, чем с Колчаком и Деникиным управимся, вернемся домой и будем жить себе в миру и в ладу»[107]. В январе—начале февраля 1920 г. почти в каждом номере газеты 3-й армии «Красный набат» публикуются резолюции собраний личного состава различных воинских частей в поддержку 1-й РАТ. Одобряет создание трудармии первая беспартийная конференция красноармейцев Екатеринбурга[108]. Год спустя командир 10-й военно-инженерной трудовой бригады так вспоминал об этом времени: «Весна 1920 года была для Бригады строительства периодом повышенного трудового настроения и фантастических хозяйственных планов. Мечтали построить грандиозный рабочий городок возле города Златоуста. Были составлены самые заманчивые проекты»[109].

Однако рассеялись подобные иллюзии очень быстро. Поддерживать энтузиазм трудармейцев длительное время только с помощью различных моральных стимулов, лозунгов и внешнего дисциплинирования оказалось гораздо сложнее, чем это поначалу считалось. Основная масса военнослужащих думала не столько о трудовых подвигах, сколько о скорейшем возвращении домой. Особенно негативную реакцию вызывало у них плохое обеспечение продуктами и одеждой. Как отмечалось в «Информационном бюллетене Управления Особого отдела ВЧК при 1-й РАТ» «недовольство в воинских частях растет. Причина, конечно, недостаток продуктов и обмундирования, отпуск коих не только не увеличился, но с каждым днем все падает»[110].

В последующий период на политико-моральное состояние личного состава по-прежнему крайне неблагоприятно влияло плохое обеспечение обмундированием и питанием. «Информационные бюллетени Управления Особого отдела ВЧК при 1-й РАТ», «Сводки о политическом состоянии воинских частей и учреждений округа», «Информационные сводки» подробно характеризуют преобладавшие в красноармейской среде настроения:

Пермская губерния — «Расположенные в Пермской губернии воинские части находятся в смысле снабжения обмундированием и продовольствием в жалком положении. Красноармейцы грязны и оборваны и большинство ходит в лаптях. Появляется сильный ропот... замечается массовое дезертирство»[111]; Челябинская губерния — «Из наблюдения за жизнью воинских частей видно, что красноармейцы плохо одеваются, плохо питаются, сильно развито пьянство, карточная игра и прочее. В особенности этими качествами отличается 29-е Инженерное строительство»[112]; гарнизон Уфы — военнослужащие «наполовину раздеты и необуты. На этой почве среди них... распространяются волнения и недовольство, а также помещения для красноармейцев не оборудованы полностью для жилья... те антигигиенические условия жизни, в которых находятся сейчас красноармейцы, могут вызвать эпидемические заболевания»[113].

Данные выводы с завидным постоянством повторяются почти во всех подобного рода документах, относящихся к маю—декабрю 1920 г. Особенно тяжелое положение сложилось в Тюменской губернии. Хотя на военных складах в Тюмени были сосредоточены значительные запасы одежды и обуви, предчусоснабарм Урала не разрешал их выдавать личному составу, мотивируя отказ тем, что губерния входит в состав Западносибирского военного округа. Но т.к. Тюменская губерния одновременно подчинялась Совтрударму, то и Омск в свою очередь отказывался ее чем-либо снабжать[114].

О господствовавших в трудармейской среде настроениях, их эволюции можно составить представление также по недельным и двухнедельным «Военным сводкам» Цензурного отделения Кавказской трудовой армии. Вплоть до конца 1920 г. в письмах трудармейцев преобладают позитивные отклики о службе:

5-й отдельный рабочий батальон 2-й отдельной бригады, 2 июня — «Через несколько дней поедем проводить железную дорогу. Эта работа по нас. Обмундирование дают новое, хлеба 2 ф., мяса ½ ф. на человека. Пойдем на работу, хлеба будут давать 2 ½ ф., а мяса 1 ф.»[115].

Армейский отдельный батальон, 4 рота, Грозный, 3 августа — «Служим в Грозном, исправляем транспорт (железные дороги) служить хорошо, хлеба дают 3 ф., варят борщ хороший. Служить

можно. Выдавали шаровары, гимнастерки, ботинки и табак, жалованья получаем 1.200 р., еще получаем наградные — 1.200 р. за то, что хорошо работаем»[116].

Иногда военнослужащие фактически повторяют лозунги, почерпнутые из газет, сообщаемые на политзанятиях:

Командные пехотные курсы, Грозный, 27 июля — «Хотя война и кончена на Кавказе, но образовалась другая война, это война бескровная, война с разрухой и так это все войска на Кавказе воюют с разрухой: очиняют железную дорогу, поезда, нефтяные промыслы, заводы, чтобы скорее дать России керосин, нефть и мазут»[117].

В то же время встречаются в письмах и мотивы усталости, выражается стремление поскорее вернуться домой к мирной жизни:

Управление снабжения, 30 июня — «Армия стала трудовой. Предполагали, что распустят домой, но нет, наверное придется служить пока не подохнешь. Ужасно надоело»[118];

5-й отдельный рабочий батальон 2-й отдельной бригады, 20 июля — «Находимся в рабочем батальоне. Работа не тяжелая. Жизнь плохая. Тем плоха, что мы далеко от семьи»[119];

Неизвестная часть, Грозный, 18 декабря — «Надоело скитаться на чужой стороне, хотелось бы вернуться на родину и приняться за свой личный труд, который бы принес большую пользу»[120].

Содержатся в сводках указания и на недостаточную эффективность использования рабочей силы трудармейцев:

Школа политкурсов, 3 июня — «Занимаемся мирным трудом, ходим на станцию убирать горелое железо с железнодорожных путей и большую часть времени "гоняем лодыря"»[121].

В сводке за вторую половину августа из 139 фрагментов писем трудармейцев лишь 10 содержат явное недовольство службой, в сводке за 5—11 декабря — из 127 цитат 20.

Примерно с октября 1920 г. возрастает беспокойство по поводу сложной политической ситуации на Северном Кавказе:

Грозный, 27 октября — «Здесь ужасы на Кавказе творятся, восстание за восстанием, разбирают железные дороги, обстреливают поезда. Зеленых такая масса, все до основания вооружены против коммуны...»[122].

С конца 1920 г. это беспокойство дополняется недовольством за ухудшившееся снабжение, а также более тяжелыми условиями работы в зимнее время:

Неизвестная часть, Грозный, 16 декабря — «Раньше давали по 2 ф. хлеба, теперь стали давать по фунту, раньше варили борщ, теперь суп... а к новому году наверно один чай будем пить»[123].

Инженерные части, 14 января 1921 г. — «У крестьян все забрали кур, уток, свиней, а нам ничего не остается, с голоду помираем, коммунисты ходят одеты как раньше старые офицеры, а красноармейцы разуты и раздеты...»[124].

Ухудшение питания нашло отражение и в информационном бюллетене Особого отдела ВЧК при Кавказской трудовой армии: «За последнее время стали усиливаться жалобы и недовольство на неудовлетворительность питания, особенно это бросается в глаза при чтении писем красноармейцев», что отразилось и на положении рабочих нефтепромыслов, которые обеспечивались за счет армии[125].

Плохое снабжение было важным фактором, сказывавшимся на настроениях военнослужащих других регионов, о чем свидетельствуют выдержки из «Военных сводок, идущих из Петроградской губернии», составлявшиеся цензурным отделением Особого отдела охраны Финляндской границы:

«Служба такая, что я никогда не видел такой службы. Голод страшный, 1 ф. хлеба можно достать за 1.500 р. и то не найдешь. В первый день Рождества нас погнали на работу голодных, как собак. В Петрограде был дождь, а мы в валенках и сапогах»[126];

«Смотри там, как ни можно старайся, чтобы тебя не взяли в Красную Армию, а то ты сам знаешь, что в Красной Армии служить не дай Бог... а то сейчас старые годы распускают, а молодые забирают в армию труда. А ты должен знать, что из молодых годов, то твоему году придется служить очень много. Смотри пока еще не поздно, потому что отсюдова вырваться очень трудно»[127];

«Очень голодно, дают нам один раз в сутки котелок супу на двоих и ¾ ф. хлеба, больше ничего не жди до другого дня, опять раз в день съешь и кончено. Очень прискорбно стало, у нас дома берут и нам не дают, хотя знаем куда наш хлеб пропадает. Как праздник — нас гонят на работу, как нарочно, дрова пилить в лес. Дорогие родители, очень плохо становится жить, плохо стали даже уже бежать домой»[128].

В то же время наблюдались и иные настроения, связанные с искренним стремлением добиться скорейшего восстановления

народного хозяйства, наладить мирную жизнь. Материалы подобного рода помещались, в первую очередь, в армейских газетах. Несмотря на однозначную направленность и некоторую тенденциозность заметок и статей, предназначенных стимулировать трудовой героизм военнослужащих, они все-таки являлись и отражением реальных настроений части личного состава. «Работа окончена, — писалось о субботнике, в котором участвовали члены Политотдела 2-й Особой армии, — У всех удовлетворенные, счастливые лица... Строимся и идем домой. Еще дружнее, еще веселее звучит песня.... Как жалки те, кому незнакомо счастье коллективного труда»[129]. Несмотря на чрезмерную пафосность текста, сомневаться в искренности автора заметки у нас нет достаточных оснований. Однако нужно заметить, что одно дело — эпизодическое участие в субботнике штабных работников, которое могло породить соответствующие настроения, и совсем другое — каждодневный изматывающий труд основной массы рядового состава.

Да и сама система организации труда периода военного коммунизма, основанная на уравниловке, принуждении, чрезмерной централизации и бюрократизации очень быстро меняла настроения трудармейцев. Так, крайне негативное, «деморализующее» воздействие на настроение военнослужащих оказывало отношение к труду гражданских рабочих и администрации, по словам командира 1-й бригады Украинской трудовой армии Богданова, «незнающими никакой трудовой дисциплины»[130].

Влияли на трудармейцев характер выполняемых ими работ, общая окружающая обстановка. В частности, отрицательно отражалось на них участие в продразверстке. Безнаказанный грабеж крестьянства развращающее воздействовал на его участников. Обследование 4-го трудполка Украинской трудовой армии, проведенное в ноябре 1920 г., показало, что разбросанные по различным уездам Киевской губернии подразделения полка, находясь под руководством начальников райпродкомиссий — «людей не связанных с военным делом», быстро приходили «в состояние полной расхлябанности и дезорганизации», развивались пьянство и «разгул за счет местного населения», оружие содержалось в запущенном виде, не велся учет дезертиров и т.д. и т.п.[131]

Возникавшее первоначально искреннее желание помочь своей стране вступало в резкий диссонанс теми объективными условиями, в которых приходилось работать. В докладе о работе 3-го трудполка Украинской трудовой армии, состоявшего из питерских рабочих, отмечалось: «Среди трудармейцев [наблюдается] недовольство, основанное на сознании того, что применение их труда как продармейцев не окупает расходов на их содержание и не использует их по назначению, соответствующему их высокой профессиональной подготовке, в связи с этим среди некоторых товарищей — трудармейцев замечается даже определенная тяга на север, на прежние заводы»[132].

О том, как иногда протекали трудовые будни некоторых военнослужащих, можно судить по «Акту контролера Всеукринспекции», составленному 2 июля 1920 г. На 5-й государственный нефтяной склад в Харькове 26 июня были отправлены 6 трудармейцев для выгрузки бензина из пришедших из Грозного цистерн. Проработав час, военнослужащие заявили, что им нужно на обед в часть. Взяв у завскладом 250 руб. «на трамвай» они вернулись через три часа. После еще одного часа работы, прозвучал гудок Паровозостроительного завода и трудармейцы посчитали, что рабочий день закончился и для них. С трудом удалось уговорить их остаться еще на один час. Не закончив выгрузку даже одной цистерны трудармейцы в 5 часов дня покинули склад. На следующий день пришли уже другие 6 трудармейцев. Проработав до обеда, они ушли и больше на склад не возвращались. В том же духе история тянулась еще несколько дней, пока терпение у заведующего не лопнуло, и он не посчитал нужным написать жалобу[133]. Не известно последовали ли какие-либо взыскания, но вполне очевидно, что в сознании многих военнослужащих, несмотря на все усилия пропаганды, перевод на труд не воспринимался по степени значимости как равноценная замена участия в военных действиях. Это же касалось и красноармейцев боевых частей. Так, перебрасываемые на фронт войска, при остановке в населенных пунктах Донбасса говорили трудармейцам: «Мы в бой идем умирать, а вы что...»[134]. Красноармейцы и комсостав одного из батальонов Кавказской трудовой армии на инспекторском смотре «озадаченные новым для них положением, неуверенностью в своих силах, считая работу Трудармии менее ценной, чем армии

боевой — просились в полном составе, как добровольцев отправить их на Западный фронт»[135].

Изначально военнослужащие в массе своей с пониманием отнеслись к переводу на трудовой фронт, воспринимая это как временную чрезвычайную меру. Затем же настроения стали меняться в худшую сторону под влиянием таких факторов как недостаточное снабжение продовольствием и обмундированием, слабое материальное стимулирование, осознание ущербности, неполноценности собственного участия в восстановлении народного хозяйства, связанного с серьезными просчетами в организации труда военнослужащих, самим характером выполняемых ими работ, отрывом от родных и близких.

Таким образом, трудовые армии привлекались к решению самых разнообразных задач, соответствовавших специфике района их дислокации — политической и экономической ситуации, состоянию органов советской власти, настроениям населения, нуждам фронта и т.д. В результате получилось так, что в ряде регионов они выступили в качестве структуры, призванной аккумулировать деятельность по организации основ новой власти во всех ее аспектах — от создания ревкомов до охраны железных дорог и оказания помощи семьям красноармейцев. В том случае, если советская власть устанавливалась в крайне нестабильном с политической и экономической стороны регионе, его «военизация», утверждение милитаризованных форм организации являлись насущной необходимостью. Выполняя фактически обязанности частей ВНУС трудовые армии способствовали сохранению политической стабильности на окраинах страны.

В 1921 г. как и в предыдущий период в трудовых частях велась **политическая и культурно-просветительская работа**. В Центральном трудовом районе функционировало к лету 1921 г. 2 школы политграмоты, 2 курса по подготовке политруков, 11 основных и 94 передвижные библиотеки. Военнослужащим читались лекции о 3-м конгрессе Коминтерна, продналоге, нэпе, помощи голодающим и др. Однако разбросанность частей не давала возможности поставить лекторское дело на должную высоту. В целом же политработа в Центральном районе оценивалась, как «оставляющая желать много лучшего»[136].

В Петроградском трудовом районе в каждом из батальонов имелась стационарная библиотека, а в ротах — передвижные. В бригадах в месяц проводилось по 5 митингов, 100—150 собеседований, несколько лекций на различные темы, концентры, киносеансы. Местные политпросветы выделяли билеты в театр. Тем не менее, в отчете политсекретариата ГУТР делался вывод, что «говорить о влиянии политработы на сознание трудармейцев пока еще нельзя», т.к. комсостав и политработники Петроградского трудового района «еще не успели освоиться со своими обязанностями»[137].

Слабо велись аналогичные виды деятельности и в Уральском трудовом районе. В военно-полевых строительствах политорганы вообще отсутствовали. Столь же плачевной была ситуация в трудчастях Туркестана, также не имевших политорганов. На все трудовые соединения здесь насчитывалось лишь до десятка «активных» коммунистов, «и то невысокого качества»[138].

Более энергично данная работа проводилась в Сибирской трудовой армии, во многом благодаря помощи Сибревкома. Политорганы, к созданию которых приступили в апреле 1921 г., были в достаточной степени укомплектованы, хотя многие из комиссаров и не обладали необходимой квалификацией. В Сибирской трудовой армии функционировало 63 школы 1-й ступени и ликвидации неграмотности, 4 школы 2-й ступени, 36 стационарных и 82 передвижные библиотеки, имевшие около 35 тыс. книг, 14 клубов, 48 кружков и студий, выпускалась газета «Трудовой фронт»[139]. В Кузбассе в июле—сентябре 1921 г. находился поезд им. В.И.Ленина, который провел для гражданских рабочих и трудармейцев 31 митинг-концерт, 31 киносеанс, выпустил 4 номера газеты «Рабочий и крестьянин» общим тиражом 195 тыс. экземпляров[140].

В Донецкой трудармии развертывание политработы относится к марту 1921 г., когда в распоряжение штаба поступило 332 «политбойца и комиссара», выделенных ПУРом Украины. Передача столь значительного числа политических работников состоялось благодаря вмешательству Политбюро ЦК КПУ, вопреки намерению ПУРа и командующего войсками Украины и Крыма М.В.Фрунзе, заявившего, что «Трудармия вообще подлежит изничтожению»[141]. Только за два месяца в частях армии проведели 168 митингов,

26 концертов, 88 спектаклей, 112 лекций, 1 322 собеседования[143]. Были организованы беспартийные бригадные конференции, совещание «информаторов и учетников», трехнедельник «укрепления партии», 1-й съезд политпросветработников армии, 1-й и 2-й армейские партийные съезды и мн. др.[143] В частях Правобережной Украины в 1921 г. функционировало 6 школ грамоты (201 ученик), 9 библиотек, 6 клубов, различные кружки (литературный, драматический, хоровой и др.); в Донецкой трудовой армии — 60 школ грамоты и 10 — 1-й ступени[144]. Митинги, партийные и общие собрания, политбеседы практиковались также в трудчастях Поволжья и Северного Кавказа[145]. С 4 по 28 мая 1921 г. агитгруппа политотдела Кавказской трудовой армии дала 7 спектаклей, 12 концертов-митингов[146]. В рядах партийной школы при политотделе Кавтрудармии (с ноября 1921 г. — военно-политические курсы) проходило обучение 257 чел., большинство из которых составляли военнослужащие различных частей армии[147]. В свободное от учебы время курсанты участвовали в субботниках и воскресниках, помощи семьям красноармейцев в уборке урожая, др. мероприятиях, наглядно демонстрируя гражданскому населению пример ударного коммунистического труда.

Однако, опять же, проблема заключалась в том, что методы, механически переносимые из Красной армии, не вполне соответствовали задачам, которые решали трудовые части, о чем говорилось, в частности, в докладе о приеме трудчастей в ведение НКТ[148]. Требовалось развертывание планомерной производственной пропаганды, системы мер, направленных на повышение профессиональной подготовки военнослужащих, установление тесной связи с местными культурно-просветительскими, партийными, профсоюзными органами. «В трудовой армии за счет боеспособности необходимо выработать трудоспособность, — отмечал в выступлении на 2-м армейском партийном съезде начальник политотдела Донецкой трудовой армии К.Дук, — Основная задача армии — перевоспитание в индустриальном духе молодого крестьянина. Это воспитание требует иных, более нормальных методов политработы»[149]. Т.е. вполне резонно считалось, что в трудовых соединениях формы политработы должны отличаться от используемых в обычных боевых частях. К тому же острым

вопросом оставался дефицит квалифицированных кадров для замещения должностей военных комиссаров.

Поэтому в июле 1921 г. вместо политотделов начинают вводиться политические секретариаты, в соответствии с приказом НКТ № 23 от 28 июня 1921 г. [50] Помимо всего прочего причиной создания этих учреждений являлось, по заявлению председателя Главполитпросвета республики, «состав трудчастей, комплектуемых зачастую из элементов в политическом отношении неустойчивых, а иногда и определенно настроенных враждебно к существующей власти»[151]. НКТ решило оставить на прежних местах комиссарский состав трудовых частей, возложив основной объем работы на Главполитпросвет — гражданское учреждение в системе наркомата просвещения.

Организационный период растянулся до осени. На 25 сентября было намечено совещание начальников политсекретариатов армий и округов. К этому моменту были разработаны учетные и отчетные формы, инструкции, налаживается связь с отдельными трудовыми районами. Однако переформирование трудовых соединений, связанное с их сокращением и сменой личного состава, переводом на хозрасчет, фактически свело на нет усилия политработников. Уже с октября начинается ликвидация политсекретариатов и передача их функций профсоюзным бюро, что означало дальнейшее сближение трудчастей с гражданскими хозяйственными учреждениями. Приравнивание трудармейцев к обычным рабочим помимо прочего считалось также и способом повышения материальной заинтересованности в результатах своего труда.

Во второй половине 1921 г. трудармейцы вносили посильный вклад в дело помощи голодающим Поволжья наряду со всей Красной армией. 4 сентября 1921 г. приказом РВСР учреждается Центральная комиссия помощи голодающим во главе с Э.М.Склянским. Предусматривались такие основные направления работы как ежемесячные отчисления от пайка и денежного содержания, специальные сборы денег, продовольствия, вещей, организация детских домов. Так, в одной из трудовых бригад Центрального трудрайона постановили в течение двух недель ежедневно отчислять из каждого пайка по 1/8 ф. хлеба в фонд помощи голодающим[152]. Сбором пожертвований среди крестьян Иркутской губернии занимались некоторые военнослужащие

4-й трудбригады Сибирской трудовой армии[153]. Донецкая трудовая армия к ноябрю 1921 г. собрала более 32 млн. руб.[154], Кавказская трудовая армия — около 2,7 млн. руб.[155] Рыболовный полк взял на полное довольствие 30 детей — беженцев из Поволжья[156]. Военно-политические курсы установили шефство над детским домом № 2 г.Грозный.

Всего с начала кампании по 1 января 1922 г. вооруженные силы страны передали на нужды голодающих по разным данным от 6,15 млн. до 6,56 млн. руб. и от 442.550 п. до 453.813 п. продовольствия. От всех частей Красной армии, включая и трудовые на 1 марта 1922 г. поступило 12% всего продовольствия и 7% всех денег, предназначенных для борьбы с голодом[157].

Военно-учебные заведения, занимавшиеся подготовкой специалистов для различных отраслей народного хозяйства широкого распространения в 1921 г. не имели. Их развертыванию мешала, в частности, постоянная смена личного состава. Основные производственные навыки трудармейцы получали непосредственно в процессе работы. Можно отметить, военный сельскохозяйственный техникум в Витебске, находившийся в ведении Западного фронта и предназначенный для подготовки техников садоводства и огородничества, животноводческого и молочного дела. В октябре 1921 г. состоялся его первый выпуск в количестве 64 чел.[158] В Донецкой трудовой армии некоторые военнослужащие проходили подготовку в обычных гражданских профессиональных учебных заведения — рудничных школах, штейгерских курсах горных десятников[159].

Помимо культурно-просветительской работы, трудовые части продолжали, хотя и в ограниченном объеме, выполнять боевые задачи. Уже с начала 1921 г., по словам командующего, Донецкая трудовая армия постепенно избавляется от «непроизводительных функций»: охраны, несения гарнизонной службы и т.п.[160] С активизацией работы Донтрудармии по углю, она освобождается от борьбы с бандитизмом и повстанческим движением. Решение этой задачи на территории Донбасса возлагается на дивизию ВЧК. В дальнейшем трудармейцам было дано указание вступать в бой исключительно в оборонительных целях при непосредственной угрозе безопасности шахт. Для этого в каждом трудовом полке выделяется охрана в 60 чел., состоявшая из

пулеметной и комендантской команды. Боевая работа Донецкой трудовой армии находила отражение в донесениях политотделов: 4-й трудполк — в июле банды «оттоняемы мелкими частями» полка, несколько трудармейцев убито; 5-й трудполк — в августе—сентябре «изредка налеты банд продолжались», в декабре «ввиду появления мелких банд» выделена команда с пулеметами; 8-й трудполк — «в октябре, ноябре и декабре месяцах отмечается оживление деятельности мелких банд, для ликвидации коих приходилось отрывать людей от работ или назначать отдыхающие смены трудармейцев для сторожевого охранения и патрулирования района»[161] и т.д. и т.п.

Во время Западно-Сибирского крестьянского восстания пострадало 33-е военно-полевое строительство 1-й РАТ. Его подразделения, разбросанные по различным местам Ишимского и Ялуторовского уездов, подверглись нападениям «партизан». 1-й отдел полестро, расположенный в Новой Заимке Ялуторовского уезда организованно отступил в Ялуторовск, потеряв 12 чел. убитыми и расстрелянными, 4 — ранеными, 6 — пропавшими без вести. 2-й отдел, расположенный в с.Афонькинском был захвачен повстанцами. Значительная часть 3-го отдела, дислоцировавшегося в с.Голышманово, перешла на сторону противника. Некоторые представители комсостава заняли руководящие посты в отрядах «партизан». В частности, завхоз В.Волынский стал начальником штаба Голышмановского района[162]. Неспособность трудармейцев оказать реальное сопротивление восставшим крестьянам объясняется как размахом антибольшевистского народного движения, так и общей низкой боеспособностью военно-полевого строительства, укомплектованного бывшими военнопленными и нестроевыми. «Вообще очень много из сотрудников полестро были инициаторами повстанческого движения в Ишимском районе. Ими проводилась связь и укреплялись целые районы по всем правилам инженерного строительства», — указывалось в докладе военного комиссара Корнякова[163].

На Урале некоторым подразделениям, занятым на сенокосе, лесозаготовках приходилось отражать налеты «бродячих банд»[164]. О стычках с бандитами упоминается и в отчете о деятельности лесных военно-трудовых комендатур Правобережной группы Украинской трудовой армии[165]. Части Правобережной группы

по-прежнему занимались обеспечением порядка на сахарных заводах, которые подвергались периодическим налетам со стороны мелких повстанческих отрядов. Для охраны более чем полутора сотен сахарных заводов использовалось 3.649 чел., в число которых входили не только трудармейцы, но и военнослужащие полевых частей (в том числе 25-й Чапаевской дивизии Киевского ВО)[166]. Только за первую половину мая 1921 г. на заводы было совершено 13 налетов, сопровождавшихся нередко разграблением имущества. О значении боевой деятельности военных комендатур говорит низкий уровень подготовки местной милиции: «Она, помимо ее недостаточности, судя по единодушным отзывам комендантов, совершенно не соответствует своему назначению, ввиду того, что она вербуется из местного дезертирского и бандитского элемента; даже лучшие из них не могут применять меры принуждения к крестьянам своей местности при проведении трудгужповинности: сопротивления же бандитам они, как показывает опыт, никогда почти не оказывают»[167]. В октябре 1921 г. охраной складов, ссыпных пунктов, лесоразработок занималось 21,8% личного состава Правобережной группы Украинской трудовой армии[168]. Вплоть до конца 1921 г. им приходилось периодически вступать в столкновения с различными мелкими бандами, о чем свидетельствуют данные, сообщаемые политсекретариатами: 24 октября 1921 г. — в с.Гулянка разоружено 11 красноармейцев, 1 перешел на сторону бандитов, указав на командиров и комиссаров; 26 октября — разоружено 2 красноармейца 1-й роты в с.Мелени; 31 октября — убиты 3 красноармейца в с.Степановка из-за чего «производительность пала»[169] и т.д.

О столкновениях с «белозелеными бандами» упоминается в политсводках Кавказской трудовой армии[170]. В первые месяцы 1921 г. в разгар мятежа имама Н.Гоцинского части Кавказской трудовой армии усилили охрану Грозненских нефтепромыслов. Эпизодически им приходилось вступать в бой в отдельными группировками повстанцев. Так, 23 ноября 1921 г. трудармейцами было отбито нападение банды численностью 20 чел., пытавшейся взорвать железнодорожный мост в районе станицы Новоксушновской. В начале января 1922 г. отражается попытка поджечь Грозненские нефтепромыслы одним из отрядов имама Н.Гоцинского. В бою погибло трое трудармейцев[171].

Таким образом, в 1921 г. определенное военно-политическое значение трудовых частей по-прежнему сохранялось, хотя и в существенно меньших масштабах, чем в предшествующий период.

Наличие оружия в различных трудовых районах колебалось в зависимости от конкретной политической ситуации в районе дислокации трудовых частей, нигде не достигая и 50% по отношению к общему числу личного состава. В Сибирской трудовой армии обеспеченность артиллерийским имуществом составляла 40%[172]. В Донецкой трудовой армии во втором полугодии 1921 г. оружие имелось у 31,5% личного состава [173]. В частях Правобережной Украины, по заявлению командующего, «имеется целый ряд раб. частей, у коих оружье совершенно отсутствует»[174]. На 1 августа 1921 г. в трудчастях Урала имелось 976 винтовок и 30 револьверов на 10,7 тыс. чел. (9,3%). К 1 декабря количество оружия сократилось до 125 винтовок и 22 револьверов на 2,6 тыс. чел. (5,6%)[175].

Вопросами вооружения трудовых подразделений занималось артиллерийское отделение ГУСТа. Уже апрельским совещанием командующих указывается на необходимость передать в военное ведомство «предметы боевого назначения», не используемые трудчастями[176]. В дальнейшем было определено, что трудовые части должны иметь оружия, достаточного только для несения конвойной и сторожевой службы. Трудармейцы обеспечивались винтовками из расчета 1 на 10 чел. штатного состава части. Для обучения стрельбе каждому полагалось расходовать по 10 патронов в год. Задействованным на несении охранной службы следовало выдавать по 1 патрону на винтовку в день. Комсостав получал оружие в соответствие с нормами, принятыми в Красной армии. Все излишки предписывалось передать в военное ведомство. Исключение делается для наименее спокойных районов — Северного Кавказа и Украины. Здесь разрешалось оставить оружия на 50% личного состава и по 90 патронов на винтовку в месяц[177]. Были выработаны единые принципы вооружения предполагавшие выделение трудчастям устаревших винтовок системы Бердана, а для Украины — системы Гра[178].

В целом боевой потенциал трудовых частей в 1921 г. в сравнении с предшествующим периодом значительно снижается, что

было вполне закономерно в связи с попытками повысить эффективность их хозяйственной деятельности.

На настроения трудармейцев в 1921 г. влияли два основных обстоятельства: условия обеспечения основными видами довольствия и перспективы демобилизации. Энтузиазм, апелляция к сознательности не могли являться фактором, действующим в течение сколько-нибудь продолжительного времени. Никакая агитация не была в состоянии убедить трудармейцев, что их пребывание на стройках, лесозаготовках, шахтах важнее заботы о собственном крестьянском хозяйстве. По словам военкома 1-й бригады Сибирской трудовой армии А.И.Шифреса, «несмотря на весь героизм трудармейцев нашей бригады, они ждут и желают демобилизации»[179]. В отчете о политработе в Сибирской трудовой армии на 1 августа 1921 г. указывалось, что передаваемые из Красной армии военнослужащие старших возрастов «относились к трудфронту определенно враждебно, разращенные разговорами о демобилизации, всеми силами стремились скорее избавиться от всякой работы и уйти по домам... Работа на трудфронте считалась этой массой чуть ли не унижением, и всегда противопоставлялась работе в их собственных единоличных хозяйствах, которые были для них дороже, роднее и понятнее, чем борьба на фронте государственной разрухи в целях возрождения общенародного хозяйства»[180].

Трудармеец «ждет пополнения части для его предстоящей демобилизации, — указывалось в отчете оперативно-трудового отдела Донецкой трудармии за декабрь 1921 г., — поэтому не может быть уже необходимой продуктивности работ»[181].

«Достаточно было одного слуха о предстоящей демобилизации, — отмечал командующий трудовыми частями Урала, — чтобы сразу понизилась производительность»[182].

О недовольстве трудармейцев плохим снабжением и связанных с этим эксцессах свидетельствуют выдержки из писем военнослужащих Кавказской трудовой армии, относящихся к различным месяцам 1921 г.:

23 августа, команда связи — «приходится браться за воровство, ничего не поделаешь, голод хуже войны»[183]; 14 декабря, Грозный — «Необходимость заставляет тянуть керосин (цена его 40—50 тысяч). Борьба с хищениями идет вовсю, но несмотря на

это мы тащим и тащим все что придется, где плохо положено, иначе жить нельзя»[184]; 23 июля, склад инженерного батальона — «Я в одном белье, иначе ничего не дают, а на работу и в караулы гоняют каждый день, если станешь требовать грозят РВТ [ревтрибунал]. Придешь с работы голодный как собака...»[185]; 7 сентября, 9-я рота технического трудполка — «Когда мы еще были у Боевой части, нас считали красноармейцами, а теперь мы стали ничто, стали нас кормить только обещаниями, мы теперь живем очень плохо, хлеба 1 фунт, приварку почти нет, все что было из одежды распродали на хлеб, и ходим голые и босые»[186] и т.д. и т.п.

В целом же примерно с весны 1921 г. позитивные оценки собственного положения и общей ситуации в частях Кавказской трудовой армии, которые приводятся в политических сводках, становятся единичными. Постепенно исчезают из писем политические темы. Основное внимание трудармейцы уделяют еде и одежде. Появляется масса просьб к родственникам о присылке ложных удостоверений и телеграмм для получения отпуска. В сводках по дезертирству среди причин, способствовавших оставлению военнослужащими своих подразделений, назывались холода, отсутствие одежды и обуви, «легкость проникновения в родные места... малая сознательность красноармейцев», неналаженность снабжения, плохое питание[187].

Подавленное настроение осенью 1921 г. было характерно для трудармейцев Правобережной группы Украинской трудовой армии: «Мы выкинуты за борт красной армии... почему боевые части снабжаются, а мы хуже их. Пусть нас направят в боевые части... Придется бежать; и т.п.. Таковы слышны возгласы трудармейцев». Отсутствие обмундирования и нормального снабжения приводило к тому, что дислоцированные в приграничной полосе трудармейцы Правобережной группы заявляли: «Разрешите нам стать на дороге и задерживать купцов» т.е. контрабандистов, с тем, чтобы одеться[188].

Недовольство плохим снабжением наблюдалось и в частях Донецкой трудовой армии: «27 июня были отправлены трудармейцы, желающие работать под землей, таковых не оказалось, на объяснения о том, что подземники отличившиеся будут премироваться как герои труда кожаными и шерстяными костюмами и прочее, посыпались возгласы, мы и без костюмов можем

работать, но мы голодные, улучшите продовольствие, а при таком питании при всем желании физически работать не можем...»[189]. По указанным причинам на высоком уровне сохранялось дезертирство, доходя в неблагоприятные периоды до 3% в месяц в Центральном трудовом районе и Донецкой трудовой армии[190].

Воздействовали на трудармейцев и некоторые дополнительные факторы, связанные с местом их дислокации. В частности, во время Западно-Сибирского крестьянского восстания в частях Уральской трудовой армии «под влиянием усилившейся к этому времени противо-советской агитации в ротах, красноармейцы отказывались выходить на работу и форменным образом начали бойкотировать командный и административный состав. Но благодаря... арестам зачинщиков и особенно крикунов, а также благодаря умелой агитации... волнения удалось быстро прекратить»[191].

Взаимоотношения рядовых трудармейцев с местными жителями в целом оставались удовлетворительными. Конфликтные ситуации возникали по вопросам организации труда и снабжения. Как штрейкбрехеров воспринимали трудармейцев шахтеры Донбасса в период продовольственного кризиса весны—лета 1921 г.: «Бастующие рабочие неоднократно подходили к казармам трудармейцев и требовали от последних не выходить на работы»[192]. В Кавказской трудовой армии некоторые военнослужащие высказывали недовольство приездом на Грозненские нефтепромыслы рабочих из Поволжья, т.к. якобы те съедают трудармейские пайки и усугубляют и без того очень тяжелую продовольственную ситуацию[193]. Еще один фактор, приводивший к конфликтам с местным населением — хищение трудармейцами овощей с частных огородов и столкновения на бытовой почве в случае размещения военнослужащих по обывательским квартирам. По свидетельству командира 29-й бригады Уральского трудового района «рабочие предприятий смотрят на красноармейцев как на виновников сокращения штатов..., а красноармейцы недовольны тем, что граждане увольняются, а их посылают на работу почти раздетыми»[194].

* * *

Таким образом, важна оказалась не столько непосредственная практическая трудовая деятельность отдельных воинских частей и соединений, сколько направляющая и организующая сила армейских учреждений, внесших в ряде районов милитаризованное начало в работу предприятий, шахт, нефтепромыслов, железных дорог. Именно в этом смысле можно говорить о положительном значении перевода воинских частей с боевого на трудовой фронт.

В ситуации, когда прежняя система управления перестала существовать, а новая еще не функционирует должным образом, армия служила стабилизирующим фактором, поддерживая транспортную инфраструктуру (нефтепроводы, железные дороги), обеспечивая хотя бы на минимальном уровне деятельность предприятий, способствуя налаживанию работы гражданских учреждений, осуществляя культурно-просветительские, пропагандистские акции, гарантируя порядок и спокойствие для лояльного к новой власти населения. Благодаря вооруженным силам можно было предотвратить возможное сползание региона к хаосу и экономическому коллапсу. В данном отношении деятельность трудовых армий перекликалась с деятельностью ВОХР, тыловых и запасных частей боевых армий и фронтов.

Как отмечалось 5 мая 1920 г. в одном из выступлений В.И.Ленина, трудовой являлась «вся наша армия в последнее время»[195]. Это верно еще и в том смысле, что непрочность новой власти, ее неукорененность в массовом сознании как единственно возможной и легитимной, наличие враждебного внешнего окружения, определенные идеологические установки, серьезнейшие экономические проблемы заставляли проводить милитаризацию внутренней жизни, держать в тылу огромные массы объединенных в военные подразделения людей, которые должны были выполнять самые разнообразные задачи. Широкая милитаризация являлась для политической и социальной экономической системы важным стабилизирующим фактором.

Примечания

[1] Федоров. Краткий очерк работы политического отдела Донецкого бассейна // Революционный фронт. 1920. № 5. С. 56—57.

[2] Там же. С. 56.

[3] Российский государственный военный архив (далее — РГВА). Ф. 25872. Оп. 1. Д. 14. Л. 16.

[4] Оськин Д. Хозяйственная работа 2-й Особой армии. М., 1926. С. 36.

[5] Вторая Особая армия Республики на восстановлении железнодорожного транспорта (1920 г.) // Советские архивы. 1976. № 4. С. 67.

[6] РГВА. Ф. 171. Оп. 1. Д. 7. Л. 364.

[7] Оськин Д. Хозяйственная работа 2-й Особой армии... С. 44—45.

[8] Там же. С. 46—47.

[9] Там же. С. 69—70.

[10] Там же. С. 68.

[11] РГВА. Ф. 171. Оп. 1. Д. 7. Л. 280, 281.

[12] РГВА. Ф. 6. Оп. 8. Д. 25. Л. 454.

[13] Красный боец. 1920. 17 окт.

[14] РГВА. Ф. 110. Оп. 6. Д. 806. Л. 2.

[15] Куликова А. Из истории украинской трудовой армии (Обзор документов и материалов) // Пролетарская революция. 1940. № 3. С. 172.

[16] Экономическая жизнь. 1920. № 245. 2 нояб.

[17] Российский государственный архив социально-политической истории (далее — РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 109. Д. 85. Л. 140—141.

[18] РГВА. Ф. 6. Оп. 8. Д. 14. Л. 66.

[19] Нужны ли нам трудовые армии? Доклад Центральному Комитету Российской Коммунистической Партии и Совету Труда и Обороны. Грозный, 1920. С. 4.

[20] Доклад о деятельности Политотдела Кавказской армии труда среди населения // Роль Красной Армии в хозяйственном и культурном строительстве на Северном Кавказе и в Дагестане 1920—1923 гг. Сб. документов и воспоминаний. Махачкала, 1968. С. 270.

[21] Там же. С. 271.

[22] Список военных коммунистов, работающих в советских учреждениях, на которых возбуждается ходатайство перед Реввоенсоветом Республики об оставлении на местах // Роль Красной Армии ... С. 101, 103—104.

[23] Из отчета о формировании и первоначальной деятельности Кавказской армии труда. 11 июня 1920 г. // Роль Красной Армии... С. 139.

[24] Там же. С. 141.

[25] Из доклада о деятельности Кавказской армии труда за июнь 1920 года // Роль Красной Армии ... С. 148.

[26] Из отчета о деятельности Кавказской армии труда за сентябрь 1920 года // Роль Красной Армии ... С. 159.

[27] Из отчета о деятельности Кавказской армии труда за декабрь 1920 года // Роль Красной Армии ... С. 168.

[28] РГВА. Ф. 6. Оп. 8. Д. 3. Л. 14—17.

[29] Из отчета о формировании и первоначальной деятельности Кавказской армии труда... С. 141.

[30] Оськин Д. Хозяйственная работа 2-й Особой армии ... С. 70.

[31] Из отчета о формировании и первоначальной деятельности Кавказской армии труда... С. 142.

[32] Из отчета о деятельности Кавказской армии труда по борьбе с эпидемическими заболеваниями и малярией за период с апреля по декабрь 1920 года // Роль Красной Армии ... С. 284—285.

[33] Шатровский И.И. Победа трудовой армии на фронте борьбы с разрухой // Роль Красной Армии ... С. 352.

[34] Государственный архив Саратовской области (далее — ГАСарО). Ф. 2701. Оп. 1. Д. 11. Л. 210.

[35] Нужны ли нам трудовые армии?... С. 4.

[36] РГВА. Ф. 217. Оп. 5. Д. 4. Л. 26.

[37] Там же. Л. 48об.

[38] Там же. Л. 79об.

[39] Там же. Д. 7. Л. 116.

[40] Там же. Л. 73.

[41] Денисов Н.Г. Роль Кавказской армии труда в восстановлении железнодорожного транспорта на Северном Кавказе. Ростов/н-Д, 1981. Рукопись, депонированная в ИНИОН РАН № 8979. С. 21.

[42] Денисов Н.Г. Участие Кавказской армии труда в боях с белобандитскими формированиями на Северном Кавказе. 1920—1922 гг. Ростов/н-Д, 1982. Рукопись, депонир. в ИНИОН РАН № 8853. С. 9—10.

[43] РГВА. Ф. 217. Оп. 2. Д. 83. Л. 8.

[44] Там же. Д. 366. Л. 221.

[45] РГВА. Ф. 6. Оп. 8. Д. 6. Л. 37.

[46] РГВА. Ф. 217. Оп. 2. Д. 434. Л. 29.

[47] Директивы командования фронтов Красной Армии. 1917—1922. М., 1974. Т. 3. С. 339—340.

[48] Виноградов М.Е. Воспоминания о работе по установлению советской власти на Северном Кавказе и в Дагестане // Роль Красной Армии... С. 319.

[49] Приказ командующего Кавказской армией труда о переводе всех частей армии на боевое положение // Роль Красной Армии... С. 155—156.

[50] Из отчета о деятельности Кавказской армии труда за 1921 год // Роль Красной... С. 191.

[51] Денисов Н.Г. Кавказская армия труда в борьбе за восстановление народного хозяйства Юго-Востока Европейской части РСФСР в 1920—1922 гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ростов/н-Д, 1982. С. 15.

[52] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 109. Д. 85. Л. 95.

[53] РГВА. Ф. 241. Оп. 1. Д. 43. Л. 16—16об.

[54] Там же. Л. 23.

[55] Там же. Л. 23.

[56] Там же. Л. 64.

[57] Там же. Д. 42. Л. 90.

[58] Там же. Д. 53. Л. 1—2.

[59] Там же. Д. 43. Л. 91—92.

[60] Там же. Л. 96.

[61] РГВА. Ф. 110. Оп. 6. Д. 806. Л. 3.

[62] Декреты Советской власти. М., 1986. Т. XII. С. 261—262.

[63] Приказание М.В. Фрунзе командованию Донецкой трудовой армии о полном уничтожении банд Каменюка и Колесникова // Внутренние войска Советской Республики. 1917—1922 гг.: Документы и материалы. М., 1972. С. 579.

[64] ГАРФ. Ф. 486. Оп. 1. Д. 22. Л. 2.

[65] Оськин Д. Хозяйственная работа 2-й Особой армии... С. 47.

[66] Там же. С. 66.

[67] Там же. С. 73.

[68] Там же. С. 73—74.

[69] РГВА. Ф. 171. Оп. 1. Д. 7. Л. 177, 219.

[70] Там же. Л. 337.

[71] Директивы Главного командования Красной Армии (1917—1920). М., 1969. С. 405, 806.

[72] Постановление Совета Труда и Обороны об обеспечении Наркомпрода вооруженной силой от войск внутренней службы // Внутренние войска... С. 212.

[73] РГВА. Ф. 6. Оп. 8. Д. 6. Л. 17.

[74] РГВА. Ф. 241. Оп. 1. Д. 43. Л. 107.

[75] РГВА. Ф. 171. Оп. 1. Д. 7. Л. 175.

[76] Вторая Особая армия Республики на восстановлении железнодорожного транспорта (1920 г.) // Советские архивы. 1976. № 4. С. 71.

[77] Оськин Д. Хозяйственная работа 2-й Особой армии... С. 51.

[78] Там же. С. 74.

[79] Директивы Главного командования Красной Армии (1917—1920)... С. 873.

[80] Директивы командования фронтов Красной Армии... Т. 3. С. 55.

[81] РГВА. Ф. 25872. Оп. 1. Д. 14. Л. 8.

[82] РГВА. Ф. 212. Оп. 3. Д. 465.

[83] КПСС в резолюциях, решениях съездов, конференций пленумов ЦК. М., 1983. Т. 2: 1917—1922 гг. С. 377.

[84] Берзин Р.И. Трудовая армия. Харьков, 1920. С. 15.

[85] Федоров. Краткий очерк работы политического отдела Донецкого бассейна // Революционный фронт. 1920. № 5. С. 56.

[86] Там же. С. 56.

[87] Трудовая армия. Орган Украинского Совета Трудармии. 1920. 2 сент.

[88] Беляева В.И., Гольдфарб Л.Г. О творческой инициативе шахтеров Донбасса и о роли Украинской трудовой армии в восстановлении угольной промышленности в 1920 г. // Сб. науч. работ кафедр общественных наук вузов Харькова. Вып. 2. Харьков, 1957. С. 279.

[89] Вторая Особая армия Республики на восстановлении железнодорожного транспорта (1920 г.) // Советские архивы. 1976. № 4. С. 74.

[90] Цит. по: Амирханова-Кузиш А.С. Красная Армия в социалистическом строительстве на Северном Кавказе в 1920—1923 гг. Махачкала, 1976. С. 25.

[91] Савов И.П. Из истории 8 армии и Кавказской трудовой армии. Военно-политические курсы // Роль Красной Армии... С. 337.

[92] Доклад о политической и культурно-просветительской деятельности политотдела Кавказской армии труда за апрель—декабрь 1920 года // Роль Красной Армии... С. 55—57.

[93] Нужны ли нам трудовые армии?... С. 36.

[94] Доклад инспектора политотдела 14 стрелковой им. Степина дивизии о проведенной работе в станицах Передовой и Исправной // Роль Красной Армии... С. 210.

[95] Доклад Политотдела Кавказской армии труда о работе в частях и среди населения за июнь 1920 года // Роль Красной Армии... С. 276.

[96] Горькавенко В.И. Деятельность Коммунистической партии по организации трудовых армий и их использованию в восстановлении народного хозяйства (1920—1921 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1976. С. 14.

[97] Доклад о деятельности Политотдела Кавказской армии труда среди населения... С. 272.

[98] Коссаковский С.М. Политическая работа в Запасной армии в мае 1920 года // Политработник. 1920. № 6. С. 9—12.

[99] Лобанов А.П. Трудовые армии в Поволжье (1920 — март 1921 гг.).. С. 87.

[100] РГВА. Ф.171. Оп. 1. Д. 205. Л. 57.

[101] РГВА. Ф. 173. Оп. 1. Д. 37. Л. 8об—9, 13об—14, 18об—19.

[102] Красный набат. 1920. № 5. 3 марта.

[103] Емельянов А.П. Трудовая армия на Урале. 1920—1921 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. М., 1945. С. 212.

[104] РГВА. Ф.171. Оп. 1. Д. 205. Л.59.

[105] Там же. Л. 56.

[106] Лузгин М. К постановке производственной пропаганды в Красной Армии // Политработник. 1920. № 11. С. 11.

[107] РГВА. Ф. 164. Оп. 1. Д. 175. Л. 15.

[108] Красный набат. 1920. 22 янв.

[109] РГВА. Ф. 25892. Оп. 7. Д. 5. Л. 45об.

[110] Там же. Ф. 164. Оп. 1. Д. 176. Л. 11об.

[111] Там же. Л. 12об, 23.

[112] Там же. Л. 24.

[113] Там же. Д. 177. Л. 666.

[114] Государственный архив Тюменской области (далее — ГАТО). Ф. 295. Оп. 1. Д. 11. Л. 62, 111.

[115] РГВА. Ф. 217. Оп. 5. Д. 4. Л. 74.

[116] Там же. Д. 4. Л. 24.

[117] Там же. Л. 50.

[118] Там же. Л. 74об.

[119] Там же. Л. 47—47об.

[120] Там же. Д. 7. Л. 109.

[121] Там же. Д. 4. Л. 74об.

[122] Там же. Д. 7. Л. 125.

[123] Там же. Л. 110об.

[124] Там же. Л. 73об.

[125] Там же. Л. 49—49об.

[126] «Горячешный и триумфальный город». Петроград: от военного коммунизма к НЭПу: документы и материалы. СПб., 2000. С. 116.
[127] Там же. С. 136.
[128] Там же. С. 144.
[129] Трудовая армия. Воронеж... 1920. 17 ноября.
[130] Богданов. О работе первой бригады Украинской Трудовой Армии // Революционный фронт. 1920. № 10. С. 38.
[131] РГВА. Ф. 241. Оп. 1. Д. 43. Л. 106.
[132] Там же. Л. 7об.
[133] Там же. Л. 72.
[134] Там же. Л. 45.
[135] Нужны ли нам трудовые армии?... С. 12.
[136] ГАРФ. Ф. 486. Оп. 1. Д. 49. Л. 20.
[137] Там же. Л. 21.
[138] Там же. Л. 26.
[139] Там же. Л. 23об.
[140] См.: Тасказев Н.Е. Деятельность партийных организаций трудовых войск в Кузбассе (1920—1921 гг.) // К истории партийных организаций Кузбасса (Доклады и сообщения к научной конференции). Вып. 1. Кемерово, 1962. С. 56.
[141] ГАРФ. Ф. 486. Оп. 9. Д. 42. Л. 39.
[142] Там же. Оп. 1. Д. 49. Л. 25—25об.
[143] Там же. Оп. 9. Д. 42. Л. 11—12.
[144] Там же. Л. 15.
[145] Там же. Оп. 1. Д. 49. Л. 26—27об.
[146] Рапорт администратора агитационной группы политотдела Кавказской армии труда о деятельности агитгруппы // Роль Красной Армии... С. 64.
[147] Свлов И.П. Из истории 8 армии и Кавказской трудовой армии. Военно-политические курсы // Роль Красной Армии... С. 338.
[148] ГАРФ. Ф. 486. Оп. 1. Д. 19. Л. 3.
[149] Там же. Оп. 9. Д. 42. Л. 47.
[150] Там же. Оп. 1. Д. 13. Л. 5; Д. 2. Л. 108, 145.
[151] РГВА. Ф. 25892. Оп. 7. Д. 5. Л. 10.
[152] ГАРФ. Ф. 486. Оп. 1. Д. 49. Л. 20об.
[153] Красный стрелок. 1921. № 223. 2 нояб.
[154] ГАРФ. Ф. 486. Оп. 9. Д. 42. Л. 96.
[155] Красный труд. 1921. 27 октяб.
[156] Из протокола общего собрания красноармейцев рыбного полка о политической работе в частях и среди населения // Роль Красной Армии... С. 62.
[157] Беджанян Р.М. Красная Армия на фронте восстановления народного хозяйства... С. 97.
[158] Там же. С. 129.
[159] ГАРФ. Ф. 486. Оп. 9. Д. 42. Л. 94.
[160] Там же. Оп. 1. Д. 22. Л. 2.
[161] Там же. Д. 100. Л. 24—25.
[162] Доклад председателя Тюменской губернской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией П.И.Студитова // За советы без коммунистов:

Крестьянское восстание в Тюменской губернии 1921: Сб. документов. Новосибирск, 2000. С. 630—631.

[163] Доклад военного комиссара советской группы войск района Омск—Тюмень Корнякова «О работе на повстанческом фронте Омск—Тюмень» начальнику политического управления войск Сибири // За советы без коммунистов... С. 381.

[164] РГВА. Ф. 25892. Оп. 7. Д. 5. Л. 85об.

[165] ГАРФ. Ф. 486. Оп. 1. Д. 99. Л. 24об.

[166] Там же. Л. 29.

[167] Там же.

[168] Там же. Оп. 9. Д. 42. Л. 80.

[169] Там же. Л. 77.

[170] РГВА. Ф. 217. Оп. 5. Д. 5. Л. 11об.

[171] Денисов Н.Г. Участие Кавказской армии труда в боях с белобандитскими формированиями на Северном Кавказе. 1920—1922 гг. Ростов/н-Д., 1982. Рукопись, депонир. в ИНИОН РАН № 8853. С. 23—24.

[172] ГАРФ. Ф. 486. Оп. 1. Д. 95. Л. 33.

[173] Там же. Оп. 2. Д. 34. Л. 69.

[174] Там же. Оп. 1. Д. 99. Л. 12.

[175] РГВА. Ф. 25892. Оп. 7. Д. 31. Л. 84, 285об.

[176] ГАРФ. Ф. 486. Оп. 1. Д. 7. Л. 45об.

[177] Там же. Д. 95. Л. 42.

[178] Там же. Д. 8. Л. 9.

[179] Шифрес А. Из опыта Трудовой Армии // Красная Сибирь. 1921. № 2. С. 6.

[180] ГАРФ. Ф. 486. Оп. 1. Д. 95. Л. 62.

[181] Там же. Д. 84. Л. 54.

[182] РГВА. Ф. 25892. Оп. 7. Д. 59. Л. 255об.

[183] РГВА. Ф. 217. Оп. 5. Д. 7. Л. 153.

[184] Там же. Л. 181.

[185] Там же. Л. 147.

[186] Там же. Д. 5. Л. 15.

[187] РГВА. Ф. 6. Оп. 12. Д. 217. Л. 106.

[188] ГАРФ. Ф. 486. Оп. 9. Д. 42. Л. 80.

[189] Там же. Оп. 1. Д. 99. Л. 33.

[190] Там же. Д. 83. Л. 57.

[191] РГВА. Ф. 25892. Оп. 7. Д. 5. Л. 46.

[192] ГАРФ. Ф. 486. Оп. 1. Д. 99. Л. 35.

[193] РГВА. Ф. 217. Оп. 5. Д. 5. Л. 16.

[194] РГВА. Ф. 25892. Оп. 7. Д. 5. Л. 60.

[195] Ленин В.И. Речь на соединенном заседании ВЦИК, Московского совета, профессиональных союзов и фабрично-заводских комитетов 5 мая 1920 г. // Полн. собр. соч. Т. 41. С. 116.

ГЛАВА III

ВСЕРОССИЙСКОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ РАБОЧИХ АРТЕЛЕЙ И ЕГО ПРАВОПРЕЕМНИКИ

Так же как и при переходе от продразверстки к продналогу реальные изменения в сфере трудовых отношений происходили постепенно, растянувшись на многие месяцы и осуществляясь во многом под нажимом сверху. Идея использования массовой рабочей силы для решения общегосударственных задач оставалась живучей, сохраняя свою популярность среди определенного круга партийных, советских и военных руководителей.

Проблема ограничения сферы принудительного труда активно обсуждалась на заседаниях СТО, различных межведомственных совещаниях и комитетах, коллегии НКТ в течение второй половины 1921 г. В центре внимания находились следующие вопросы: переход от трудовой повинности к трудовому и гужевому налогу, мобилизации квалифицированных специалистов, настоящее и будущее трудовых частей.

Так, еще летом 1921 г. комиссия при СТО «по приспособлению законодательства ведомств к новой экономической политике», направила различным наркоматам запрос с предложением высказать мнение по замене трудовых повинностей трудгужналогом[1] 10 сентября 1921 г. междуведомственное совещание представителей НКТ и НКЗ предоставило сведения по возможному применению рабочей силы в порядке трудгужналога. Интересен сам способ расчета его размеров, использованный участниками совещания. Указывалось, что для обслуживания крестьянского хозяйства средней мощности требовалось примерно 190 рабочих дней в году. Из оставшихся 110 дней часть расходовалась на операции по товарообмену, кустарные промыслы. Для выполнения трудгужналога можно было выделить 30 дней. Предлагалось преимущественно привлекать крестьян к работам в те периоды, когда оно менее всего занято: 10 дней в апреле—сентябре, 20 дней в октябре—марте[2] На заседании коллегии НКТ 20 ноября 1921 г. принимается постановление о том, что необходимо настаивать в СНК

на сохранении максимального трудгужналога в размере 25 дней в год[3].

Примечательно также отношение региональных (республиканских, губернских) отделов труда к переходу от трудовой повинности к трудгужналогу. Размер последнего, как и в случае с продналогом, должен был быть фиксированным. Однако возникал важнейший вопрос, находившийся в центре внимания и активно обсуждавшийся — какова же будет его продолжительность?

Не имея на этот счет четких указаний, губотделы труда самостоятельно разрабатывают порядок и сроки проведения трудгужналога. Некоторые его первоначальные варианты предусматривали прогрессивное обложение, а размеры мало чем отличались от трудовой повинности и были столь же неподъемны для крестьян. Ведь как говорилось в циркуляре Екатеринбургского губотдела труда, переход к новым формам трудовых отношений «не дает права думать, что ныне существует только свободный оборот рабочей силы... так думать значит ничему не научиться за годы революционной борьбы», отказа от принудительного привлечения к труду «быть не может, эти принципы... пока что должны сохранить свою незыблемость...»[4]. Проект «Положения о трудовом налоге» заведующего Екатеринбургским губотделом труда предполагал, что крестьяне, владеющие более 9 дес. земли обязаны отработать на государство 100 дней в году, от 5 до 9 дес. — 90 дней, от 1 до 4 дес. — 80 дней., менее 1 дес. — 70 дней[5]. Через некоторое время, после изучения смет «о необходимых работах» нормы снизили до 60 дней для владеющих более 9 дес., 55 дней — от 5 до 9 дес., 50 дней — от 1 до 4 дес., 40 дней — менее 1 дес.[6] Затем признается необходимым установить единый для всех сорокадневный налог[7]. В окончательном варианте «Положения» для ряда уездов установили 25—30-дневный трудгужналог[8]. Но даже такой налог в условиях хозяйственного и продовольственного кризиса был едва ли выполним. В докладе заведующего Туринским отделом труда на Тюменском губернском съезде отделов труда говорилось, что если его проводить в таких размерах и теми методами, которые диктуются распоряжениями губернских властей (имеется ввиду 25-дневный налог), то «крестьянское хозяйство не только не поднимется, но совершенно разрушиться»[9].

До получения инструкций из Москвы решено было самостоятельно разработать положение о новых формах трудовых отношений и в Тюменской губернии. Постановлением от 15 ноября 1921 г. Тюменский губотдел труда назначил налог в размере 25 дней в году на трудоспособного крестьянина и 12 дней в году на горожанина. Причем в разъяснении, направленном Тобольскому уездному отделу, указывалось, что трудгужналог касается только лесозаготовок. Прочие виды работ должны выполняться по-прежнему в порядке трудовой повинности.

Совещание отделов труда Северо-Западной области, проходившее в Петрограде с 3 по 5 ноября 1921 г. в одной из резолюций постановило настаивать на увеличении трудгужналога до 50 дней в году[10].

С 6 по 9 декабря 1921 г. в Киеве проходило Всеукраинское совещание отделов труда. Многие его участники призывали увеличить продолжительность трудгужналога. Также выяснилось, что к началу совещания трудгужналог уже был введен в трех губерниях Украины: в Киевской и Харьковской — 6 дней в месяц, Кременчугской — 1—2 дня в месяц. Т.е. фактическая его продолжительность была гораздо больше объявленной декретом СНК[11]. С просьбой об увеличении трудгужналога на два дня в начале февраля 1922 г. обратился Сибтруд[12].

Однако все эти разорительные для крестьянства расчеты и пожелания не имели сколько-нибудь заметного влияния на решения центральной власти. 12 октября 1921 г. ВЦИК приказывает «мобилизации, объявленные разными постановлениями... считать законченными и дальнейшее их производство прекратить». Исключение делалось для медицинского персонала[13]. В циркулярах Наркомтруда, направленных 18 октября Уполномоченным НКТ и губотделам труда указывалось. «НКТ считает возможным отход от метода мобилизаций... удовлетворение спроса государственных, общественных и частных предприятий и учреждений производить как правило в порядке добровольного привлечения»[14]. Предлагалось также прекратить несанкционированные НКТ учеты населения[15]. Согласно Декрету СНК от 3 ноября 1921 г. достаточным основанием для объявления трудовой повинности считались преимущественно большие стихийные бедствия[16].

В конце ноября 1921 г. на местах было получено разъяснение за подписью В.И.Ленина о том, что СНК 22 ноября постановил «ввести с 1 января... взамен трудовых гужевых повинностей трудгужналог на следующих основаниях: первое годовое обложение составляет шесть трудодней пеших и конных вместе...». Пока же, до 1 января 1922 г., все работы рекомендовалось проводить в порядке трудовой повинности[17].

С 1 января 1922 г. штаты губотделов труда сокращаются со 108 до 30 человек (подотдел мобилизаций и распределения с 20 до 3, повинностей — с 8 до 3, по борьбе с труддезертирством — с 13 до 1), уездных отделов труда — с 70 до 9 человек[18]. В январе 1922 г. на основании постановлений СНК от 14 декабря 1921 г. ликвидируются подотделы по борьбе с трудовым дезертирством, подотдел мобилизаций и распределения переименовывается в Биржу труда, подотдел повинностей в подотдел трудгужналога и повинностей. В 1923 г. трудгужналог заменяется выплатой определенной денежной суммы, а в 1924 г. отменяется.

Если в отношении трудгужналога и трудовых мобилизаций позиция Центра была высказана вполне определенно и, в конечном счете, эта форма принудительного труда сводится к минимуму, то с трудовыми частями все было не так просто. С одной стороны признавалось, что в том виде, в каком они существуют их дальнейшее сохранение нецелесообразно. С другой стороны оставалась надежда на то, что организованное использование массовой рабочей силы позволит решать хозяйственные и социальные задачи. Следует только провести ряд реформ, приспособить трудовые части к условиям новой экономической политики, и они послужат такой же опорой государства в сфере трудовых отношений, как и тресты в промышленности, кооперативные объединения в сельском хозяйстве и торговле. В любом случае не стихия рынка рабочей силы является обязательным элементом социалистического общества, а планомерное распределение трудящихся в соответствии с единым хозяйственным планом.

В середине сентября 1921 г. комиссия при НКТ по новой экономической политике, включавшая представителей НКТ, ВЦСПС и ВСНХ (председатель — член коллегии НКТ И.Г.Бергауз), решила перевести оплату работы трудовых частей «на начала хозяйственной заинтересованности» по профессиональному тарифу

соответствующего производства, а также признала необходимым «декретировать предельные сроки трудовой службы трудчастей, войдя в соответствующее соглашение с военным ведомством .. в принципе считать трудовые части — как специфический вид рабочей силы — подлежащий ликвидации»[19].

23 сентября 1921 г. по решению СТО создается комиссия в составе А.М.Аникста, А.А.Андреева и одного из сотрудников Госплана, перед которой ставиться задача с участием всех заинтересованных ведомств «рассмотреть вопрос о сокращении трудармии или изменении условий ее работы с точки зрения максимального хозяйственного использования рабочей силы и единства сосредоточения всех балансов и управлений в руках хозяйственно-администрирующих органов». Одновременно СТО предложил «НКТруду при сокращении трудчастей по демобилизации — пополнять эти трудармии до цифры, которая имеет быть установлена не за счет людского пополнения из военного ведомства»[20]. 28 сентября СТО постановил «утвердить численность трудчастей в 75 тысяч человек и отпустить для них 75 тысяч пайков»[21]. 7 октября на очередном заседании СТО, проходившем под председательством В.И.Ленина, по докладу А.М.Аникста было решено с 1 января 1922 г. трудармейцев, занятых на государственных предприятиях, передать на все виды снабжения в соответствующие заводоуправления или хозяйственные органы по месту работы[22]. Таким образом, еще в первой половине октября 1921 г. вопрос о ликвидации трудовых частей не стоял в повестке дня. Речь шла только о сокращении их численности и переводе на самоокупаемость.

27 октября 1921 г. Малый СНК одобрил проект декрета, предложенный комиссией по новой экономической политике, в соответствии с которым трудовые части признавались «как построенные на военно-принудительных началах в принципе подлежащими ликвидации в новых условиях». Однако «ввиду того, что снятие их с работы по хозяйственным соображениям не представляется возможным в ближайшее время выработан и в принципе утвержден Коллегией НКТ проект о переводе Трудчастей на хозяйственные начала и формирования их преимущественно на принципах волонтерства с постепенным увольнением принудительно работавших трудармейцев»[23].

На заседании коллегии НКТ 10 ноября 1921 г. был заслушан доклад нового начальника ГУТР И.И.Саулова, сменившего М.И.Хлоплянкина. По результатам доклада принимается следующее постановление: «а) Одобрить организационную и оперативно-трудовую работу ГУТРА, констатировав положительные результаты работы; б) Признать необходимым переход организации и использования трудчастей на началах хозрасчета». Также предлагается проект постановления и положения о трудчастях передать в комиссию в составе П.И.Завадовского (председатель), М.И.Хлоплянкина, И.И.Саулова[24].

17 ноября комиссия представила текст проекта постановления, который было поручено окончательно отредактировать А.М.Аниксту, а также рассмотреть возможность перехода трудчастей на хозрасчет с 1 января 1922 г. На следующий день проект постановления СТО утверждается коллегией НКТ в следующем варианте:

1. С 1 января 1922 г. трудовые части НКТ снять со всех видов государственного снабжения помимо продовольственного, которое следовало продолжать до 1 марта. 2. Организацию и использование трудчастей с 1 января 1922 г. «построить на началах хозяйственного расчета». 3. Комиссии использования удовлетворить все заявки Управления трудчастей на зимний сезон 1921 г. 4. Для безболезненного перехода трудчастей на хозрасчет предоставить НКТ фонд из расчета 10 золотых руб. на 1 трудармейца (всего 45 млрд. руб.)[25].

В этот же день принимается проект положения о НКТ, в соответствии с которым структура НКТ, включала, в том числе и Главное управление трудовых частей республики. Среди функций наркомтруда намечались «Формирование трудчастей (государственных трудартелей). Использование труда заключенных»[26].

Одновременно в течение осени 1921 г. специальная подкомиссия во главе с представителем Госплана С.Г.Струмилиным на нескольких заседаниях также изучала вопрос о трудовых армиях. Она пришла к тем же выводам, что и НКТ. 24 ноября 1921 г. состоялось расширенное совещание с участием представителей НКТ, РКИ, Госплана и др. ведомств, обсуждавшее вопрос о трудармиях. Совещание одобрило проект НКТ и решило внести его на рассмотрение в СТО.

Реорганизованные трудчасти должны были по-прежнему оставаться в подчинении НКТ. Структура НКТ, согласно проекту комиссии П.И.Завадовского, утвержденная коллегией НКТ 18 декабря 1921 г. намечалась следующая: 1. Отдел распределения. 2. Отдел трудгужналога и повинностей. 3. Конфликтный отдел. 4. Учетно-статистический отдел. 5. Отдел социального обеспечения безработных. 6. Отдел учета и распределения техносил. 7. Главное управление трудовых частей республики. 8. Управление делами[27].

24—25 декабря 1921 г. коллегией НКТ утверждаются тезисы доклада М.И.Хлоплянкина «Безработица и мера борьбы с ней» для съезда представителей экономических совещаний. Его авторы настаивали на сохранении активного государственного вмешательства в регулирование рынка труда, которое предлагалось в качестве «наиболее реальной в настоящее время мерой борьбы с безработицей». Оно «будет осуществляться в общереспубликанском масштабе, дает возможность представлять работу значительному числу безработных путем планомерной переброски... позволяет при распределении рабсилы преследовать задачи помощи безработным»[28]. Только теперь эта переброска должна строится на началах добровольчества, основываться на убеждении, экономическом стимулировании. 30 декабря 1921 г. коллегия НКТ в составе В.В.Шмидта, А.М.Аникста, П.И.Завадовского, М.И.Хлоплянкина, И.И.Саулова и др. лиц постановила «Отстаивать проект, внесенный в СТО с указанием на необходимость сохранения Трудчастей»[29].

Таким образом, руководство наркомтруда до самого последнего момента считало возможным сохранение трудчастей, мотивируя свое мнение необходимостью бороться с безработицей и решать важнейшие народнохозяйственные задачи с помощью привлечения и переброск массовой рабочей силы. Т.к. принцип принудительности оказался в новых экономических условиях неприемлемым, трудовые части должны были быть переукомплектованы за счет добровольцев, преимущественно из числа безработных.

Примечательно, что советские и военные руководители среднего звена (уровня губернии, армии, бригады) в своих воззрениях иногда были более радикальны, склоняясь к тому, что трудовые

части должны быть сохранены в том или ином виде. По мнению многих, вообще изменения в трудовой политике не означали полного отказа от применения массового принудительного труда. Так, с 3 по 5 ноября 1921 г. в Петрограде проходил Северо-Западный областной съезд губотделов труда. Председательствовал на съезде А.М.Аникст. Его участники приняли резолюцию, в которой признавалось необходимым «оставление трудовых частей с переводом их в трудовые артели, которые могли бы быть легко перебрасываемы с места на место... установить срок службы в трудчастях не менее 6 месяцев»[30].

8 декабря 1921 г. член «особой комиссии» Л.Г.Шапиро направил в адрес И.В.Сталина доклад, в котором доказывал, что трудовая армия Донбасса является «самым здоровым местом на теле Донбасса», что она «крепко осела», обладает громадными запасами энергии, ее сохранение имеет большое политическое и экономическое значение, обеспечивает присутствие «достаточно сильной резервной армии горнорабочих, дисциплинированных не способных ни на какие забастовки»[31]. Автор доклада апеллировал к И.В.Сталину, как бывшему председателю Украинского совтрударма, рассчитывая в нем найти защитника идеи сохранения трудовых частей.

Командующие трудовыми районами и трудовыми армиями в конце 1921 г. составляли планы работы на 1922 г., отнюдь не считая, что в скором времени руководимые ими части будут расформированы. Примечательно, что в октябре 1921 г. Управление трудовыми частями Северной области заключало договора на использование рабочей силы трудармейцев до конца лета 1922 г. Во второй половине декабря командование 4-й бригады Центрального трудового района (ЦТР) подписывало договоры на выполнение заданий хозяйственных учреждений сроком на 2-3 месяца[32]. Командование 2-й бригады ЦТР 15 декабря 1921 г. заключило договор с желескомом Московско-Казанской железной дороги о заготовке 7 тыс. куб. саж. дров к 1 июня 1922 г.[33]

В целом, все мнения относительно дальнейшей судьбы трудовых соединений можно объединить в три группы:

1. Сохранение их практически в неизменном виде. Повышение эффективности использования предполагалось осуществлять в рамках ранее уже проводившихся мер — улучшение снабжения,

сокращение непроизводительных расходов и т.п. Это мнение имело популярность среди отдельных командиров трудовых частей, некоторых хозяйственных руководителей, заинтересованных в бесплатной рабочей силе трудармейцев (главлеском, главтоп). Как отмечал позднее И.И.Саулов, осенью 1921 г. «при всей разноголосице хозорганы заявляли, что крайне нуждаются в трудчастях»[34]. Как «ценная высокопродуктивная рабочая сила» характеризовались трудовые части в докладах Главпути, Сибревкома[35].

2. Преобразование трудовых частей в трудовые артели, комплектуемые из добровольцев (преимущественно безработных). Перевод их на полную самоокупаемость. В рамках данной позиции спорным являлся вопрос о том, должны ли артели является непосредственными преемниками трудовых воинских соединений, или же их следует формировать заново, вне всякой органической связи с трудовыми армиями.

3. Ликвидация трудовых частей как структуры, несовместимой с новой экономической политикой. Данная позиция в основном пользовалась популярностью среди руководства ВЦСПС. Ее придерживались и некоторые наиболее дальновидные представители военного командования. «Трудармия оказывается институтом, отжившим свое время, — докладывал в апреле 1922 г. командующий трудчастями Урала Д.В.Иванов, — она не выдержала экономической конкуренции» со свободной рабочей силой[36]. За роспуск Уральской трудовой армии выступило Уральское облэкосо 28 декабря 1921 г., мотивируя свое мнение наличием резерва свободной рабочей силы в регионе, слабым обеспечением военнослужащих обмундированием, обувью и продовольствием[37].

В конечном счете, высшее руководство все-таки склонилось к мнению о нецелесообразности существования трудовых частей в прежнем виде. Окончательно вопрос был решен на заседании СТО 30 декабря 1921 г. На заседании присутствовали А.Д.Цюрюпа (председатель), В.А.Аванесов, Н.Осинский, Э.М.Склянский, Н.П.Брюханов, М.Г.Кржижановский, Г.И.Ломов и др. С докладом на тему «О переходе трудчастей на хозяйственные начала» выступил А.М.Аникст. Однако, как свидетельствовал И.И.Саулов, «вместо нашего проекта рассмотрен проект В.А.Аванесова, который лишил НКТ возможности безболезненно продолжать работу по тому направлению, которое всеми комиссиями

одобрялось и к которому НКТ был подготовлен всем предшествовавшим ходом работы»[18]. Речь шла, по-видимому, о том, что окончательный вариант постановления предполагал отсутствие четко обозначенной преемственности между трудовыми частями и артелями, на чем настаивало руководство НКТ. Такая преемственность означала получение артелями всего имущества трудовых подразделений. В итоге заместителем председателя СТО А.Д.Цурюпой был подписан и утвержден проект постановления, предложенный наркомтрудом с поправками В.А.Аванесова в следующем виде:

«1. Все трудчасти НКТруда расформировать. 2. Расформирование трудчастей возложить на НКТ, с тем, чтобы оно было закончено не позднее 1 февраля 1922 г. Порядок снабжения трудчастей в количестве, установленном ранее СТО, остается старым до 1 февраля 1922 г. 3. Поручить НКТруду по согласованию с НКВоеном и хозяйственными органами, которые обслуживают трудчасти разработать в 5 дневный срок вопрос о порядке использования личного состава и имущества расформированных трудчастей. 4. НКТ представить в 2-х недельный срок план содействия организации трудовых артелей с целью усиления их роста»[19].

Таким образом, хотя постановление и объявило о расформировании трудовых частей в короткие сроки, точку в привлечении массовой рабочей силы к выполнению общегосударственных задач было рано ставить. Им на смену должны были прийти государственные рабочие артели, построенные на началах хозрасчета.

В течение первых месяцев 1922 г. вопрос об организации артелей продолжал активно обсуждаться различными межведомственными комиссиями и в НКТ. Уже 3 января 1922 г. созывается совещание в ГУТРе с участием представителей НКПС, Главтопа, Главугля, Главлескома об использовании трудовых частей «по их расформированию».

Совещание одобрило или же приняло к сведению несколько положений, касающихся настоящего и ближайшего будущего трудовых частей. Красноармейцы старших возрастов, чьи сверстники уже были уволены из армии, подлежали немедленной демобилизации. Военнослужащих 1899 г.р. намечалось использовать на простейших работах, не требующих профессиональных навыков,

«в условиях полной оплаты труда на основах групповых договоров», т.к. они снимались с государственного снабжения. Для руководства остающимися трудармейцами при НКТ предполагалось создание «особой ячейки», пользующейся правами юридического лица для ведения дел и заключения договоров. Предусматривалось, что в соответствии с решением СТО организация остающихся трудармейцев должна производиться «по схемам и методам коммерческих благоустроенных рабочих артелей и их объединений»[40]. Для восполнения естественной убыли трудармейцев в артели по договору могли привлекаться вольнонаемные рабочие. В дальнейшем же артели будут состоять только из рабочих-добровольцев. Сотрудник Главлескома Б.Норман посчитал необходимым отметить, что «трудчасти в деле заготовок в тех районах (Северный например), где испытывается недостаток рабочей силы, являются крайне необходимыми...»[41].

На следующих заседаниях с участием представителей НКПС, ГУТ, ГУК опять же решался вопрос о принципах организации артелей, велись переговоры с военным ведомством. Важно было урегулировать вопрос об остававшихся в распоряжении НКТ трудармейцах, уточнить и конкретизировать положения, содержавшиеся в постановлении СТО 30 декабря 1921 г.

Согласно приказу РВСР и НКТ № 140 от 18 января 1922 г., подписанному Э.М.Склянским и В.В.Шмидтом, подлежали увольнению все трудармейцы 1898 г.р. и старше. Военнослужащие 1899 г.р., «вплоть до увольнения в бессрочный отпуск их сверстников из Красной Армии», оставались на работах, по заключенным между НКТ и хозяйственными органами договорам на полном самообеспечении. 1900—1901 г.р., «кроме находящихся в Донбассе и на Кавказе», передавались в военное ведомство[42]. Находившиеся в ведении НКТ лица продолжали числиться как военнослужащие. Комсостав частью увольнялся в запас, частью передавался в военные округа, частью включался в ликвидационные комиссии. Особо оговаривался имущественный вопрос: «Лошади, обоз и все прочее имущество трудчастей остается в распоряжении НКТ до возвращения в армию указанных лиц для обслуживания тех производств, на которых работают красноармейцы»[43].

Приказ № 140 фактически давал возможность «оставить на основных артериях Республики — топливе и транспорте — 50.000 организованных рабочих рук» — т.е. трудармейцев 1899 г.р.[44] Однако открытым оставался вопрос о конкретных формах организации красноармейцев.

1—2 февраля 1922 г. коллегия НКТ утвердила положение о Всероссийском объединении государственных рабочих артелей (ВОГРА), разработанное И.И.Сауловым. Коллегия постановила «немедленно перейти к методам комплектования артелей на основе добровольчества», вербовку осуществлять в согласовании с отделами труда, разработать меры для наиболее благоприятных условий для членов артелей[45]. На этом же заседании утверждается правление артелей в составе И.И.Саулова, (председатель), инженера-электротехника и военного инженера Б.Н.Брандта (бывший помощник начальника ГУТР по оперативно-технической части), инженера-технолога В.А.Синдеева, кандидата экономических наук Н.А.Вярата (бывшего начальника снабжения ГУТР)[46]. Фактически значительная часть командования трудчастей в центре и на местах, во главе с начальником ГУТР перешла в ВОГРА, для того, чтобы заниматься ставшим уже привычным делом.

Так, командующий Донецкой трудовой армией К.Дук становится директором Донецкого отделения ВОГРА, начальник штаба трудовой бригады (позднее — командир полка) Кавказской трудовой армии В.К.Барщевский[47] занимает пост начальника Дагестанского отделения, бывший политрук полка А.С.Чесноков становится его заместителем, заведующим материально-хозяйственной частью — бывший завхоз полка, заведующим санчастью — бывший главврач полка и т.д. Во главе всех семи артелей Дагестанского отделения ставятся командиры рот частей Кавтрудармии[48]. Директором Уральского отделения ВОГРА назначается сотрудник штаба Уральской трудовой армии М.Л.Пресман, директором Северного отделения — командующий трудчастями Северной области К.Г.Косько[49]. Начальниками ликвидационных комиссий назначаются помощники командиров трудчастей или же начальники политических управлений. Это было связано с тем, что командиры в большинстве своем переводятся в ВОГРА.

В течение первых двух месяцев предпринимаются значительные усилия по приспособлению аппарата трудовых частей к новым

условиям существования. В результате некоторые из них «потеряли облик воинской части». Реорганизация воспринималась не просто как временный способ задействовать около 50 тыс. трудармейцев 1899 г.р., пока не подлежащих демобилизации, а в первую очередь как «серьезный опыт построения Государственных Рабочих Артелей»[50].

Под этот опыт подводилось опять же идеологическое обоснование. В одном из докладов правления ВОГРА, относящемуся к концу марта 1922 г., выражалась твердая уверенность, что в новых экономических условиях началось стихийное движение безработных «в сторону артельных организаций», и уже десятки артелей самых разных типов создаются явочным порядком губотделами труда по всей стране. Данное стихийное массовое движение, должно быть введено в организованное русло ВОГРА. Сохранение в рядах артелей трудармейцев воспринималась как временное явление, позволяющее ВОГРА наладить свою деятельность и затем стать «преемником тех Артелей из безработных, которые конструируются на местах». Аппарат ВОГРА, «приспособленный к массовым работам на топливе и транспорте... может быть здоровым фундаментом дальнейшего роста Государственной организованной рабочей силы»[51]. В связи с вышеизложенным, перед правлением ВОГРА ставились следующие задачи: 1. Удовлетворение потребностей народного хозяйства в «дисциплинированной и подвижной организованной рабочей силе» как неквалифицированной, так и обладающей производственными навыками. 2. Борьба с частным посредничеством в сфере труда «в лице подрядчиков и прочих видов поставщиков рабочей силы». 3. Борьба с безработицей[52].

С призывами и требованиями поскорее приступать к созданию артелей неоднократно обращалось на места в губернские отделы труда руководство НКТ. Так, в циркулярном письме от 11 марта 1922 г. указывалось, что «наркомтруд считает крайне важным и необходимым, чтобы эта работа (по организации артелей — В.Ц.) была поставлена повсеместно, где имеются безработные» и что это позволит сохранить рабочую силу от распыления и деклассирования, позволит «вести работу в направлении овладения рынком труда и в частности систематическую и упорную борьбу с неорганизованным наймом, личными требованиями,

протекционизмом». В заключение отмечалось, что НКТ придает данному делу «громадное значение» и ожидает от него «хорошие результаты»[53].

Участники совещания областных уполномоченных НКТ, заведующих губотделами труда, проходившего в Москве 5—7 мая 1922 г., постановили «одобрить линию Отдела Рынка Труда в отношении организации артелей из безработных и считать необходимым придать государственным трудартелям служебную роль по отношению к Рынку Труда в деле борьбы с безработицей»[54].

Примечательной представляется оценка трудовых артелей, высказанная на страницах газеты «Красный Дагестан» неизвестным автором: «Вогра создана из бывших трудармий с целью сохранения для государства организованной квалифицированной рабочей силы, преимущественно для крупных сооружений, хозорганов и в качестве сезонных рабочих... в дальнейшем объем работы несомненно расширится... не надо забывать, что Вогра является как бы государственным подрядчиком и при тех грандиозных задачах по мелиорации рыбного и иного хозяйства в Дагестане, она сумеет принести пользу, дав столь необходимую здесь в Дагестане квалифицированную рабочую силу»[55].

О том, что ВОГРА воспринималось как непосредственный преемник трудовых армий свидетельствует и такой факт. 12 сентября 1922 г. на заседании правления Уральского государственного университета была продемонстрирована доска «в память участия трудовой армии в деле строительства Уралуниверситета», полученная от ВОГРА. Участники заседания постановили выразить благодарность правлению ВОГРА и установить памятную доску в фундаментальной библиотеке вуза[56].

Таким образом, ВОГРА мыслилось не просто как способ безболезненного перехода от принудительного труда к добровольному, а в качестве инструмента государственной политики в деле регулирования рабочей силы в условиях нэпа, выступая в значительной степени преемником и продолжателем дела, начатого в свое время трудовыми армиями в 1920 г. и трудовыми частями НКТ в 1921 г. Именно в таком ключе проблема понималась, прежде всего, руководством НКТ в лице наркома В.В.Шмидта и его заместителя А.М Аникста, а также собственно членами правления

ВОГРА, начальниками и сотрудниками его отделений, являвшихся, как правило, бывшими командирами трудовых частей.

Практическая деятельность по созданию ВОГРА шла параллельно с процедурой ликвидации ГУТР и подчиненных ему частей. Во всех округах, бригадах, отдельных подразделениях создаются ликвидационные комиссии. В их задачи входили: 1. Увольнение и распределение личного состава. 2. Окончательный денежный расчет с ним. 3. Перевозка увольняемых красноармейцев. 4. Передача имущества. 5. Окончание и сдача всех дел и отчетности[57].

Достаточно быстро прошло расформирование Уральского трудового района. Здесь уже к 18 января было уволено 69% личного состава. 5 февраля 1922 г. командующий трудовыми частями Урала сообщил в ГУТР, что 2 февраля отдан приказ «считать трудармию расформированной». В целом же ликвидация трудовых районов должна была быть закончена к 15 февраля—1 марта. Однако эти сроки оказались сорванными. Не хватало денежных средств для расчета с увольняемыми, возникли проблемы с организацией перевозок демобилизованных. С 11 февраля 1922 г. НКПС прекратило бесплатное обслуживание сотрудников всех ведомств кроме военного. Однако последнее отказалось брать на себя ответственность за отправку домой увольняемых в запас трудармейцев. Потребовалось специальное постановление ВЦИК от 15 февраля 1922 г. о том, что расходы на этот счет должно взять на себя именно военное ведомство. Среди трудармейцев имелось от 5 до 6 тыс. военнопленных — участников Кронштадтского мятежа и крестьянского восстания в Тамбовской губернии (антоновщины). Для рассмотрения их персональных дел и передачи в распоряжение ВЧК создается специальная комиссия, что также задерживало ликвидацию трудчастей. В итоге к 15 марту было объявлено лишь об упразднении ГУТР. 23 марта ВЦИК без согласования с НКТ издал постановление о ликвидации трудчастей. Тем не менее, расформирование отдельных трудовых подразделений продолжалось еще более двух месяцев, завершившись к концу мая 1922 г.

Непросто оказалось урегулировать финансовые и имущественные проблемы, возникшие в процессе ликвидации трудовых частей. Уже с 1 февраля 1922 г. государство перестало выделять

средства на их содержание. Ликвидкомам требовалось рассчитываться с демобилизуемыми трудармейцами, ВОГРА — обеспечивать всеми видами довольствия остающихся. В этой чрезвычайной ситуации пошли по пути распродажи имущества, переданного ВОГРА. С марта по октябрь 1922 г. удалось таким способом получить 10.140.321 руб. Например, по балансу Центрального отделения значилось имущества на 2,7 млн. руб., его продажа позволила выручить 3,85 млн. руб.[58]

Образовавшаяся значительная задолженность перед трудармейцами также тормозила демобилизацию. Проблема ее выплаты рассматривалась различными комиссиями и комитетами при наркомфине 11, 21, 25 января 1922 г. Лишь 9 марта Малый СНК постановил выделить 9 млрд. руб. (в совзнаках) на эту цель вместо необходимых 20,75 млрд. 28 марта президиум ВЦИК вновь постановил «обязать малый Совнарком отпустить необходимые средства на погашение задолженности и ликвидации Трудчастей»[59]. Сами же выплаты производились с 13 марта по 4 апреля 1922 г.[60] Позднее РКИ предъявило претензии правлению ВОГРА по поводу «разбазаривания» имущества трудовых частей. И.И.Саулов оправдывался тем, что это была вынужденная мера, т.к. «красноармейцам надо было давать есть [подчеркнуто И.И.Сауловым. — В.Ц.] как до выполнения, так и во время выполнения задания», а оплата от хозорганов должна была поступать только после окончания работ, и к тому же имущество передавалось в ВОГРА не для охраны на складах, а «как основной фонд»[61].

Заменившее ГУТР ВОГРА по своей структуре представляло уже гражданское хозяйственное учреждение, пусть и с элементами жесткого централизма и рудиментами прежней военной организации. Возглавляло ВОГРА Правление, опиравшееся на технический аппарат, состоявший из материального и топливного отделов, строительного управления, транспортного отдела (с отделениями железнодорожных перевозок и гужевых перевозок). Правлению подчинялось около десятка отделений, разбросанных по всей стране, созданных вместо прежних трудовых округов и армий.

В Москве располагалось Центральное отделение (с июля слито с главной конторой правления ВОГРА). Донецкая трудовая

армия преобразуется в Донецкое отделение ВОГРА (Бахмут, районные конторы в Юзовке, Горловке, Боково-Платовой, Лозовой-Павловке). Оно состояло из 8 военно-трудовых отрядов — бывших 8 полков трудовой армии. Дагестанское отделение (Махачкала), включало артели № 1—10 и караульную команду. Основой для них послужили подразделения 1-го отдельного рыболовного полка Кавказской трудовой армии. Северное отделение (Петроград) имело артели № 1—16. На базе Сибирской трудовой армии было организовано Сибирское отделение (Новосибирск, конторы в Барнауле, Иркутске, Енисейске, Томске, Кузбассе). Здесь из трудовых бригад, занимавшихся добычей угля, транспортными и строительными работами создаются Иркутско-Черемховская, Южно-Кузнецкая, Анжеро-Судженская группы артелей; Кемеровская, Кольчугинская, Новониколаевская отдельные артели, артели по обслуживанию Карской экспедиции, по постройке Кольчугинской новостройки. Действовали также Уральское отделение (Екатеринбург, контора в Тюмени), Средне-Волжское отделение (Казань, районные конторы — Нижний Новгород, Пенза), Нижне-Волго-Каспийское отделение (Астрахань). Летом 1922 г. образуется Азовско-Черноморское отделение (конторы в Ростове-на-Дону, Новороссийске, Батуми; агентства в Сухуми, Туапсе, Керчи).

В циркуляре правления ВОГРА декларируются принципы, на которых должна строиться организация артелей: «Свободный добровольный союз для выполнения данной работы под руководством технических руководителей, и как таковой, сам управляет своей внутренней жизнью, без какого бы то ни было вмешательства в нее лиц Административного и технического персонала». В дальнейшем, «при развитии дела», возможным считалось как объединение артелей для выполнения «крупных» работ, так и раздробление для мелких, но более выгодных работ[62].

О внутренней структуре отделений можно судить по штатам, разработанным начальником Дагестанского отделения В.К.Барщевским. Во главе отделения стоял директор, имевший заместителя. Главная контора состояла из следующих частей.

1) управление делами — а) стол личного состава, б) трудовая часть (всего 5 сотрудников); 2) строительно-техническая часть (4 сотрудника); 3) материально-хозяйственная часть — а) склады,

б) обоз (всего 15 сотрудников); 4) культурно-просветительская часть (3 сотрудника); 5) санчасть (2 сотрудника); 6) ветеринарный околоток (4 сотрудника); 7) караульная команда (31 сотрудник). В каждой артели предусматривалось, кроме того, 15 штатных должностей: управляющий (староста), его помощник, трое заведующих группами, счетовод, конюх[63].

Допускались выборы артельного старосты. Собрания старост избирали представителя, который вместе с техническим или политическим руководителем, заведующим производственным участком входил бы в правление Союза артелей, непосредственно подчиненного отделению ВОГРА. Предлагалось создавать артели самые различные по роду деятельности — в том числе рассыльных, по очистке города, разборке металлолома, строительные и т.п. Такова была схема управления, составленная сотрудниками ВОГРА. Однако в действительности структура артелей в различных регионах (и даже на территории одного отделения) могла существенно отличаться.

При организации артелей большое внимание уделялось производственной и политической пропаганде. Важно было разъяснить красноармейцам значение деятельности ВОГРА. В циркуляре от 6 апреля 1922 г. И.И.Саулов требовал от начальников отделений проводить собеседования с каждой частью, разъясняя, что «трудармейцы, снятые с Государственного снабжения должны сами себя обеспечить своей работой, что эта цель может быть достигнута с большим успехом объединением в Рабочие Артели, которые будут всеми мерами поддерживаться и поощряться государством». Предлагалось в очередной раз «осветить вопрос о предстоящей жестокой борьбе надвигающегося с Запада капитала с Русским пролетариатом... в результате которой Русский пролетариат должен неизбежно потерпеть поражение, если не встретит этого сомкнутыми рядами» и т.п.[64]

Начальникам отделений рекомендовалось организовать вербовочную кампанию через органы НКТ, выпускать печатные листовки, содержащие призывы записываться в артели и разъясняющие «преимущества артельного начала». Чтобы поддержать принцип использования организованной рабочей силы, приказом ВСНХ № 105 от 20 марта 1922 г. предписывалось отдавать предпочтение артелям ВОГРА перед частными предпринимателями[65].

Основой для работы артелей первоначально служили договоры, заключенные между различными хозяйственными организациями и трудовыми частями в конце 1921 г. К 1 января 1922 г. имелось соглашений об использовании трудармейцев на условиях хозрасчета на 33.314 человек. Из них с Главлескомом на 5.081, Главуглем — на 14.422, Главнефтью — 5.000, НКПС (служба пути) — 250, НКПС (материальная служба) — 3.339, остальные главки — 5.222 человека[66]. Сумма оплаты по договорам на 1 февраля 1922 г. составляла 168 млрд. руб.[67] Всего же по данным на 1 февраля 1922 г. по районам и видам работ трудармейцы распределялись следующим образом (*см.: Приложение № 30*).

О деятельности ВОГРА в целом можно судить на примере некоторых его отделений. Часть из них сохраняло прямую преемственность с трудовыми армиями. Как уже отмечалось, Донецкое отделение состояло из 8 военно-трудовых отрядов. 25 февраля 1922 г. его директор К.Дук подписал договор с Центральным правлением каменноугольной промышленности, в соответствии с которым военно-трудовые отряды передавались для использования в шахтах Донбасса. По условиям соглашения ВОГРА получало 5% от всего добытого угля, что оказалось весьма выгодным для отделения. Непосредственными инициаторами договора выступили наркомтруда В.В.Шмидт и председатель Центрального правления каменноугольной промышленности (ЦПКП) В.Я.Чубарь. 23 мая 1922 г. с ЦПКП заключается новый договор, по которому Донецкое отделение получало 1% от добытого угля и полное обеспечение всеми видами довольствия наряду с горнорабочими, оплату командировочных расходов и содержание штата отделения в количестве 30 человек[68]. Трудовая деятельность Донецкого отделения в первые месяцы 1922 г. отражена в двух таблицах (*см.: Приложения № 31, 32*). Всего же отделением было заключено 33 договора с различными хозяйственными организациями, касающихся использования военно-трудовых отрядов и произведенной ими продукции. Так, 19 мая достигается соглашение с инженером Бедавинцевым о привлечении 30 человек для сопровождения грузов. Каждому красноармейцу выплачивалось по 4.200 руб., а начальнику команды — 5.200 руб. в месяц. Непосредственно отделение получало по 2.100 и 2.650 руб. в месяц соответственно. 14 апреля и 15 мая заключались договоры

с райсолью об участии военнослужащих ВОГРА в проведении облав. Кроме того, бывшие трудармейцы направлялись на предприятия треста Югосталь для обслуживания недавно пущенных коксовых печей и др. работ. За них от Югостали Донецкое отделение получало по 500 пуд. кровельного железа в месяц. Летом 1922 г. часть 8-го военно-трудового отряда, дислоцированного в Должанском районе, занималась сельскохозяйственными работами — окучиванием кукурузы и свеклы, уборкой 20 дес. овса, перевозкой 7 тыс. п. сена[69].

В условиях нэпа все большую роль руководству отделения приходилось отводить различным торгово-сбытовым операциям, иногда довольно сложным и запутанным. По условиям договора ЦПКП за работу в январе—апреле 1922 г. (с учетом долгов перед Донтрудармией) выделял Донецкому отделению ВОГРА 387.240 пуд. угля. Расчет производился частями и со значительным опозданием. 145 тыс. пуд. полученного угля было выменяно на 49 тыс. пуд. соли. Затем 5 тыс. пуд. соли у Бахмутского единого потребительского общества обменяли на 3.510 пуд. картофеля. Часть картофеля получил 4-й военно-трудовой отряд для перепродажи в Горловке. Еще 10 тыс. пуд. соли агенты отделения отвезли в Могилев, где обменяли на 2,9 тыс. пуд. хлеба и ряд других товаров.

Директор отделения К.Дук вел поиск форм и методов работы, которые помогли бы ВОГРА существовать далее и развиваться. Рассматривался вопрос об организации производственного отдела, в ведении которого находилось бы несколько взятых в аренду заводов. Однако от данной затеи отказались, посчитав, что «это дело теперь абсолютно невыгодное», т.к. получая сырье от государственных трестов по завышенным ценам, ВОГРА не смогло бы конкурировать с частником и теми же трестами. Указывалось на возможность аренды шахт совместно с частными предпринимателями. Намечалась организация «государственных сельских хозяйств ВОГРА», для чего берется в аренду «экономия» площадью 700 дес., закупаются сельскохозяйственные орудия, лошади, скот. Директор Донецкого отделения предполагал, что если опыт окажется удачным в дальнейшем всячески развивать применение рабочих артелей в аграрном секторе[70].

Хотя К.Дуком осознавались очень сложные перспективы дальнейшего существования отделения в прежнем виде, никаких принципиально новых рецептов выхода из создавшейся ситуации им не предлагалось. С одной стороны заявлялось о желательности оставления в ВОГРА красноармейцев 1901 г.р. еще на 3—6 месяцев, что якобы только и позволит выполнять договорные обязательства перед ЦПКП и Югосталью, с другой стороны указывалось, что нужна «коренная реорганизация», что «ВОГРА как таковая — это не форма, необходимо что-то иное наиболее реальное и молодое дело»[71].

В **Северном отделении** 1-я артель была задействована на изготовлении керамических изделий, 16-я и часть 12-й — работали в военных совхозах, 6-я несла караульную службу, остальные десять артелей занимались заготовкой дров (всего было заготовлено 20.065 к.с.), погрузкой и разгрузкой поездов и пароходов, рытьем канав, уборкой сучьев, ремонтом дома на набережной Фонтанки и прочими не учитываемыми работами. В артелях Северного отделения состояло около 2 тыс. красноармейцев 1899—1900 г.р. и 45 человек командного состава. За первое полугодие 1922 г. Северное отделение получило отчислений по хозяйственным договорам на сумму более 3,2 млрд. руб.[72]

В Уральском отделении в феврале 1922 г. создается 1-я государственная трудовая артель, в составе 140 красных командиров, 112 сотрудников административно-хозяйственного аппарата и 4.828 трудармейцев. Артель работала на Луньевских угольных копях. Производительность члена артели составляла 40,9 пуд. в сутки (гражданского рабочего — 108,7 пуд.). Трудовая наличность достигла 70,6%. Количество неработающих по болезни сократилось до 3,4%[73].

В начале 1922 г. Сибирская трудовая армия преобразуется в **Сибирское отделение** ВОГРА, во главе которого был поставлен К.Д.Валериус. О численности отделения, структуре дает представление следующая таблица (*см.: Приложение № 33*).

Артели Кузбасса и Иркутско-Черемховской группы, сформированные из частей 1-й и 4-й бригад Сибирской трудовой армии, продолжали заниматься заготовкой угля и различными вспомогательными работами, связанными с обслуживанием шахт. Работы велись по договорам с Сиболастопом и иркутским гублескомом.

Заново формируются из вольнонаемных артель по обслуживанию Карской экспедиции, производившая погрузочно-разгрузочные работами на пристанях р.Обь и артель по постройке Кольчугинской новостройки. Последняя не смогла наладить нормальную работу, т.к. новостройка не обеспечивалась в должном размере продовольствием. Помимо этого Сибогра взяло в аренду у Иркутского губсовнархоза писчебумажную фабрику, пошивочную мастерскую, фарфорофаянсовую фабрику, типографию. В ведении отделения также имелось около 60 десятин посевов, 128 голов крупного рогатого скота и 43 лошади.

Всего же трудармейцы и вольнонаемные артелей Сибирского отделения за период с 1 февраля по 1 августа 1922 г. добыли 6 млн. пудов угля, заготовили 3 тыс. к.с. дров. Трудовая наличность достигла 81%, производительность труда — 75% от выработки гражданского рабочего[74].

Дагестанское отделение ВОГРА в основном занималась ловом и переработкой рыбы на промыслах Каспийского моря. Соответствующие договоры подписывались 30 апреля, 5 июня, 14 июля 1922 г. с Дагестанским государственным областным рыбуправлением (Дагоблрыбой). Последний из названных договоров был заключен сроком на 5 лет. Отделение обязывалось взять на себя полное обеспечение всех работ по добыче рыбы в районе форта Урицкий: весенний и осенний лов сельди, строительство рыбовозной ветки, добычу 1,5 млн. пуд. соли, охрану и транспортировку продукции, проведение сельскохозяйственных работ в военсовхозе. В свою очередь Дагоблрыба брала на себя оплату содержания административно-хозяйственного состава в размере 6% от общего числа работающих, своевременную выдачу жалованья, спецодежды, снабжение бельем, обувью по нормам гражданских рабочих, предоставление артели отопления, освещения, прачечной, бани, медикаментов и фуража[75]. Всего же Дагвогра обеспечивало полностью или частично работу на 27 промыслах, разбросанных на протяжении 300 км. по побережью Каспийского моря.

Еще в конце марта по соглашению с Дагоблрыбой организуется военный совхоз в с.Озень (в 18 верстах от Махачкалы). Здесь было засеяно около 65 десятин овсом, ячменем, просом, кукурузой, пшеницей и выделено 150 дес. под сенокос. Артелям

Дагестанского отделения удалось построить Огнинскую рыбовозную ветку протяженностью 24,5 в., мост через р.Рубас, произвести земляные работы на Беледжинской ветке, а главное — поймать и уложить в засолочные чаны более 1 млн. п. сельди. Кроме того, военнослужащие артели использовались для охраны промыслов, сопровождения грузов, несения гарнизонной службы в Махачкале и др.

Директор отделения В.К.Барщевский по-деловому организовал работу отделения, умело опираясь на воинскую дисциплину, структуры отделения, унаследованные от трудовой армии и в целом те преимущества в хозяйственной деятельности, которые теперь давала новая экономическая политика. Собственно говоря, во внутренней переписке отделения, как и ранее, использовалась военная терминология — артели назывались ротами, которые делились на взводы, управляющие артелями именовались комротами, рабочие — трудармейцами и т.п. Жесткая дисциплина часто основывалась на рукоприкладстве. Так, 5 сентября 1922 г. состоялось собрание месткома 3 артели, посвященного взаимоотношениям комсостава и трудармейцев. На собрании командир роты (ныне артели) Мякотин заявил, что он «бил и будет бить трудармейцев если они провинятся», в чем с ним были солидарны и командиры взводов[76]. Тем не менее, в итоговой резолюции принимается постановление о недопустимости «грубого принуждения к труду», т.к. иначе артель может остаться без рабочей силы[77].

Директор отделения, по свидетельству секретаря парткома РКП(б) Дагвогра, «с восторгом отзывается о НЭП... и можно определенно сказать, что симпатии Барщевского к советской власти завоевала НЭП и обстановка созданная ею. Всякое напоминание, что НЭП вызвана переходным моментом, что по укреплению нашего экономического положения мы будем еще последовательней к проведению диктатуры пролетариата, вызывает у Барщевского иронические насмешки или озлобленные ответы. Работу среди масс Барщевский считает пустозвонством и политработники, по его мнению, только вносят разложение среди рабочих»[78]. Данная жалоба примечательна еще и тем, что показывает негативное отношение к нэпу, сложившееся у некоторой части партийных и советских руководителей низшего и среднего звена.

Успеху работы Дагвогра способствовал и относительный дефицит трудовых ресурсов, существовавший в Дагестане. Местные жители занимались преимущественно сельским хозяйством, ремеслами, торговлей, поэтому привлечь их на рыболовные промыслы было весьма сложно. По мнению В.К.Барщевского, Дагестанское отделение «своей рабочей силой [являлось] первенствующим среди ленивого туземного населения Дагестана»[79].

Помимо трудармейцев временно использовались рабочие, присланные из голодающих районов страны. Только весной 1922 г. поступило 8.056 человек, из которых 2.300 отправили обратно по причине болезни, неспособности к физическому труду, а остальные задействуются на путине.

Неплохим являлось продовольственное снабжение артелей Дагестанского отделения. Летом 1922 г. на каждого рабочего выделялось в день 2 фунта хлеба, 1,5 фунта рыбы, в месяц 3 фунта риса или пшена, по 1 фунту сахара, табака, мыла, четверть фунта чая[80]. Командиру роты и командирам взводов полагалось по 3 коп. (по курсу золотого рубля) с каждого добытого и вывезенного пуда соли. 4 июля 1922 г. В.К.Барщевский представляется к награждению орденом Трудового Красного знамени. В заслугу директору отделения поставили то, что «из никчемной расхлябанной части в короткое время сделал дисциплинированную, трудоспособную ударную группу»[81].

Важным представляется вопрос о том, имелось ли в рабочих артелях вооружение, велась ли какая-либо боевая подготовка, остались ли в них элементы прежней военной структуры? Как уже отмечалось, все оружие должно было быть передано военному ведомству. Но фактически некоторая его часть по-прежнему оставалась в рабочих артелях. Оружие сохранялось там, где существовала нестабильная политическая обстановка — на Северном Кавказе, в Сибири, на Украине, где был развит бандитизм, отсутствовала гарантия «спокойной работы и целости имущества». Использовалось оно только для охраны складов, несения караульной службы. Говорить же о какой-либо систематической боевой подготовке не приходилось. Хозрасчет не позволял тратить время на занятия, не приносящие прибыли. Так, в распоряжении Дагестанского отделения находилось в августе 1922 г. 2 пулемета Максим, 20 лент и коробок к ним, 300 трехлинейных

винтовок с 20 тыс. патронов, шомпола, протирки и прочее вспомогательное имущество.

Сибирское отделение по данным на 30 июля 1922 г. передало в военное ведомство 476 трехлинейных винтовок, 199 берданок, 45 драгунских трехлинеек, 76 прочих винтовок, 46 тыс. патронов к ним. Для охраны складов было оставлено 7 трехлинейных винтовок и 60 патронов к ним. Кроме того, некоторая часть вооружения имелась в местных райконторах[82]. Однако при необходимости из состава артелей формировались небольшие подразделения, способные выполнять боевые задачи. Так, из состава Дагестанского отделения было выделено 15 человек для охраны сена на ст. Хасавюрт. Им дважды приходилось вступать в перестрелку с неизвестными бандитами. По предложению горисполкома и чрезвычайной тройки по борьбе с бандитизмом трудармейцы несли ночную патрульную службу в Махачкале.

Всего за февраль—октябрь 1922 г. силами ВОГРА было добыто 21.213.900 п. угля (занято 5.031 чел.), 22.891 к.с. дров (2.736 чел.), погружено 15.634.380 п. топлива и 1.636.340 п. др. грузов (15.080 чел.), перевезено 377.430 п. грузов (730 чел.), добыто 1,28 млн. п. соли (1.980 чел.). Кроме того, красноармейцы и вольнонаемные рабочие артелей занимались охраной и сопровождением грузов (960 чел.), ремонтными работами по заданию Петрокомунхоза (3.700 чел.), обслуживанием железных дорог (1.800 чел.), ловлей рыбы (2.500 чел.), сельскохозяйственными работами на Дону, Дагестане и в Сибири (525 чел.), на фабриках в Москве, Новониколаевске, Иркутске, Черемхове (280 чел.). Всего же за весь указанный период в ВОГРА было задействовано 36.822 чел.[83]

Однако с самого начала своего существования государственные рабочие артели столкнулись также и с множеством трудностей, как оказалось позднее, непреодолимого характера.

Отношение хозяйственных организаций к ВОГРА было неоднозначным. С одной стороны, после того как в начале 1922 г. трудовые части снимаются с государственного снабжения и перестают являться дармовой рабочей силой, интерес к ним резко снижается. Во-первых, необходимо было оплачивать их труд в такой же степени, в какой и любых других рабочих; во-вторых, «прежняя марка трудчастей, как организаций воинского типа», с большим обслуживающим аппаратом создавала им нелестную

репутацию. С другой стороны, в ряде регионов (например, в Донбассе, Дагестане) наоборот, в сохранении военной организации трудовых артелей видели обязательное условие их успешной работы, в противном случае ставили под сомнение необходимость продлевать договоры об использовании рабочей силы артелей.

НКТ необходимо было учесть эти обстоятельства, а также вступить в серьезную борьбу с частными подрядчиками, пользовавшимися спросом у хозяйственных организаций. Как отмечалось в одном из докладов правления ВОГРА, написанном в конце марта 1922 г., становление артелей происходило «в тяжелой конкуренции с различными спекулянтами — поставщиками рабочей силы»[84].

Правление ВОГРА установило принцип, в соответствии с которым артели не могли ставиться на работы для частных лиц и предприятий. Но государственные работодатели далеко не всегда ответственно подходили к выполнению договорных условий, объясняя задержки зарплаты отсутствием ресурсов, неполучением средств из казны и т.п. причинами. Так, Казанская железная дорога в течение весны—лета 1922 г. задолжала ВОГРА 2 млрд. руб. Следовало бы снять артели с погрузочно-разгрузочных работ. Однако правление посчитало, что этого делать не целесообразно, т.к. может быть поставлено под угрозу нормальное функционирование важнейшего железнодорожного узла. Всего же на 1 июля 1922 г. невыплаты со стороны хозорганов по Центральному району ВОГРА составили 40 млрд. руб., по Сибирскому — 10 млрд. руб.[85] Не удалось найти баланс между стремлением получить коммерческую выгоду и необходимостью блюсти государственные интересы, что нарушало принцип хозрасчета, положенный в основу деятельности ВОГРА.

Военнослужащие не получали никакого обмундирования и обуви, донашивая то, что осталось от выданного еще в 1921 г. В одном из докладов Донецкого отделения ВОГРА отмечалось, что от всех отрядов поступают сведения о «крайне неудовлетворительном состоянии обмундирования и почти совершенном отсутствии обуви... не мало краснозармейцев, истрепавших в работе по углю жалкое наследство военведомства, в плачевном виде явится на родину»[86].

Ряд руководителей отделений ВОГРА не смогло справиться с возложенными на них обязанностями. Сменивший К.Дука на посту директора Донецкого отделения В.Борман весьма нелестно отозвался о своем предшественнике: «Заслуги Дука на работе Донотделения весьма незначительны, в районах же совершенно отсутствуют, популярность же среди сотрудников сильно преувеличена... Очень хорошо было работать на договоре, заключенном Шмидтом и Чубарем с 5% отчислением. Торгуй или меняй уголек и расходуй на нужды отделения и свои»[87]. Выяснилось также, что при попустительстве К.Дука «пропал» целый состав с углем, отправленный в Москву.

Не лучше обстояли дела и во многих других отделениях. В сентябре 1922 г. с инспекционной поездкой на Урале побывал замнаркомтруда А.М.Аникст. Одним из ее результатов стала телеграмма от 21 сентября 1922 г. на имя И.И.Саулова с требованием привлечь к ответственности директора Уральского отделения Х.Г.Энтина, за то, что тот фактически ликвидировал отделение, «оставив на произвол судьбы» Тюменскую контору, якобы имевшую неплохие перспективы дальнейшей деятельности[88]. Два месяца с сентября по ноябрь 1922 г. продолжалась ревизия Сибирского отделения. По требованию Сибирской РКИ был наложен запрет на реализацию его имущества.

Полным крахом закончилась деятельность Дагестанского отделения, казалось, успешно разворачивавшаяся в первой половине 1922 г. Властолюбие директора отделения В.К.Барщевского, неумеренные денежные траты на личные нужды вызвали неприязнь со стороны партийной ячейки Дагвогра. В сентябре 1922 г. состоялось несколько заседаний, на которых разбиралось «персональное дело» В.К.Барщевского, обвиняемого в хищении государственных средств, неуважительном обращении с младшими командирами. Выяснилось, что жена директора тратит большие суммы на покупку дорогих нарядов, золотых украшений, а сам он «ищет дешевый авторитет» у красноармейцев, публично ругая площадной бранью комсостав за хозяйственные упущения. А 19 сентября группа «заговорщиков» во главе с заместителем директора А.С.Чесноковым арестовала В.К.Барщевского и произвела обыск на его квартире. Одним из итогов этих событий можно признать телеграмму наркомтруда Дагестана, направленную

в октябре 1922 г. В.В.Шмидту: «Дагестанская ВОГРА развалилась вследствие конфликта директора Барщевского с коммунистами ВОГРы. Трибунал ведет следствие злоупотреблений Барщевского. Вышлите срочно уполномоченного»[89]. 5 ноября 1922 г. В.К.Барщевского сняли с должности и затем осудили на три года лишения свободы (с применением амнистии и сокращением срока заключения до 1,5 лет)[90].

Однако самой главной проблемой для ВОГРА оказалась замена трудармейцев вольнонаемной рабочей силой. Приказом РВСР № 941/181 от 17 апреля 1922 г. подлежали демобилизации все красноармейцы 1899 г.р., в том числе и служившие в государственных рабочих артелях. Было ясно, что немедленная демобилизация поставит под угрозу заключенные с подрядчиками договоры. Поэтому по просьбам ЦПКП Донбасса, Югостали помощник начальника штаба РККА разрешил задержать военнослужащих «вплоть до особого распоряжения»[91]. Демобилизация остававшихся в рабочих артелях красноармейцев производилась постепенно в течение лета—осени 1922 г. в Северном отделении она завершилась к 15 июня, в Сибирском к началу августа. В июле 1922 г. проводится демобилизация в Дагестанском отделении.

Как признавалось в докладе правления ВОГРА, красноармеец «в общем является мало подходящим элементом для Артелей», т.к. во-первых, он хотя и снят с государственного снабжения, по-прежнему «считает себя исполняющим воинскую повинность», во-вторых, для него нужны одежда, обувь, белье и др. виды довольствия, на приобретение которого необходимы большие деньги.

ВОГРА не сумела в большинстве случаев заменить военнослужащих вольнонаемными, что привело к упразднению тех артелей, которые состояли преимущественно из красноармейцев. В связи с этим в Сибирском отделении пришлось расформировать все артели, занимавшиеся добычей угля и обслуживанием шахт. В Северном отделении ликвидация завершилась к 30 июня, в Сибирском — к 1 сентября. На Урале после демобилизации красноармейцев весной 1922 г. уже с лета прекращаются почти все хозяйственные работы. В июле Уралвогра по свидетельству инспектора Гольдмана «представляло собой чистое поле, усеянное обломками прошлого»[92]. Х.Г.Энтину не удалось создать ни одной артели из вольнонаемных. На копях осталось лишь 9 человек

административно-хозяйственного персонала. Не выполненной оказалась директива Центра, поступившая в Екатеринбург 24 апреля 1922 г., и требовавшая «срочно принять меры сформированию артелей [на] основании добровольного участия...»[93]

Руководители отделений ВОГРА — преимущественно бывшие красные командиры — более или менее успешно работали, пока в рядах артелей оставались красноармейцы или же бывшие военнопленные. Организация артелей на началах добровольчества, из безработных требовала совсем иных деловых качеств. Опыта, приобретенного на военной службе, умения отдавать приказы уже было недостаточно. Требовалась способность учесть тысячи мелочей, из которых складывалась повседневная жизнь рабочих, гарантируя им более выгодные условия по сравнению с обычным, «вольным» существованием. Немногие обладали подобным талантом. В ряде отделений вспыхнули склоки в руководстве, сопровождаемые взаимными обвинениями в бесхозяйственности, злоупотреблением служебным положением и едва ли не уголовных преступлениях (Дагестан, Донбасс). В некоторых отделениях наступил едва ли не полный паралич воли у местного руководства, неспособного наладить работу даже на короткий промежуток времени (Урал). В остальных же местах артели обанкротились, постепенно сойдя на нет и принося большие убытки государству, возлагавшему на них столь радужные надежды. Чем дальше, тем больше руководство отделений делает крен в сторону торгово-сбытовых, обменных операций, именно здесь ища наибольшую выгоду, постепенно отказываясь от возможности использования организованной массовой рабочей силы для нужд государственных предприятий и учреждений.

В условиях нэпа рабочие артели не смогли выдержать конкуренции со свободным рынком труда. Существование ВОГРА оказалось экономически невыгодным, т.к. хозяйственные организации предпочитали за меньшую плату нанимать безработных из деревень. Так, руководство Сибогра жаловалось, что подряды сдаются частникам, а не рабочим артелям, тем самым «оставляются за бортом безработные пролетарии». Частный подрядчик стремился минимизировать издержки, экономил на социальном страховании, не делал отчисления на культурно-просветительские нужды, не

содержал управленческого аппарата и поэтому предлагал более низкие цены на свои услуги в сравнении с ВОГРА[94].

Да и сами безработные отнюдь не горели желанием поступать в артели. Во что вылилась борьба с безработицей, показывает пример деятельности сибирского отделения. В Барнауле осенью 1922 г. на бирже труда было зарегистрировано около 200 мужчин. Районная контора Сибогря взяла подряд на разделку 10 тыс. к.с. дров. Однако на призыв поступать в рабочие артели, опубликованный в местной прессе, откликнулось лишь 15 человек. В Новониколаевске правление железной дороги предложило создать артель из 250—300 человек для очистки путей от снега. Но среди местных безработных желающих заниматься уборкой снега не нашлось[95]. Жизнеспособными оказались сравнительно небольшие по численности артели, занимавшиеся погрузочно-разгрузочными работами на железнодорожных станциях и пароходных пристанях. Такие же безнадежные перспективы с привлечением безработных существовали и на Украине. В докладе от 3 июля 1922 г. директор Донецкого отделения К.Дук пришел к выводу, что «развитие работ в большом масштабе в отношении организации вольнонаемной рабочей силы в Донбассе положительных результатов дать не может и далее 250—400 человек не пойдет»[96].

Несколько лучше первоначально складывалась ситуация в Дагестане. Параллельно с демобилизацией здесь удалось набрать в голодающих районах рабочих-добровольцев, которые должны были заменить красноармейцев. В.К Барщевский добился получения наряда от НКТ на найм в Царицынской, Саратовской и Ставропольской губерниях нескольких тысяч мужчин и женщин для пополнения артелей. На Волгу отправляется пароход «Цурюпа» и несколько уполномоченных, снабженных солидными авансами. Набор был произведен успешно, т.к. предлагались неплохие условия оплаты труда и содержания. В артелях также оставили более 300 военнопленных — участников «антоновщины». Однако обеспечить нормальную работу отделения с помощью добровольцев Дагвогра не сумело. Помешали выше упоминавшиеся склоки в руководстве отделения, перебои в снабжении продовольствием, неумение работать с людьми, для которых теперь одного приказа было недостаточно для беспрекословного

выполнения заданий начальства. Так, в 1-й артели из 200 рабочих к середине октября 1922 г. осталось 100, из которых было занято на промыслах лишь 20. В протоколе заседания месткома Дагвогра отмечалось, что настроение рабочих 1-й артели подавленное, производительность труда низкая, артель приносит одни убытки. Не лучше складывалась ситуация и во 2-й и 3-й артелях: рабочие с июля не получали жалованья, пища и вода плохая, растет заболеваемость, казармы неприспособленны для зимы. В 4-й артели из 97 человек половина разбежалась, а из оставшихся лишь 25 выходило на работу. В караульной роте распространилось воровство с охраняемых складов и т.д., и т.п.[97] Уже в начале 1923 г. новый директор отделения А.С.Чесноков сообщал, что «доведенные до полного отчаяния безденежьем и отсутствием топлива на промыслах рабочие произвели разрушение некоторых построек и сожгли тару» нанеся убытки промыслам в размере 18 тыс. руб.[98]

После увольнения военнослужащих численность рабочих артелей значительно сократилась и больше уже не смогла восстановиться. Нижне-Волго-Каспийское отделение в ноябре 1922 г. объединяло 1.505 человек: 700 сторожей, 465 промысловых рабочих, 400 грузчиков[99]. Дагестанское отделение (октябрь) состояло из 9 рабочих и одной караульной артелей, включавших 98 конторских и технических служащих, 109 низшего обслуживающего персонала, 950 рабочих.[100] Московское отделение (ноябрь) имело 9 низших служащих (десятников), 70 штатных рабочих, 150 поденно-сдельных, нанятых через биржу труда[101]. В Северном отделении в сентябре 1922 г. было занято 1.046 человек, из них 165 на работах в порту и 878 — на обслуживании железной дороги. В Средне-Волжском отделении в октябре 1922 г. оставалось 32 служащих, 6 постоянных и 280 временных рабочих[102]. Более половины указанных рабочих занималось погрузочно-разгрузочными работами на железнодорожных станциях и пароходных пристанях.

В течение зимы 1922—1923 г. артели Дагестанского отделения постепенно ликвидируются. К октябрю 1922 г. полностью демобилизуются красноармейцы военно-трудовых отрядов Донбасса, что привело к окончательной ликвидации местного отделения ВОГРА. 28 ноября 1922 г. Сибревком принимает постановление о ликвидации Сибирского отделения, в связи с его «бесхозяйственностью»[103].

Вместе с завершением перехода к нэпу исчезают и рудименты военного коммунизма, которым, безусловно, являлось ВОГРА.

Однако, как оказалось, точку было ставить рано. В НКТ решили провести очередную реорганизацию, которая как предполагалась повысит эффективность использования массовой рабочей силы. Неудачной признается сама форма объединения трудовых ресурсов в виде артелей. Якобы с уходом красноармейцев артели «потеряли смысл», превратившись в «трудовой кооператив», «нестойкий», состоящий вне влияния профсоюзов и «легко поэтому попадающий под влияние кустарной мелкобуржуазной идеологии»[104].

Вместо ВОГРА создается Российское акционерное общество строительных, транспортно-грузовых и заготовительных работ (первоначальный вариант названия — Русское акционерное общество организованного труда). Его учредителем стал Наркомтруд. Устав АО, утвержденный постановлением СТО от 16 ноября 1922 г., публикуется 31 декабря 1922 г. Целью акционерного общества объявляется производство работ «с помощью организации валового и квалифицированного труда в отраслях строительной..., железнодорожной, дорожной..., по погрузкам и выгрузкам, электротехнической, лесозаготовительной, экспедиторской, мелиоративной и другим отраслям народного хозяйства»[105]. Во втором параграфе устава АО указывалось, что «для осуществления указанных общественно-полезных работ с помощью организованных рабочих групп валового и квалифицированного труда, Общество использует рынок труда, его безработные кадры, объединения ищущих применения своего труда по специальностям, содействует организации Рабочих Артелей, ... принимает на себя подряды, поставки, вступает в другие, законом дозволенные договоры и обязательства»[106]. Все предприятия ВОГРА по балансу переходили в АО. Намечалось, что полученные дивиденды будут использоваться «главным образом на устройство поселков для рабочих государственных предприятий». В наследство от ВОГРА акционерному обществу помимо имущества и сети отделений досталось 200 тыс. руб. убытка. Реорганизация полностью завершилась к 23 февраля 1923 г. На заседании 6 марта 1923 г. утверждается структура центрального аппарата: контора, юрисконсульство, бухгалтерия, транспортно-грузовой, коммерческий, лесной, строительный отделы. Исполнительным органом становится

правление во главе с директором-распорядителем И.Л.Поляковским. Отделения ВОГРА переименовываются в агентства. Их сеть в течение короткого времени разворачивается по всей стране от Владивостока (Дальневосточное агентство), до Гомеля (Западное агентство). Агентства пользовались хозяйственной самостоятельностью, получая от правления лишь общие директивы и указания, производственные планы и подвергаясь с его стороны периодическим проверкам.

В первый год своего существования Российское акционерное общество строительных, транспортно-грузовых и заготовительных работ занималось преимущественно торгово-сбытовыми операциями — перепродажей леса, строительных материалов. Доходы от торговли за период с 23 февраля 1923 г. по 1 января 1924 г. составили более 60 тыс. руб.[107] 29 марта 1924 г. состоялось специальное совещание представителей НКТ, ВСНХ, Промбанка, Цустраха и АО, на котором признается необходимым переориентировать деятельность акционерного общества на проведение массовых строительных работ, привлечь в качестве акционеров ВСНХ и НКПС. Общее собрание акционеров 15 апреля 1924 г. постановило: «а) перенести все внимание на строительство, преимущественно рабоче-жилищное, б) ликвидировать коммерческую и лесозаготовительную деятельность»[108]. Выдвигается лозунг «завоевания строительного рынка во что бы то ни стало». В течение 1924 г. АО выполнило строительных работ более чем на 10,6 млн. руб. 27% работ производилось по заказу государственных организаций, 63% — трестов, синдикатов, 2% — военного ведомства, 7% — кооперативов. Общий объем возведенных зданий составил 47 тыс. к. с.

По мысли учредителей АО оно должно было взять на себя постройку целых рабочих городков, так называемых «поселков-садов» в крупных промышленных районах. Проектировочное бюро АО возглавлял известный архитектор Л.А.Веснин. В 1924 г. осуществлялось строительство рабочего поселка в Иваново-Вознесенске «под ключ»: с домами, улицами, бульварами, общественными зданиями, зелеными насаждениями, шоссейными дорогами. Кроме того, сооружалось 10 жилых домов и 6 общежитий по заказу треста «Донуголь», первая очередь поселка из 26 домов для Югостали, 4 12-квартирных дома под Нижним Новгородом,

32 дома в Богородске и т.д. Материалом для строительства служило дерево (50% домов), камень, кирпич (25%), железобетон, сочетание различных материалов (25%). Для повышения скорости работ, широкого использования неквалифицированной рабочей силы практиковалось изготовление стандартных деревянных деталей, из которых дома потом можно было просто собирать. Количество задействованных рабочих и служащих в различные месяцы колебалось от 5 до 10 тыс. Из этого числа лишь небольшая часть являлась штатными работниками. На местах аппарат состоял из прораба, техников, десятников, кладовщиков, табельщиков, сторожей. По 17 агентствам и отделениям в штате состояло лишь 821 человек. Остальные являлись сезонными рабочими.

Но опять же благие намерения по организации массового труда, который под контролем государства в состоянии решить жилищную проблему не увенчались успехом. Бесхозяйственность, бюрократизм, неумеренные и ничем не обоснованные траты на непроизводственные нужды расцвели пышным цветом под крылом АО. Как показала ревизия, произведенная в 1925 г., агентства и само правление брались за работы заведомо убыточные, заключали договоры без какого-либо финансового обеспечения, давали заведомо невыполнимые обещания, при дефиците финансовых ресурсов предоставляли кредиты сомнительным кооперативам и т.п. Количество обслуживающего персонала в агентствах доходило до 15% от общего числа работников, расходы на содержание аппарата составляли от 15 до 25%. Так, Бакинское отделение взяло подряд на строительство без гарантий финансирования со стороны заказчика. Создание Уральского отделения поручается некоему Захарову. Тот нанимает сотрудников «вне какой бы то ни было зависимости от полученных работ». Через два месяца Захарова арестовали за несостоятельность, «как бывшего подрядчика». Развертыванием Туркестанского отделения занимался Шмуйловский, набравший кредитов от имени АО, закупивший для конторы массу ненужных вещей и в итоге нанесший обществу убыток в размере 75 тыс. рублей. Обследование Киевского агентства показало «полную бесхозяйственность, громадные хищения и полный хаос». Убытки от его деятельности достигли 200—300 тыс. руб. Начальник Одесской конторы сбежал, а ряд его сослуживцев подверглось аресту. В Грозненском отделении

ревизия обнаружила «полное безобразие — бесхозяйственность, злоупотребления и хищения». Убыток отделения составил 120—150 тыс. руб., а его директор Загладимов вынужден был дать подписку о невыезде[109]. Всего же из 17 агентств и отделений лишь 2 закончили год с небольшой прибылью.

Само правление оказалось немногим лучше своих подчиненных. Как выяснилось, руководство АО выписывало себе беспроцентные ссуды больших размеров, начисляло в свою пользу пени за задержку зарплаты (хотя жалованье получало вовремя); на ремонт казенной машины затратило более 8,3 тыс. руб., притом, что стоимость всех трех автомобилей, имевшихся в распоряжении правления, не превышала 4 тыс. руб.

В 1925 г. объем строительных работ, произведенных АО сокращается примерно в два раза. 22 августа 1925 г. ввиду убыточности, потери основного капитала было решено ликвидировать АО. На заседании общего собрания акционеров проходившем 1 марта 1926 г. под председательством наркомтруда В.В.Шмидта было указано, что недостроенные здания общей стоимостью 1,2 млн. руб. отданы заказчикам, другая часть стоимостью 135 тыс. руб. передается другим строительным организациям[110]. Ликвидационная комиссия окончательно завершила свою работу 1 мая 1927 г.

Так в тиши кабинетов закончила свой путь эволюция трудовых армий, начавшаяся в 1920 г. с декретов, подписанных первыми лицами советского государства, аршинных заголовков в газетах, бурных дискуссий и надежд на скорое решение хозяйственных проблем с помощью массовой организованной рабочей силы. Попытки государства регулировать рынок труда, опираясь на такую специфическую форму как рабочие артели, закончились неудачей. Но как показала позднее история Гулага, этот опыт оказался востребованным в условиях форсированного индустриального рывка 1930-х гг.

* * *

Создание ВОГРА показало, что элементы военного коммунизма оказались очень живучи в условиях нэпа. Отмена принудительных методов снабжения рабочей силой народного хозяйства не означала отказа от регулирования рынка труда. На артели

возлагалась та же роль, что ранее на трудовые части — использование людских ресурсов для решения общегосударственных задач в соответствии с единым хозяйственным планом. Однако и этот эксперимент оказался неудачным. Бездарное руководство, хищения, неспособность составить конкуренцию частным контрагентам привели к быстрому банкротству очередной попытки контролировать свободную циркуляцию трудовых ресурсов.

Примечания

[1] Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф. 382. Оп. 1. Д. 50. Л. 158.
[2] Там же. Д. 55. Л. 147.
[3] Там же. Д. 50. Л. 85.
[4] Государственный архив Свердловской области (далее — ГАСО). Ф. р-1892. Оп. 1. Д. 63. Л. 3—5.
[5] Там же. Л. 6.
[6] Там же. Л. 9.
[7] Там же. Л. 14.
[8] Там же. Л. 25.
[9] Государственный архив Тюменской области (далее — ГАТО). Ф. 295. Оп. 1. Д. 34. Л. 12об.
[10] ГАРФ. Ф. 382. Оп. 1. Д. 50. Л. 92.
[11] Там же. Л. 160.
[12] Там же. Д. 56. Л. 23.
[13] ГАТО. Ф. 295. Оп. 1. Д. 13. Л. 42об.
[14] Там же. Л. 42.
[15] Там же. Л. 37.
[16] Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства за 1921 год. М.,1921. Ст. 591.
[17] ГАТО. Ф. 295. Оп. 1. Д. 13. Л. 51.
[18] Там же. Д. 10. Л. 239—240; Д.43. Л. 51—52.
[19] ГАРФ. Ф. 382. Оп. 1. Д. 55. Л. 123.
[20] Там же. Ф. 130. Оп. 5. Д. 437. Л. 6.
[21] Там же. Д. 438. Л. 3—4.
[22] Там же. Д. 441. Л. 3.
[23] ГАРФ. Ф. 382. Оп. 1. Д. 50. Л. 158об—159.
[24] Там же. Л. 69.
[25] Там же. Л. 79.
[26] Там же. Л. 133.
[27] Там же.
[28] Там же. Л. 155.
[29] Там же. Л. 156.
[30] ГАРФ. Ф. 486. Оп. 1. Д. 83. Л. 28.

[31] Там же. Л. 29-30об.
[32] Там же. Д. 78. Л. 32.
[33] Там же. Л. 6.
[34] ГАРФ. Ф. 9560. Оп. 1. Д. 10. Л. 32.
[35] ГАРФ. Ф. 486. Оп. 1. Д. 49. Л. 42.
[36] Российский государственный военный архив (далее — РГВА). Ф. 25892. Оп. 7. Д. 59. Л. 255об.
[37] ГАРФ. Ф. 486. Оп. 1. Д. 31. Л. 83.
[38] Там же. Ф. 9560. Оп. 1. Д. 10. Л. 32об.
[39] ГАРФ. Ф. 130. Оп. 5. Д. 467. Л. 18.
[40] Там же. Ф. 486. Оп. 1. Д. 83. Л. 34.
[41] Там же. Л. 34об.
[42] ГАРФ. Ф. 9560. Оп. 1. Д. 2. Л. 1.
[43] Там же.
[44] ГАРФ. Ф. 486. Оп. 1. Д. 144. Л. 114об.
[45] ГАРФ. Ф. 382. Оп. 1. Д. 52. Л. 1об.
[46] Там же. Л. 2.
[47] Баршевский В.К. (1892—?), род. В г.Полоцк, Витебской губ. Окончил реальное училище, Рижский политехнический институт по коммерческому отделению (1915 г.), Виленское военное училище (1916 г.). В старой армии — поручик, начальник команды связи. Награжден орденами Анны 4-й и 3-й степени с мечами и бантом, Станислава 3-й степени. В Красной армии с 12 ноября 1919 г. Занимал должности инструктора, начальника связи полка, начальника штаба кавалерийской бригады, начальника штаба трудовой бригады. С 21 ноября 1921 г. — командир 1-го отдельного рыболовного полка Кавказской трудовой армии.
[48] ГАРФ. Ф. 9560. Оп. 1. Д. 27. Л. 18, 29.
[49] Там же. Д. 16. Л. 6.
[50] ГАРФ. Ф. 486. Оп. 1. Д. 144. Л. 115об.
[51] Там же. Л. 116.
[52] Там же.
[53] ГАРФ. Ф. 9560. Оп. 1. Д. 10. Л. 22об.
[54] ГАРФ. Ф. 382. Оп. 1. Д. 56. Л. 65об.
[55] М.Л. Значение Вогры для Дагестана // Красный Дагестан. 1922. 27 октяб.
[56] ГАРФ. Ф. 9560. Оп. 1. Д. 45. Л. 22.
[57] ГАРФ. Ф. 486. Оп. 1. Д. 144. Л. 118.
[58] ГАРФ. Ф. 9560. Оп. 1. Д. 10. Л. 7.
[59] Там же. Д. 45. Л. 4.
[60] ГАРФ. Ф. 486. Оп. 1. Д. 144. Л. 117об.
[61] ГАРФ. Ф. 9560. Оп. 1. Д. 10. Л. 33.
[62] ГАРФ. Ф. 486. Оп. 1. Д. 144. Л.40об.
[63] ГАРФ. Ф. 9560. Оп. 1. Д. 27. Л. 26.
[64] Там же. Д. 2. Л. 22.
[65] Там же. Д. 10. Л. 4об.
[66] ГАРФ. Ф.486. Оп. 1. Д. 9. Л. 3.
[67] ГАРФ. Ф. 9560. Оп. 1. Д. 10. Л. 27.

[68] Там же. Д. 22. Л. 99об.
[69] Там же. Л. 103об.
[70] Там же. Л. 93.
[71] Там же.
[72] Там же. Л. 128.
[73] Там же. Л. 78—80.
[74] Там же. Д. 16. Л. 5.
[75] Там же. Д. 27. Л. 40—40об.
[76] Там же. Л. 175.
[77] Там же. Л. 176.
[78] Там же. Л. 120.
[79] Там же. Л. 7.
[80] Там же. Л. 189.
[81] Там же. Л. 16.
[82] Там же. Д. 22. Л. 160.
[83] Там же. Д. 16. Л. 13.
[84] ГАРФ. Ф. 486. Оп. 1. Д. 144. Л. 115об.
[85] ГАРФ. Ф. 9560. Оп. 1. Д. 10. Л. 36.
[86] Там же. Д. 22. Л. 104об.
[87] Там же. Л. 108об.
[88] Там же. Д. 45. Л. 77.
[89] Там же. Д. 27. Л. 154.
[90] Там же. Л. 287.
[91] Там же. Д. 10. Л. 6об.
[92] Там же. Д. 45. Л. 120.
[93] Там же. Л. 245.
[94] Там же. Д. 22. Л. 55об.
[95] Там же. Л. 55об.
[96] Там же. Л. 102об.
[97] Там же. Д. 27. Л. 171.
[98] Там же. Л. 334.
[99] Там же. Д. 16. Л. 36.
[100] Там же. Л. 33.
[101] Там же. Л. 24.
[102] Там же. Д. 22. Л. 38.
[103] Там же. Л. 60.
[104] Там же. Д. 10. Л. 46.
[105] Российский государственный архив экономики. Ф. 514. Оп. 1. Д. 1. Л. 2.
[106] Там же. Л. 2.
[107] Там же. Д. 42. Л. 13.
[108] Там же. Д. 46. Л. 44.
[109] Там же. Л. 45—46об.
[110] Там же. Д. 82. Л. 3.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Трудовые армии и другие воинские подразделения, использовавшиеся в период Гражданской войны на хозяйственном фронте, явились органической частью социально-экономической действительности первых лет советской власти, одним из важнейших элементов политики военного коммунизма.

Можно выделить четыре основных этапа в развитии теоретических представлений и конкретной деятельности, касающихся использования военнослужащих для трудовых целей.

1. Весна 1917 — начало 1918 гг. Постановка вопроса о переходе к «всеобщему вооружению народа», органически соединяющего мирный труд и защиту социалистического отечества, всеобщей трудовой повинности, основанной на сознательном добровольном труде большинства населения. Присутствует гипертрофированный классовый подход, неоправданная вера в то, что социальная близость окажется сильнейшим магнитом, который сможет преодолеть все национальные, политические, культурные и иные различия, разделяющие рабочих, крестьян. Несостоятельными, как показал дальнейший исторический опыт, оказались и надежды на высокую сознательность трудящихся, которые должны были добровольно, с энтузиазмом, без всякого внешнего понуждения служить на благо родной рабоче-крестьянской власти.

2. Середина 1918—1919 гг. Обоснование необходимости ужесточения трудовой политики, расширения сферы применения внеэкономического принуждения. Эпизодическое использование частей преимущественно для решения продовольственных задач.

3. 1920—1921 гг. Перевод на трудовой фронт значительных масс военнослужащих, объяснявшийся с одной стороны конкретной внутри- и внешнеполитической ситуаций, в которой оказалась страна, с другой стороны — потребностью скорейшего перехода к всеобщей трудовой повинности с помощью армии.

В рамках данного этапа можно выделить три периода. Первый, ограниченный январем—серединой апреля 1920 г. характеризуется попытками использования на трудовом фронте некоторых боевых армий. Второй, продолжавшийся до марта 1921 г., отмечен применением в хозяйственной деятельности большого числа разнородных трудовых соединений, сохранявших в целом военную

структуру и находившихся в ведении РВСР. Третий этап (апрель 1921 г. — конец 1921 г.) связан с пребыванием трудовых частей в системе народного комиссариата труда

4. 1922 г. Формирование на базе бывших трудовых армий государственных рабочих артелей, предназначенных для сохранения ведущей роли государства в использовании массовой рабочей силы для решения важных экономических задач.

Военнослужащие широко привлекались к видам хозяйственной деятельности, требовавшей массовой неквалифицированной рабочей силы (ремонт и очистка железных дорог, лесозаготовки, погрузка и разгрузка топлива, строительство), а также могли использоваться на фабриках, заводах, в железнодорожных депо, мастерских целыми подразделениями или в индивидуальном порядке. Виды работ, в которых участвовали трудовые соединения, отличались большим разнообразием, что существенно затрудняло учет и контроль со стороны военного ведомства. Поэтому постепенно пришло осознание того, что эффективное применение трудовых частей требует освобождения военнослужащих от мелких нарядов и сосредоточения на заготовке топлива и обслуживании транспорта.

В целом же в тех отраслях экономики, где использовались трудармейцы, никаких существенных сдвигов в 1920—1921 гг. не произошло. В лучшем случае удавалось лишь поддерживать уровень производства на минимальном уровне, спасая транспорт и предприятия от окончательной деградации. Трудовые армии, хотя и внесли значительный вклад в спасение народного хозяйства края от полного краха в эпоху военного коммунизма, все-таки не смогли оправдать тех радужных надежд, которые первоначально с ними связывались. Вполне обоснованным являлось участие воинских частей в выполнении некоторых кратковременных, срочных работ: ликвидации последствий стихийных бедствий, ремонте мостов, восстановлении телеграфных линий и т.п.

Не менее важным был тот факт, что трудовые части выполняли множество функций, напрямую не связанных с хозяйственной деятельностью: обеспечивали тыловые коммуникации войск, находящихся на боевом фронте, занимались формированием запасных частей, предназначенных для отправки в зону военных действий, боролись с антисоветскими мятежами, выполняли политическую

и культурно-просветительскую работу наряду с другими подразделениями Красной армии.

Существование трудовых армий было оправдано постольку, поскольку они были в состоянии обеспечить порядок в районе дислокации. Не ради борьбы с внешним агрессором, а для того, чтобы удержать в повиновении местное население, не допускать восстаний, подавлять саботаж, соединять отдельные части разлаженного экономического механизма. Трудармии — один из элементов военного коммунизма, который придавал системе устойчивость, помогал латать дыры, возникшие не только из-за разрушительной многолетней войны, но и по причине несоответствия принципов безрыночного бесклассового строя жизненным реалиям российского общества. Это инструмент, с помощью которого обеспечивалась милитаризация некоторых важнейших отраслей народного хозяйства. Иногда трудармейцы выступали как своего рода «штрейкбрехеры», заменявшие шахтеров, нефтяников, строителей, лесорубов, металлургов, не желавших работать только лишь на голом энтузиазме или в лучшем случае за минимальный продовольственный паек. Именно как чрезвычайная мера, своего рода спасительная соломинка для утопающей экономики могло быть оправдано в течение ограниченного времени использование рабочей силы военнослужащих.

Таким образом, трудовые армии решали самые разнообразные задачи, соответствовавших специфике района их дислокации — политической и экономической ситуации, состоянию органов советской власти, настроениям населения, нуждам фронта и т.д. Именно в этом смысле можно говорить об их позитивном значении. Роль в экономической жизни, участие в хозяйственном возрождении страны была достаточно скромной. В течение 1920—1921 гг. ими добывалось в пределах 5—10% различных видов топлива. Значительное количество произведенного шло на нужды самих вооруженных сил.

Несмотря на непродолжительное время существования, трудовые армии оказали определенное влияние на дальнейшую историю нашей страны, их опыт нашел практическое применение в последующий период. Было сделано ряд важных выводов, содержавшихся в отчетах и докладах некоторых командующих трудовыми армиями или бригадами.

Во-первых, принудительный труд оправдан в том случае, если он используется в отдаленных районах, где отсутствуют другие источники рабочей силы. Во-вторых, он целесообразен на так называемых «ударных» работах, т.е. имеющих первостепенное значение для страны. В-третьих, необходимы военизированные формы организации рабочей силы, о чем ясно свидетельствовала практика неудачных трудовых мобилизаций гражданского населения. В-четвертых, нужна система поощрений и взысканий за выполнение или невыполнение установленных уроков и норм выработки. В-пятых, принудительный труд должен носить массовый характер.

Вполне очевидно, что подобного рода идеи не могли не отразиться на последующем использовании принудительной рабочей силы в 1930—1940-е гг. Как показала позднее история ГУЛАГа, этот опыт оказался востребованным в условиях форсированного индустриального рывка.

С трудовыми армиями связано появление военной терминологии в трудовых сводках советского периода.

Определенное влияние опыта трудовых частей сказалось на последующей деятельности военных совхозов, продолжавших существовать в вооруженных силах Российской Федерации до настоящего времени. В начале 1920-х гг. перед этими сельскохозяйственными предприятиями ставились не только экономические, но и идеологические задачи — воспитать у красноармейцев (вчерашних крестьян) привычку к коллективному труду, сделать их приверженцами и рассадниками колхозов в деревне.

В последствии значение военных совхозов становилось очевидным опять же в критические моменты для отечественной экономики и государства, когда возникали трудности со снабжением продовольствием военнослужащих в условиях общего падения производства, например в 1990-е гг. Их экономическая эффективность во многом строилась на минимизации затрат на оплату труда рабочих, комплектующихся за счет призыва. Переход армии на контрактную основу, как нам представляется, поставит под сомнение дальнейшие перспективы существования военных совхозов как эффективно работающих сельскохозяйственных предприятий. Их сохранение оправдывается опять же тем, что мы пока еще не застрахованы от внешне- и внутриполитических

кризисов, которые могут нарушить нормальное снабжение вооруженных сил.

Другое направление хозяйственной деятельности Красной армии связано с развитием военной кооперации. Объединения военнослужащих для получения денежных средств использовали такие источники как создание промыслово-производственных и торговых предприятий, мастерских по ремонту обуви, обмундирования, часов, гончарных, мыловаренных, пимокатных заводов, хлебопекарен, артелей грузчиков т.п. Например, военно-кооперативным отделом при Самарском губсоюзе в течение 1922—1923 гг. были организованы две столовые, две бильярдные, клуб-читальня, совхоз с пчельником, садом, посевами полевых культур[1]. Военная кооперация считалась в период нэпа не просто способом обеспечения военнослужащих товарами первой необходимости, но и как «защитное средство... широких трудовых масс от наручников частного капитала»[2].

Можно также говорить и о значении использования трудовых армий для решения внешне- и внутриполитических задач. Уже в 1920-х гг. о необходимости формирования «промышленной армии» в тылу, что позволит вооруженным силам «свободнее распоряжаться своими ресурсами, своим запасом», — писал сотрудник организационно-мобилизационного управления штаба РККА, комкор Н.Н.Мовчин[3]. В годы первых пятилеток личный состав вооруженных сил принял непосредственное участие в возведении гигантов тяжелой индустрии и электроэнергетики, строительстве железных дорог и московского метрополитена, подготовке руководящих и технических работников для колхозов и совхозов. В Дальневосточной армии в 1932 г. из стрелковых соединений был сформирован колхозный корпус. В его задачи входило не только обеспечение продовольствием и фуражом вооруженных сил, но и помощь в освоении Дальнего Востока.

Рассматривая вопрос о характере будущих войн с империалистическими державами, бывший командующий 2-й Особой армией Д.П.Оськин приходит к выводу о необходимости создания некоего подобия трудовых армий:

«Допустим, что соотношение сил будет таково, что наша рабоче-крестьянская Красная армия потерпит неудачи на важнейших участках или направлениях фронта, отступит и война будет

продолжаться на Советской территории. Поскольку все население Советского Союза понимает необходимость противодействия и отпора капиталистическому нападению, поскольку все население страны в целом выступает на защиту пролетарского Союза... В этом случае весь Советский Союз в целом будет представлять собой вооруженный лагерь, с одной стороны, и трудовую армию, с другой. При таком положении не будет никакой надобности в создании особых организаций в виде бывших трудовых армий. Но это только внутри Советской страны. Представим себе далее, что военные действия перенесены с союзной территории на территорию наших врагов... Эта территория будет ближайшей к фронтовым операциям, через нее будут проходить коммуникационные пути. Нормальная работа хозяйственных и иных предприятий и учреждений, от чего будет зависеть питание и снабжение советских армий, может потребовать создания таких органов, которые обеспечивали бы дальнейшие военные успехи...

Трудно предугадать форму будущей тыловой военной организации, но по существу своих функций она будет совпадать с нашими трудармиями образца 1920 года, ибо, несомненно, займется вопросами устройства коммуникационных линий, использованием хозяйственных предприятий и развитием новых, для чего использует ненужные или излишние для фронта тыловые части и организует военнопленных для хозяйственного труда».

Прогноз Д.П.Оськина во многом оправдался в годы Великой Отечественной войны, когда подразделениям советской армии на территории Германии, освобожденных от фашистской оккупации стран Восточной Европы пришлось брать на себя решение тех задач, которые выполнялись трудовыми армиями в 1920—1921 гг.: восстановление разрушенных предприятий, дорог, мостов, распределение продовольствия, охрана путей сообщения и культурных объектов и т.д., а также участие в воссоздании структур местного самоуправления из числа лиц, не запятнавших себя военными преступлениями, лояльных советской администрации.

Сбылись и предположения о превращении советского тыла в «вооруженный лагерь» и «трудовую армию». Мобилизации для проведения оборонных работ, обеспечения рабочей силой предприятий и учреждений позволили отчасти компенсировать проблему дефицита трудовых ресурсов. Не случайно также, что

в народе рабочие объединения, создаваемые из различного рода «неблагонадежного элемента» (прежде всего, советских немцев) получили название «трудовые армии».

В 1950 г. после окончания Гражданской войны в Китае, подразделения Народно-освободительной армии переводятся на борьбу с хозяйственной разрухой, в чем также, вероятно, сказывалось влияние опыта трудовых армий Советской России. «Когда армия занимается производством, — писал Мао Цзэдун, — тем яснее становится и учреждениям необходимость заниматься производством»[5]. Трудовые части НОАК прокладывали железные дороги, строили ирригационные каналы и дамбы, участвовали в сельскохозяйственных работах[6]. В 1950—60-е гг. об использовании своих вооруженных сил для решения трудовых задач заявляли руководители ряда развивающихся стран, ориентировавшихся на Советский Союз. Так, представители правящей партии Республики Конго отмечали, что «на данном этапе революции армия должна также заниматься производительным трудом и одновременно стать кузницей кадров и школой патриотизма»[7]. К хозяйственной деятельности привлекались в различные периоды вооруженные силы Сирии, Мозамбика, Вьетнама, КНДР, некоторых стран СНГ[8].

Примечательно, что различные формы милитаризации возникают в обществах, переживающих сложные социально-экономические и политические преобразования, сопровождающиеся ломкой прежних и возникновением новых отношений. Естественно данное явление наблюдается в период войн, требующих чрезвычайного напряжения всех сил. Милитаризация происходила в том случае, когда осуществляемые государством меры могут встретить или уже встречают сильное сопротивление значительной части общества, а использование других, мирных методов воздействия на население по ряду причин невозможно.

Однако, по большому счету, широкое применение армии для хозяйственных нужд — результат критического положения, в котором находится страна, экономических и политических проблем, которые нельзя решить традиционными средствами. В мирное время использование трудовых частей в сколько-нибудь широких масштабах не может быть оправдано.

Примечания

[1] Российский государственный военный архив. Ф. 25889. Оп. 5. Д. 444. Л. 41об.

[2] Цит. по: Брятющенко Ю.В. Военная кооперация — самостоятельная ветвь потребительской системы 1921—1924 гг. // Кооперация. Страницы истории. М., 1996. Вып. 6. С. 128.

Мовчин Н. Комплектование Красной Армии. (Исторический очерк). Л., 1926. С. 262.

[3] Оськин Д. Хозяйственная работа 2-й Особой армии. М., 1926. С. 78—79.

[4] Мао Цзэ-Дун. О самообеспечении армии путем развития производства // Избранные произведения. М., 1954. Т. 4. С. 591.

Кэ-Цзе-Дун. Причины небывалого урожая 1950 года // Народный Китай. 1951. № 1—2. С. 7.

[5] Правда. 1966. 7 декабря.

[6] См. напр.: Баев А. Туркменбаши: «Иметь армию не только трудно, но и опасно». Как из вооруженных сил сделать трудовую армию [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.polit.ru/world/2004/02/20/noarmy.html

Список сокращений

Алгемба, Алгэмба (Александров Гай — Эмба) — проект строительства железной дороги и нефтепровода между нефтяными месторождениями Прикаспия и Поволжьем.

ВО — военный округ.

ВОГРА — Всероссийское объединение государственных рабочих артелей

Всероглавштаб — Всероссийский главный штаб.

ГВИУ — Главное военно-инженерное управление.

ГКТ, Главкомтруд — Главный комитет по проведению всеобщей трудовой повинности.

Главлеском — Главный лесной комитет при ВСНХ.

Главод — Главное управление водного транспорта.

Главруктрударм — Главное управление руководителя работ военно-полевых строительств.

Главснабпродарм — Главное управление по снабжению Красной Армии и Флота продовольствием.

г.р. — год рождения.

ГУСТ — Главное управление снабжения трудовых частей.

ГУТР — Главное управление трудовых частей Республики.

губвиды — губернские военно-инженерные дистанции.

желеском — железнодорожный лесозаготовительный комитет.

к.-д. — коне-дней.

комгосоор, комгосор — комитет государственных сооружений.

комсах — комендатура сахарного района.

комтруд — комитет по проведению всеобщей трудовой повинности

к.с. — кубических саженей.

л. с. — личный состав.

НКП, наркомпрод — народный комиссариат продовольствия.

НКПС — народный комиссариат путей сообщения

НКТ, наркомтруд — народный комиссариат труда.

НКФ, наркомфин — народный комиссариат финансов.

опродком — особая продовольственная комиссия.

п. — пудов.

подрем — подвижная ремонтная мастерская.

Продпуть — Всероссийский Совет снабжения железнодорожников при НКПС.

промвоенсовет — Совет военной промышленности.

ПУР — Политическое управление Реввоенсовета Республики.

РАТ — революционная армия труда.

РВСР — Революционный военный совет Республики.

с. — сажень.

Совтрударм — Совет трудовой армии.

СТО — Совет Труда и Обороны.

Цекопродарм — Центральная комиссия по упорядочению и правильной постановке дела снабжения армии продовольствием и предметами первой необходимости.

Центрокомтруд, Центрвоентрудкомиссия — Центральная комиссия по трудовому применению Красной Армии и Флота Республики.

ЦПКП — центральное правление каменноугольной промышленности.

ч/д, ч.-д. — человеко-дней.

Чусоснабарм — чрезвычайный уполномоченный Совета обороны по снабжению Красной армии и Флота.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение №

Работы, выполненные отдельными трудовыми армиями по 1 ноября 1920 г.

	Заготовка дров (к.с.)	Вывозка дров (к.с.)	Ремонт ж.д. путей (верст)	Ремонт паровозов/вагонов (шт.)	Погрузочно-разгрузочные работы (вагонов)	Очистка железнодорожных путей (верст)
1-я РАТ	159.311	100.943	749	240/376	39.610	749
2-я РАТ	7.113	142	463	184/7.109	7.889	108
Петроградская	40.880	7.189	44	1.562/6.964	51.717	5
Украинская	59.164	23.625	483	139/524	46.723	556
Кавказская	282	—	257	10/—	5.495	105
2-я Особая	31.103	45.875	3.138	1.091/18.654	23.968	687
Запасная	91.997	74.000	6.231	16.892/107.352	96.027	340
Части Туркфронта	19.000	6.000	0,5	—	1.000	1.345
Части Западного фронта	30.587	4.270	3,5	29/4.403	4.161	59
Части Кавказского фронта	42.000	25.000	840	791/719	1.549	840
5-я армия Восточного фронта	306.222	46.263	16,5	504/32	2.608	46
Части тыловых округов	191.288	59.961	198	83/187	195.508	179
Всего	990.947	400.271	11.853	21.890/146.562	476.841	5.068

Источник: Беджанян Р.М. Красная Армия на фронте восстановления народного хозяйства (1920—1925 гг.). Львов, 1968. С. 78.

Приложение № 2

Работы, выполненные трудовыми армиями в январе — августе 1920 г.

Виды работ	С начала работ до 15 апреля	15 апреля — 1 июля	1 июля — 1 сентября	Всего
Очистка железнодорожных путей от снега и мусора (верст)	3.407	459	299	4.163 [4165]
Ремонт железнодорожных путей (верст)	114.5	6.518,5	1.125	7.758,5
Ремонт паровозов (шт.)	3.458	6.089	7.114	16.661
Ремонт вагонов (шт.)	16.640	42.121	44.263	103.024
Погрузка и разгрузка (шт. вагонов)	16.160	209.195	136.236	361.591
Лесозаготовки (к.с.)	470.630	329.337	78.785	878.152 [878.752]
Вывозка лесоматериалов (к.с.)	366.500	27.829	52.271	386.594 [446.600]

Источник: ГАРФ. Ф. 382. Оп. 1. Д. 313. Л. 14.

Приложение № 3

Соотношение количества работавших трудармейцев и общей численности 1-й РАТ в 1920 г.

	В среднем находилось на трудовом фронте	В среднем из них работало	%
С начала работ по 31 января	4.389	1.557	35.5
1—14 февраля	54.902	7.476	13.3
15—29 февраля	58.983	6.040	10.2
1—14 марта	61.471	15.611	25.4
15—31 марта	54.900	13.797	25.0
1—14 апреля	61.666	13.771	22.5

15—30 апреля	61.961	12.968	20.9
1—14 мая	50.229	11.976	20.4
15—31 мая	45.277	7.611	16.8
1—14 июня	46.035	7.392	16.0
15—31 июня	39.270	10.744	27.4
1—14 июля	36.283	8.505	23.5
15—31 июля	55.607	13.361	24.0
1—14 августа	59.967	16.298	27.9
15—31 августа	58.494	13.457	23.0
В среднем с начала работ по 1 ноября	46.746	10.101	21.6

(Увеличение численности трудовой армии во 2-й половине июля объясняется переводом на трудовой фронт некоторых частей, подчиненных губвоенкоматам).

Источник: М.С. Деятельность частей Первой Трудовой Армии // Серп и молот. 1920. № 28—29. С. 14; Деятельность 1-й Армии Труда за 1920 год // Серп и молот. 1921. № 6—7. С. 102.

Приложение № 4

Работы выделявшиеся 1-й РАТ в январе — августе 1920 г. (в % по отношению к общему числу работавших)

Периоды	Наименование работ											
	Лесные заготовки	Добыча каменного угля	Служба связи	Ст. жб. мастерские	Служба телеграф.	Строительные	Полевые и сельскохозяйственные	Рубка и пиление соли	Рыбные	Земляные	Кожевенно-мехорезные работы	Прочие работы
С начала работ по 29.2.1920 г.	62.1	—	8.0	5.9	0.3	4.6	—	—	13.4	0.0	4.6	1.1
за март	51.1	0.2	7.6	7.5	0.4	0.9	—	—	20.7	1.0	8.3	2.3
за апрель	16.5	0.5	10.8	7.7	0.5	4.1	—	—	32.7	0.8	22.8	3.6
за май	21.0	0.2	6.9	11.2	1.1	10.3	—	—	12.3	0.9	32.2	9.9
за июнь	23.7	0.1	1.7	17.8	1.9	3.3	17.0	—	25.2	1.5	5.7	2.1
за июль	16.7	1.1	4.3	16.8	2.8	15.6	10.8	9.0	8.5	6.1	6.4	1.9
за август	21.5	0.9	8.4	14.5	3.5	18.2	8.0	9.0	4.1	6.5	2.3	2.2
В среднем	33.4	0.4	6.6	10.7	1.4	7.8	4.2	2.7	16.5	2.4	11.0	3.0

Источник: М.С. Деятельность частей Первой Трудовой Армии .. С. 18.

Приложение № 5

Работы, выполненные 1-й Революционной армией труда в 1920—1921 гг.

Виды работ	1920 г.	1921 г.	Всего
Заготовлено дров (к.с.)	155.000	25.000	180.000
Заготовлено лесоматериалов (млн. куб. футов)	4,8	1,2	6
Добыто угля (млн. п.)	1	7.7	8.7
Добыто камня (куб.аршин)	10.720	10.690	21.490
Перевнижение топлива (млн. п.)	30	50	80
Передвижение разных материалов (млн. п.)	4	45	49
Производство кирпича (тыс. шт.)	31	225	256
Проложено ж.д. путей (верст)	40	62	102
Ремонт ж.д. путей (верст)	186	347	533

Источник: РГВА. Ф. 25892. Оп. 7. Д. 59. Л. 252.

Приложение № 6

Работы, выполненные инженерными частями 2-й Особой армии в апреле — октябре 1920 г.

Виды работ		Количество
Лесозаготовки	Дрова (к.с.)	18.387
	Вывоз дров (к.с.)	3.629
	Древесный уголь (п.)	3.236
	Кора (п.)	11.657
	Шпалы (шт.)	6.277
	Бревна (шт.)	24.717
Работы на железной дороге	Ремонт пути (верст)	3.635
	Смена шпал (шт.)	83.490
	Смена рельс (шт.)	9.370
	Укладка нового пути (п.с.)	16.012
	Очистка пути (верст)	1.982
	Выработка камня (к.с.)	2.697
	Сделано насыпей (к.с.)	7.634
	Сделано выемок (к.с.)	7.091
	Ремонт паровозов (текущий, средний и случайный, шт.)	232
	Ремонт вагонов (шт.)	3.406

	Погрузка и выгрузка вагонов (шт.)	7.204
Разные работы	Установка машин и станков (шт.)	14
	Постройка и ремонт зданий (шт.)	96
	Перенесено грузов (п.)	60.900
	Ремонт мостов (шт.)	4
	Прокладка телеграфных линий (верст)	289
	Заготовлено инструментов (шт.)	2.671

Источник: Оськин Д. Хозяйственная работа 2-й Особой армии. М., 1926. С. 102—103.

Приложение № 7

Работы на транспорте, выполненные Запасной армией с 27 февраля 1920 г. по 1 января 1921 г.

Наименование работ	Количество	Общая численность работавших		
		От Инженерного строительства армии	От Управления пехоты армии	От железной дороги
Исполнено земляных работ, из них 75% в мерзлом, твердокаменном и мокром грунте (к.с.)	53.242,38	6.265	300.288	2.103
Произведено балластных работ (к.с.)	57.626,98	2.339	196.142	6.400
Уложено пути (п.с.)	97.948,61	3.523	62.320	—
Поднято пути (верст)	504.5	13.266	100.834	180
Разобрано пути (п.с.)	6.534	93	4.197	187
Сделано новых и прочищено старых кюветов (п.с.)	75.000	1.709	28.998	—
Построено деревянных мостов (п.с.)	203,48	12.685	4.082	1.778
Выполнено каменных и бетонных работ (к.с.)	611,61	7.603	952	24
Разработано бревен и поставлено телеграфных столбов (шт.)	13.060	11.075	53.692	—
Восстановлено телеграфной линии (верст)	300	176	6.354	—
Сменено шпал (шт.)	37.248	—	4.125	—

Возведено гражданских сооружений (к.с.)	6.117,62	17.541	30.060	3.763
Разработано и погружено дров (к.с.)	762	—	2.900	—
Проделано других работ на транспорте (строительных, погрузочно-разгрузочных, ремонтных и пр.)	—	25.105	340.229	6.043
Всего		271 897	1 251 562 3	20 799

Источник: РГВА. Ф. 212. Оп. 3. Д. 189. Л. 91—91об.

Приложение № 8

Ремонт паровозов по депо Восточного отдела Казанской железной дороги и депо Рузаевка в 1920 г.

Месяцы	Текущий	Средний	Специальный и случайный	Работало в среднем ежедневно	
				железнодорожников	красноармейцев
Январь	876	6	8	1052	108
Февраль	934	4	55	1052	191
Март	1037	7	11	1309	288
Апрель	1374	14	45	1394	335
Май	1765	28	48	1402	332
Июнь	1923	20	61	1419	292
Июль	2019	25	69	1477	414
Август	2051	16	74	1450	567
Сентябрь	2250	15	65	1713	556
Октябрь	2300	21	85	1641	360
Ноябрь	2023	14	72	1558	329
Декабрь	1895	9	72	1440	281
Итого	20447	180	665	[14091]	[3381]

Источник: РГВА. Ф. 212. Оп. 3. Д. 189. Л. 2об.

Приложение № 9

Ремонт вагонов по депо Восточного отдела Казанской железной дороги и депо Рузаевка в 1920 г.

Месяцы	Текущий	Средний	Специальный и малый	Оборудовано	Без отцепки	Работало в среднем ежедневно	
						железнодорожников	красноармейцев
Февраль	2005	63	379	406	—	194	107
Март	2900	99	3053	1004	844	300	93
Апрель	1851	552	160	1261	7902	366	174
Май	1315	808	134	1588	9784	454	150
Июнь	1860	728	720	1247	7276	531	210
Июль	14159	39	443	1672	6876	511	238
Август	5174	108	463	1800	8046	565	301
Сентябрь	5939	122	434	3440	7128	580	311
Октябрь	6813	125	278	1482	6915	635	193
Ноябрь	3246	125	280	2070	5992	638	175
Декабрь	3468	175	295	2380	5597	777	150
Итого	51730	3004	6695	18350	67290	[505*]	[182*]

Источник: РГВА. Ф. 212. Оп. 3. Д. 189. Л. 2об.
* в среднем работало в течение года.

Приложение № 10

Количество человеко-дней, отработанных во второй половине 1920 г. военнослужащими Запасной армии на Ижевских заводах

Месяцы	квалифицированных	неквалифицированных	Всего
Июль	4.392	11.553	15.945
Август	6.993	18.858	25.851
Сентябрь	13.741	22.006	35.747
Октябрь	16.684	29.920	46.304
Ноябрь	28.526	126.856	155.382
Декабрь	38.827	58.486	98.813
Итого	109.163	267.679	378.042

Источник: РГВА. Ф. 212. Оп. 3. Д. 189. Л. 3об.

Приложение № 11

«Трудовая сводка 2-ой Армии Республики» за 15 мая 1920 г.

Наимен части	Число людей и под-вод	Что сделано			Примечание
1 бриг.	284 ч 18 под.	Погружено шлак 2 ваг.	Выгружено продовольствия 500 пуд.	Отремонтирован путь на расст. 100 саж., сменено 137 шпал, сложено 100 шпал, перевезено продовольствия 1046 п., очищен путь на 200 саж.	ст. Грязи
2 бриг.	271 ч	—	Выгружено ржи 1000 п., литературы 1000 п., времени 1260 п.	Убрано чугуна 300 пудов	Воронеж
3 бриг.	144 ч.	Погружено 16 платф. балласта, 7 платф. мусора, 650 вагон. частей, 500 п. вагонных тележек	—	—	Лиски
5 бриг.	40 ч.	—	—	Очищен путь 600 кв. саж.	Глуховцы
6 бриг.	80 ч.	—	—	Отремонтировано 2 товарных вагона, разобрано 3 паровоза, собран 1 паровоз, перевесено 80 труб	Ростов/н-Д
7 бриг.	154 ч.	Погружено 2 ваг. бандажей	Выгружен 1 ваг. бандажей, 2 баса 400 п.	—	Борисоглебск
—//—	752 ч.	Погружено 2 ваг. шпал, 2 ваг. бандажей, мусора 100 п., угля 450 п.	—	Заготовлено леса 57 куб. саж.	Борисоглебск *
1 Труд. Инжен. б-н	64	—	—	Отрыто земли 6 куб. саж. Тянуто 40 шт. столбов. Вырыто для столбов 30 ям, установлено 11 столбов.	Завод Ричард Поле

Матер. служба	Свед. не получено	Погружено дров 156 куб.саж.	—	—	На линии Ю.В. ж.д.
Итого	1889 ч. 18 под.	Погружено разного груза 31 ваг. и 1950 п., дров 4160 к.с.	Выгружено разного груза 1 ваг. и 4160 п.	Отремонтирован путь на расст. 100 саж. Сменено и сложено 237 шпал, перевезено разн. груза 1046 п., очищен путь на расст. 800 саж., убрано чугуна 300 п., отремонтировано 2 товарн. ваг., разобрано 3 паровоза, собран 1 паровоз, перенесено 80 труб, заготовлено леса 57 к.с., отрыто земли 6 к.с., вынуто 40 шт. столбов. Вырыто для столбов 30 ям, установлено 11 столбов.	

Врид начоперотдела Аверин
Помначальника оперативного отделения Романов»
* приписано от руки: «работы производились с 12—14.5»
Источник: РГВА. Ф. 171. Оп. 1. Д. 202. Л. 58.

Приложение № 12

Причины, по которым трудармейцы 1-й РАТ не выходили на работу

Периоды	Наличный состав		Расход по обслуживанию частей		Больных		На строевых занятиях		Не работало из-за отсутствия: б-мундирования		Не работало по другим причинам	
	ч/д	%	ч/д	%	ч/д	%	ч/д	%	ч/д	%	ч/д	%
с начала работ по 31.01 1920 г.	206318	100	73646	35,7	35216	17,1	—	—	—	—	47031	22,8
1—14 февраля	768634	100	322276	42,0	93709	12,2	—	—	—	—	184845	24,1
15—29 февраля	884757	100	367973	41,6	84184	9,5	—	—	—	—	248307	28,1
1—14 марта	86599	100	312521	36,3	64884	7,5	36609	4,3	56660	6,6	114154	13,3

15—31 марта	943467	100	334837	35,5	64706	6,8	55351	5,9	86200	9,1	166888	17,7
1—14 апреля	854920	100	317671	37,1	10916	5,9	60240	7,0	47643	5,6	17543	20,3
15—30 апреля	991490	100	288152	28,5	58569	5,9	90914	9,2	72766	7,3	258163	26,1
1—14 мая	703211	100	229540	32,6	48795	6,9	76113	1,8	36046	[illegible]	138964	19,8
15—31 мая	769710	100	285913	37,1	53970	7,0	76662	9,9	34981	4,5	155652	20,2
1—14 июня	647286	100	218325	33,7	40218	6,2	96521	14,9	33666	5,2	132310	20,4
15—30 июня	628315	100	187447	29,8	47540	7,6	61396	9,8	35626	5,7	82389	13,1
1—14 июля	507960	100	170211	33,5	42264	8,3	70889	13,9	26349	5,2	39450	7,7
15—31 июля	945327	100	32821	33,9	64190	6,8	131220	13,9	58868	6,2	72029	7,6
1—14 августа	839498	100	278901	33,2	67561	8,0	10319	11,9	52723	6,3	65108	7,7
15—31 августа	994392	100	331909	33,4	103097	10,4	134286	13,5	74367	7,5	34936	8,5
Итого	1545884	100	4038643	35,0	919916	8,0	39590	8,6	615845	5,3	966612	7,0

Источник: М.С. Деятельность частей Первой Трудовой Армии... С. 15.

Приложение № 13

Работа Донецкой трудовой армии по углю во второй половине 1921 г. (в пудах)

	Добыча	Погрузка в вагоны	Прочие работы (просевка, промывка, сортировка и др.)	Всего
Июль	1.255.628	4.544.609	4.533.085	10.333.322
Август	1.713.682	4.019.220	3.374.700	9.107.602
Сентябрь	2.768.656	4.555.708	3.317.006	10.641.370
Октябрь	3.976.849	4.666.354	3.936.711	12.579.914
Ноябрь	3.531.933	3.233.089	3.847.878	10.612.900
Декабрь	4.471.363	3.423.347	3.475.015	11.369.625
Всего	17.718.111	24.442.227	22.484.395	64.644.733

Источник: ГАРФ. Ф.486. Оп. 1. Д. 100. Л. 5.

Приложение № 4

Численность военнослужащих Донецкой трудовой армии, занятых на подземных работах во второй половине 1921 г.

	Июль	Август	Сентябрь	Октябрь	Ноябрь	Декабрь
Личный состав*	10.360	10.229	10.258	9.187	6.489	6.383
Из них подземных рабочих (%)	1.785 (17)	3.456 (33,6)	4.383 (47,7)	3.559 (38,7)	3.718 (57)	3.770 (59,3)
Доля трудармейцев в общем числе подземных рабочих Донбасса (%)	4,2	9,1	12,7	8	7,1	6,6

Источник: ГАРФ. Ф.486. Оп. 1. Д. 100. Л. 1, 17.

* без штабов, необмундированных, больных и проч., не участвовавших в работах.

Приложение № 15

Добыча угля трудовыми армиями в январе — ноябре 1921 г. (п.)

Трудовые районы	Январь	Февраль	Март	Апрель	Май	Июнь
Уральский	887.392	772.468	Нет свед.	Нет свед.	Нет свед.	Нет свед.
Украинский	—	70.000	768.120	1.041.522	1.291.103	1.213.657
Сибирский	599.513	333.276	408.769	769.806	550.591	329.662

Трудовые районы	Июль	Август	Сентябрь	Октябрь	Ноябрь	Декабрь	Всего
Уральский	327.520	261.737	441.020	439.468	Нет свед.	129.561	7.700.000
Украинский	1.255.628	1.622.886	2.768.656	3.976.849	3.942.166	4.471.363	22.421.95
Сибирский	655.021	814.513	1.029.193	—	—		5.490.344

Источник: ГАРФ. Ф. 486. Оп. 1. Д. 83. Л. 41; Д. 84. Л. 125; Д. 99. Л. 18; Д. 100. Л. 5.

Приложение № 16

Добыча нефти Кавказской трудовой армией в январе — октябре 1921 г. (п.)

Январь	Февраль	Март	Апрель	Май	Июнь
176.936	215.675	281.893	774.738	1.695.014	1.785.134

Июль	Август	Сентябрь	Октябрь	Ноябрь	Декабрь	Всего
1.792.940	1.843.488	1.517.540	1.355.721	3.528.551	3.890.381	18.857.011

Источник: ГАРФ. Ф. 486. Оп. 1. Д. 83. Л. 38; Д. 84. Л. 85.

Приложение № 17

Распределение трудчастей по работам в 1921 г. (в %)

	Самообслуживание части	Транспорт	Топливо	Задания военного ведомства	Нарком-прод	Другие главки
1 марта	29,73	23,12	18,37	9,74	9,31	9,73
1 августа	24,27	24,15	24,85	6,58	10,15	9,7
1 октября	22,52	24,21	28,55	9,39	7,84	7,49
30 ноябре*	15	1,52	81,14	—	—	2,34

* — данные по частям, заключившим договора с хозяйственными организациями.

Источник, ГАРФ. Ф. 486. Оп. 1. Д. 8. Л. 11.

Приложение № 18

Распределение военнослужащих трудовых армий по видам работ к началу сентября 1921 г.

Трудовые районы	Транспорт	Топливо	Военное ведомство	Продработа	Разные работы	Административно-хозяйственное управление и хоз. службы	Всего
Центральный	9.868	4.420	2.288	65	2.256	7.349	26.246*
Петроградский	7.102	7.167	1.500	2.130	1.365	1.781	21.045
Уральский	2.726	3.947	2.209	—	1.340	1.244	11.466
Поволжский	4.155	331	5.054	8.736	1.391	1.315	19.882 [20.962]
Украинский	12.131	7.171	1.165	2.461	7.015	5.674	35.707** [35.617]
Кавказский	1.842	3.054	8.350	1.600	863	7.577	23.026** [23.286]
Сибирский	5.253	9.370	1.185	180	3.542	6.433	25.963*

Туркестанский	164	10	—	45	739	441	3.639
Всего	43.241	35.470	21.751	18.017	18.141	31.814	169.974 [169.034]

Источник: ГАРФ. Ф. 486. Оп. 1. Д. 115. Л. 2.

Примеч.: Данные по распределению военнослужащих Туркестанского трудового района неполные.

* — на 1 авг.

** — на 15 авг.

Приложение № 19

Распределение военнослужащих трудовых армий по видам работ к началу октября 1921 г.

Трудовые районы	Транспорт	Топливо	Военное ведомство	Продработа	Разные работы	Административно-хозяйственное управление и хоз. службы	Всего
Центральный	17.124	12.254	3.403	1.577	2.456	5.019	41.838
Петроградский	5.076	6.203	2.716	657	1.736	3.477	19.865
Уральский	2.502	5.547	1.773	335	1.658	2.002	13.829
Поволжский	7.518	331	3.954	8.736	2.449	1.315	24.303
Украинский	3.180	12.200	670	1.629	1.763	15.696	35.143
Кавказский	4.627	8.755	4.066	1.614	397	7.577	27.036
Сибирский	5.028	8.402	1.075	—	3.584	6.708	24.797
Туркестанский	626	166	49	234	78	699	1.851
Всего	45.687	53.863	17.711	14.782	14.126	42.498	188.662

Источник: ГАРФ. Ф. 486. Оп. 1. Д. 115. Л. 5.

Приложение № 20

Распределение военнослужащих трудовых армий по видам работ к началу ноября 1921 г.

Трудовые районы	Транспорт	Топливо	Военное ведомство	Продработа	Рятные работы	Административно-хозяйственное управление и хоз. службы	Всего
Центральный	11.933	9.484	2.879	1.101	4.040	4.376	33.813
Петроградский	3.161	3.710	1.064	197	650	2.007	10.789
Уральский	113	3.645	60	—	297	1.251	5.366
Донбасс	—	10.836	—	148	—	3.044	14.028
Кавказский	3.098	7.514	4.410	716	197	8.886	24.821
Сибирский	5.028	8.402	829	-	2.491	5.000	21.750
Всего	23.333	43.591	9.242	2.162	7.675	24.564	110.567

Источник: ГАРФ. Ф. 486. Оп. 1. Д. 115. Л. 6.

Приложение № 21

Заключение договоров с хозяйственными ведомствами на использование рабочей силы трудармейцев в конце 1921 г. (чел.)

Ведомства	на 1 ноября	на 15 ноября	на 1 декабря	на 15 декабря	на 1 января 1922 г.
Главлесом	250	1.050	2.600	2.941	5.081
Главуголь	—	—	7.365	7.365	14.422
Главнефть	—	—	5.000	5.000	5.000
НКПС (служба пути)	250	250	250	250	250
НКПС (мат. служба)	—	—	—	3.339	3.339
Остальные главки	400	2.430	3.890	4.590	5.222
Всего	900	4.030	19.105	23.485	33.314

Источник: ГАРФ. Ф. 486. Оп. 1. Д. 9. Л. 3.

Приложение № 22

Трудовая наличность Сибирской трудовой армии в мае — июле 1921 г. (%)

	На трудовых заданиях	Заняты самообслуживанием	Больные	Всего не работало
Май	39,5	8,44	7,57	60,15
Июнь	53,27	6,73	9,56	46,67
Июль	53,97	5,46	11,16	46,03

Источник: ГАРФ. Ф. 486. Оп. 1. Д. 82. Л. 10.

Приложение № 23

Использование военнослужащих 1-й РАТ (Уральского трудового района) в январе — ноябре 1921 г. (%)

	Янв.	Фев.	Март	Апр.	Май	Июнь	Июль	Авг.	Сент.	Окт.	Нояб.
Обслуживание частя	33	29	27	23	28	27	19	20	23	26	28
В дребросе	1	1—2	1—2	1—2	1—2	1—2	1—2	1—2	1—2	3	5
Отдых	12	10	13	13	10	11	10	12	6	8	7—8
Отсутствие обмундирования	12	12	13	8	7	8	5	5	10	20	30
Больные	2—3	3	3	—	4—5	9	9	5	5	4	4—5
Прочие причины	5	5	2—3	2—3	2—3	2-3	2	2	5	7	2
Работало	32	39	40	45	41	41	55	53	50	34	21—22

Источник: РГВА. Ф. 25892. Оп. 7. Д. 59. Л. 244.

Приложение № 24

Использование рабочей силы трудовых армий в 1921 г. (в %)

	На трудзаданиях	Самообслуживание	Не использовались				Всего не работало
			Больные	Необмундированы	Отдых	Другие причины	
1 марта	32.54	29.73	8.02	14.55	10.34	4.82	67.46
1 августа	47.24	24.27	4.51	7.08	10.61	6.29	55.76
1 октября	51.12	22.52	6.23	7.54	9.85	2.74	48.88
20 ноября (предполагается)	55	15	6	12	10	2	45

Источник: ГАРФ. Ф. 486. Оп. 1. Д. 8. Л. 11об.

Приложение № 25

Производительность труда военнослужащих Сибирской трудовой армии в 1921 г.

	февраль	май	июнь	июль	август	сентябрь
Добыча угля (пудов на человека в день)	...	21	29	39	36,26	49,5
Заготовка дров (к.с. на человека в день)	0,13	0,2	0,28	0,23	0,26	0,24

Источник: ГАРФ. Ф. 486. Оп. 1. Д. 83. Л. 76—71.

Приложение № 26

Средняя ежедневная производительность труда военнослужащих Донецкой трудовой армии во второй половине 1921 г. (в пудах)

	Добыча угля	Погрузка угля в вагоны	Прочие работы по углю
Июль	54.7	374.6	295.4
Август	118.3	362.6	223
Сентябрь	114	389,5	347
Октябрь	148.1	484.1	118.1
Ноябрь	156	568.6	423
Декабрь	188.1	576.4	405.5

Источник: ГАРФ. Ф. 486. Оп. 1. Д. 100 Л. 6—7.

Приложение № 27

Средняя производительность труда военнослужащих (по отношению к 1/3 урока урочного положения) в 1921 г. (%)

	Заготовка дров	Лесозаготовки	Добыча угля	Разработка нефти	Ремонт железных дорог	Сельхозработы	Продработы	Строительные работы	Разные работы
Январь	85	80	136	100	100	100	—	—	100
Март	123	103	141	141	150	125	100	246	139
Август	182	330	136	529	120	107		114	396
Сентябрь	270	270	240	517	285	374	569	399	423

Источник: ГАРФ. Ф. 486. Оп. 1. Д. 8. Л. 11об.

Приложение № 28

Работы, выполненные трудовыми армиями в сентябре — октябре 1921 г.

Трудовые районы	Добыча нефти (п.)	Погрузка дров (к.с.)	Выгрузка дров (к.с.)	Добыча угля (п.)	Заготовка дров (к.с.)	Погрузка угля (п.)
Центральный	—	91.990	35.233	—	38.225	—
Северный	—	51.957	11.394	—	40.605	—
Уральский	—	8.136	10.017	880.488	5.952	—
Украинский	—	—	—	6.745.405	—	9.224.162
Сибирский	—	2.641	1.049	1.029.193	6.220	751.326
Кавказский	2.873.261	—	—	—	—	—
Всего	2.873.261	154.655	56.649	8.655.186	91.958	9.975.488

Источник: ГАРФ. Ф. 486. Оп. 2. Д. 34. Л. 12.

Приложение № 29

Заявки хозяйственных ведомств на рабочую силу трудармейцев осенью 1921 г. (чел.)

Трудовые районы	Главлесом	Главуголь	Главнефть	НКПС	Всего
Центральный	39.000	500	—	19.742	34.969
Северный	5.000	800	—	12.756	18.556
Уральский	5.000	3.200	—	9.560	17.760
Кавказский	1.000	—	5.000	7.290	13.290

Сибирский	11.000	4.070	—	18.630	33.700
Донбасс	—	24.000	—	—	24.000
Всего	61.000	32.570	5.000	67.978	166.548

Источник: ГАРФ. Ф. 486. Оп. 1. Д. 9. Л. 2об.

Приложение № 30

Распределение трудармейцев по районам и видам работ на 1 февраля 1922 г.

Районы	Главлеском заготовка и погрузка дров	Главуголь добыча и погрузка угля	Главнефть добыча и погрузка нефти	НКПС: погрузка и выгрузка дров	Работа в других главках	Итого
Центральный	12.419	—	—	5.557	3.754	21.730
Северный	1.391	—	—	250	980	2.631
Сибирский	—	7.057	—	—	—	7.057
Кавказский	2.500	—	5.380	—	1.834	9.714
Донбасс	—	6.473	—	—	—	6.473
Итого:	16.310	13.530	5.380	5.807	6.568	47.594

Источник: ГАРФ. Ф. 486. Оп. 2. Д. 34. Л. 16об.

Приложение № 31

Военно-трудовые отряды Донбасса в феврале — июле 1922 г.

Месяц	Численность личного состава (в л.с.)			Работа в л.с. (%)	Не работало л.с. (%)	Занято на самообслуживании л.с (%)
	Забойщиков	Прочих подземных	Всего			
Февраль	1.183	2.262	ок. 6.000	71,7	16,6	11,23
Март	764	1.907	4.648	70,6	19,9	9,5
Апрель	640	1.618	Нет свед.	76,5	14	9,4
Май	Нет сведений					
Июнь	Нет сведений		2.432	Нет сведений		
Июль	251	469	1.600	72,1	15,4	12,5

Источник: ГАРФ. Ф. 9560. Оп. 1. Д. 16. Л. 1.

Приложение № 32

Деятельность Донецкого отделения ВОГРА в феврале — июле 1922 г.

Месяц	Добыто угля (п.)	% выполнения	Погружено угля (п.)	% выполнения
Февраль	3.446.499	80,98	1.946.877	41,23
Март	2.999.165	74,8	1.718.170	69,4
Апрель	1.781.372	80,4	1.813.757	61,4
Май—Июнь	Нет сведений			
Июль	1.202.410	78	494.480	112,8

Источник: ГАРФ. Ф. 9560. Оп. 1. Д. 16. Л. 1.

Приложение № 33

Сибирское отделение ВОГРА в 1922 г.

	Иркутско-Черемховская группа артелей			Ожно-Кузнецкая группа артелей			Анжеро-Судженская группа артелей			Кемеровская отдельная артель		
	1	2	3	1	2	3	1	2	3	1	2	3
1 апреля	58	2.107	76	47	2.731	67	12	243	—	6	252	20
1 мая	60	2.182	66	46	1.892	53	11	210	—	6	211	19
1 июня	60	1.453	15	54	1.355	14	—	—	—	6	212	42
1 июля	75	375	27	7	302	3	—	—	—	5	178	38

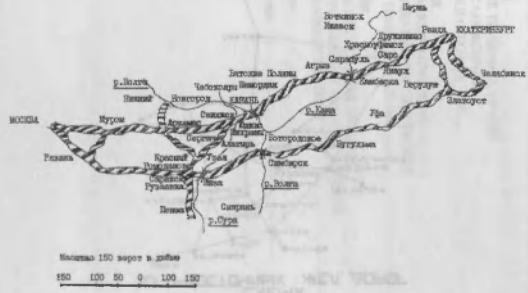
	Кольчугинская отдельная артель			Новониколаевская отдельная артель			Артель по обслуживанию Карской экспедиции			Артель по постройке Кольчугинской новостройки		
	1	2	3	1	2	3	1	2	3	1	2	3
1 апреля	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1 мая	—	—	—	7	—	300	—	—	—	—	—	—
1 июня	6	258	—	7	—	300	2	—	100	5	—	400
1 июля	6	177	—	—	—	—	2	—	100	5	—	400

1 — административно-хозяйственный состав; 2 — трудармейцы; 3 — вольнонаемные.

Источник: ГАРФ. Ф. 9560. Оп. 1. Д. 22. Л. 165.

Приложение № 34

Район действия Запасной армии Республики на железнодорожном транспорте



Источник: Артемов О.Ю. Проблемы милитаризации труда в условиях военного коммунизма на материалах Запасной Армии Республики. 1919—1921 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. М., 1995. С. 247.

Приложение № 15

Район действия 2-й Особой армии

Источник: Оськин Д. Хозяйственная работа 2-й Особой армии. М., 1926. С. 22.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение 3

Глава I
УЧАСТИЕ ТРУДОВЫХ АРМИЙ
В ВОССТАНОВЛЕНИИ
НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА 8

Глава II
ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ,
КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ
РАБОТА ТРУДОВЫХ АРМИЙ 115

Глава III
ВСЕРОССИЙСКОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ
ГОСУДАРСТВЕННЫХ РАБОЧИХ АРТЕЛЕЙ
И ЕГО ПРАВОПРЕЕМНИКИ 162

Заключение 200

Приложения 210

Научное издание

Цысь Валерий Валентинович

ТРУДОВЫЕ АРМИИ ПЕРИОДА ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Монография
В двух частях

Часть 2

ХОЗЯЙСТВЕННАЯ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Книга издана в авторской редакции

Компьютерная верстка *А.З.Насибуллиной*
Художник обложки *Л.П.Павлова*

Изд. лиц. ЛР № 020742. Подписано в печать 28.05.2009
Формат 60x84/16. Бумага для множительных аппаратов
Гарнитура Times. Усл. печ. листов 14,5
Тираж 500 экз. Заказ 921

Отпечатано в Издательстве
Нижневартовского государственного гуманитарного университета
628615, Тюменская область, г.Нижневартовск, ул.Дзержинского, 11
Тел./факс: (3466) 43-75-73, E-mail: izdatelstvo@nggu.ru

RS NOVOVARTOVSK
'3063861060'

ЦЫСЬ ВАЛЕРИЙ ВАЛЕНТИНОВИЧ — доцент кафедры истории России Нижневартовского государственного гуманитарного университета.

В 1992 г. окончил Тюменский государственный университет. В 1996 г. защитил кандидатскую диссертацию по теме «Всеобщая трудовая повинность на Урале в период военного коммунизма (1919—1921 гг.)» в Уральском государственном университете им. А.М.Горького.

Сфера научных интересов — история Гражданской войны 1917—1921 гг., история Зауралья XIX — первой трети XX вв.